

Tom 4 №1 **2019**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Редакционная коллегия

Главный редактор – Струк Елена Николаевна, доктор философских наук, заведующая кафедрой социологии и психологии ИРНИТУ

Заместитель главного редактора – Сидорова Наталья Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии ИРНИТУ

Ответственный за выпуск – Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и психологии ИРНИТУ

Кармадонов Олег Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления ИГУ

Пуляевская Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии и психологии ИРНИТУ

Степаненко Диана Аркадьевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, заместитель директора Восточно-Сибирского филиала Российской академии правосудия, член Квалификационной коллегии судей Иркутской области

Мушинский Михаил Адеилович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юриспруденции ИРНИТУ

Дементьева Ольга Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, и.о. директора Института лингвистики и межкультурных коммуникаций ИРНИТУ

Татарников Владимир Германович, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции ИРНИТУ

Редакционная коллегия

Байков Николай Михайлович, доктор социологических наук, профессор Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Воротилкина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой сервиса, рекламы и социальной работы Приамурского государственного университета **Казаков Алексей Аширович**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, доцент филологического факультета Национального

исследовательского Томского государственного университета

Козлов Владимир Васильевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии Ярославского государственного университета, Президент Международной Академии психологических наук

Липатова Людмила Николаевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и программ государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия»

Подлиняев Олег Леонидович, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Педагогического института Иркутского государственного университета. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Поздеев Вячеслав Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Заслуженный деятель науки Российской Федерации

Туяа Готовын, доктор Ph, профессор, заведующая кафедрой Европеистики Монгольского государственного университете науки и технологий

Хагуров Темыр Айтечевич, доктор социологических наук, профессор Кубанского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. Действительный член Российской академии социальных наук

Эрдэнэмаам Сосорбарам, доктор Ph, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Монгольского государственного университета

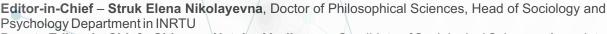

Vol. 4 No.1 2019

SCIENTIFIC JOURNAL

SOCIAL COMPETENCE

EDITORIAL COLLEGIUM

Deputy Editor-in-Chief – Sidorova Natalya Vasilyevna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department in INRTU

Responsible to sign off the issue – Kopalkina Evgeniya Gennadyevna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department in INRTU

Karmadonov Oleg Anatolyevich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of State and Municipal Management Department in ISU

Pulyaevskaya Olga Vladimirovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department in INRTU

Stepanenko Diana Arkadyevna, Doctor of Juridical Sciences, Professor of Criminal Law Department, Deputy Director of East-Siberian Branch of the Russian Academy of Justice, a Member of Qualification Board of Judges of Irkutsk region

Mushinskiy Mikhail Adeilovich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of Jurisprudence Department in INRTU

Dementyeva Olga Vyacheslavovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Acting Director of Linguistics and Cross-Cultural Communication Institute in INRTU

Tatarnikov Vladimir Germanovich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Jurisprudence Department in INRTU

EDITORIAL BOARD

Baikov Nikolay Mikhailovich, PhD in Sociological Sciences, Professor of Far East Institute of Management – a branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration

Vorotilkina Elena Mikhailovna, PhD in Pedagogical Sciences, Professor, Head of Service, Advertising and Social Work Department in Priamursky State University

Kazakov Alexey Ashirovitch, Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian and Foreign Literature Department, Associate Professor of Faculty of Philology at National Research Tomsk State University

Kozlov Vladimir Vasilyevich, PhD in Psychological Sciences, Professor, Head of Social and Political Psychology in Yaroslavl State University. President of the International Academy of Psychological Sciences

Lipatova Lyudmila Nikolayevna, PhD in Sociological Sciences, Leading Researcher of Department of Regional Studies and Programs of Mordovia Public Institution "Scientific Research Institute of Humanities under the Government of Mordovia Republic"

Podlinyaev Oleg Leonidovich, PhD in Pedagogical Sciences, Professor of Pedagogics Department in Pedagogical Institute of Irkutsk State University. Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Pozdeev Vyacheslav Alexeevitch, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods Department at Vyatka State University

Romashov Roman Anatolyevich, PhD in Juridical Sciences, Professor of Theory of Law and Law Enforcement Department in St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. Honoured Scholar of the Russian Federation

Tuya Gotovyn, PhD, Head of European Studies Department in Mongolian State University of Science and Technology

Hagurov Temyr Aitechevich, PhD in Sociological Sciences, Professor of Kuban State University, Leading Researcher of the Institute of Sociology of the Russian Federation. Full Member of the Russian Academy of Social Sciences

Erdenemaam Sosorbaram, PhD, Professor, Head of the Russian Language and Literature Department in Mongolian State University

Tom 4 №1 **2019**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Содержание

Солержание

	ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ
Іавлов А.П., Шестакова	аспект обеспечения национальной безопасности России Е.А. Налоговые системы России и Китая: сравнительно-правовой
Цамурзаев Т.Т., Архипова	А.Н., Туркова В.Н. Юридические аспекты установления личности
	ийствеоды ограничений социальных прав индивидов в РФ
	ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
Іиколаева А.В. Исследован	психологическая компетентность: уровни и компонентыие готовности педагогов к реализации идей ФГОС дошкольного образо-
	нтность: свобода подключения и отключения
	СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
олдаков П.И. Текст патента	как социокультурный феномен
аврилова Н.И. Церковно-пр	риходские попечительства как структурная единица благотворительной бществ города
ак направление реализац	выпускников средних профессиональных и высших учебных заведений ции активной политики занятости (на примере Иркутской облас-
	арья: западный дрейф 2000-х
	зание и общественная значимость языков коренных народов Югры
оциологический аспект	
социологический аспект	
оциологический аспект Contents	
социологический аспектСontents	
оциологический аспектСontents	or-in-chief.
Сontents Contents Contents Struk E.N. Aletter from the edit	or-in-chief
Contents Contents Struk E.N. A letter from the edit Kolotkina O.A. The social asperaylov A.P., Shestakova E.A. Shamurzaev T.T., Arkhipova	or-in-chief JURIDICAL SCIENCES ect of national security of Russia
Contents Contents Contents Struk E.N. A letter from the edit Colotkina O.A. The social asperavlov A.P., Shestakova E.A. Shamurzaev T.T., Arkhipova	or-in-chief
Contents Contents Contents Struk E.N. A letter from the edit Colotkina O.A. The social asperavlov A.P., Shestakova E.A. Shamurzaev T.T., Arkhipova	or-in-chief. JURIDICAL SCIENCES ect of national security of Russia. Tax systems of Russia and China: comparative legal aspect. a A.N., Turkova V.N. Legal aspects of victim's identification in murder
Contents Contents Contents Contents Contents Colotkina O.A. The social asperaviov A.P., Shestakova E.A. Shamurzaev T.T., Arkhipova Cases Cagofarova I.D. Analysis of the Chikolaeva A.V. Study of teacher	or-in-chief
Contents Contents Contents Struk E.N. A letter from the edit Kolotkina O.A. The social asperaviov A.P., Shestakova E.A. Shamurzaev T.T., Arkhipova Cases	or-in-chief
Contents Contents Contents Struk E.N. A letter from the edit Kolotkina O.A. The social asperation A.P., Shestakova E.A. Shamurzaev T.T., Arkhipova cases. Yagofarova I.D. Analysis of the Arpentieva M.R. Socio-psycholikolaeva A.V. Study of teacher Tymoshchuk A.S. Media comp	JURIDICAL SCIENCES ect of national security of Russia. Tax systems of Russia and China: comparative legal aspect a A.N., Turkova V.N. Legal aspects of victim's identification in murder e social restrictions on the rights of individuals in Russia. PEDAGOGICAL SCIENCES cological competence: levels and components er's readiness to implement the FSES preschool education ideas Determine the social restriction and disconnection

Struk E.N. The youth of Angara region: the western drift of the 2000s.....

Khaknazarov S. Kh. Use and public significance of languages of the indigenous peoples of Ugra:

sociological aspect.....

80

87

Tom 4 №1 **2019**

5

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Слово главного редактора

Уважаемые коллеги!

Представляю вам очередной номер журнала «Социальная компетентность», который выходит в первый весенний месяц 2019 года. В журнале по-прежнему три рубрики: юридические, педагогические и социологические науки. Постепенно расширяется тематика журнала, география вузов, преподаватели которых размещают свои публикации на страницах нашего журнала. В этом номере представлены статьи авторов из Екатеринбурга, Ханты-Мансийска, Нижнего Тагила, Владимира, Иркутска, Бишкека (Киргизия).

Раздел «Юридические науки» представлен интересными статьями, исследующими социальный аспект обеспечения национальной безопасности России (Колоткина О.А., Уральский государственный экономический университет), в сравнительно-правовом аспекте – налого-

вые системы России и Китая (Павлов А.П., Шестакова Е.А., Уральский институт управления РАНХ и ГС при Президенте РФ), природу ограничений социальных прав индивидов в РФ (Ягофарова И.Д., Уральский государственный экономический университет), юридические аспекты установления личности потерпевшего по делам об убийстве (Шамурзаев Т.Т., Кыргызско-Российский Славянский университет, Архипова А.Н., Туркова В.Н., Иркутский национальный исследовательский технический университет).

В публикациях из раздела «Педагогические науки» подробно анализируются уровни и компоненты социально-психологической компетентности (Арпентьева М.Р., Югорский государственный университет), готовность педагогов к реализации идей ФГОС дошкольного образования (Николаева А.В., Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета), вопросы свободы подключения и отключения в медиакомпетентности (Тимощук А.С., Владимирский государственный университет).

Статьи в разделе «Социологические науки» посвящены исследованиям церковноприходских попечительств как структурной единице благотворительной деятельности локальных сообществ города (Гаврилова Н.И., Иркутский национальный исследовательский технический университет), стажировке выпускников средних профессиональных и высших учебных заведений как направлению реализации активной политики занятости Иркутской области (Копалкина Е.Г., Иркутский национальный исследовательский технический университет), тексту патента как социокультурного феномена (Болдаков П.И., Иркутский национальный исследовательский технический университет), молодежи Приангарья: западный дрейф 2000ых (Струк Е.Н., Иркутский национальный исследовательский технический университет), социологическому аспекту использования и общественной значимости языков коренных народов Югры (Хакназаров С.Х., Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок).

В этом году у нас несколько изменились требования к оформлению публикаций в журнале. Это вызвано требованиями информационных систем учета научных публикаций, которым мы стремимся соответствовать, а также подготовкой журнала для вхождения в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук».

Редакционная коллегия благодарит авторов, редакторов и рецензентов за мартовский выпуск нашего журнала!

Приятного чтения!

Оригинальная статья / Original article $У\Delta K$ 342.7

Социальный аспект обеспечения национальной безопасности России

© О.А. Колоткина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация: В данной статье рассматривается актуальный вопрос, касающийся социальных аспектов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Сегодня используют более структурное и объемное понятие «национальная безопасность», что предполагает защиту не только интересов государства, а и проживающего в нем населения. И с этой позиции круг возможных и возникающих угроз значительно расширяется. И исходят они не только с внешней стороны, но и с внутренней, что представляет особую опасность. Поэтому в последнее время в нашем государстве все чаще задумываются о способах и мерах обеспечения национальной безопасности. Социальный аспект в данном контексте является одним из приоритетных, поскольку значимые угрозы связаны с демографическими факторами, уровнем жизни, проводимыми реформами, которые, к сожалению, вызывают негативные последствия, а также в целом социальное, духовное отчуждение населения. В настоящей статье предлагается обратить на это внимание и в качестве возможной рекомендации – на обеспечение права на безопасность конкретного человека. Это будет способствовать тому, что появятся положительные результаты при обеспечении национальной безопасности в целом.

Ключевые слова: национальная безопасность, демографическая ситуация, социальный аспект обеспечения национальной безопасности, угрозы, право личности на безопасность

Информация о статье: Дата поступления 21 февраля 2019 г.; дата принятия к печати 4 марта 2019 г.; дата онлайнразмещения 25 марта 2019 г.

Для цитирования: Колоткина О.А. Социальный аспект обеспечения национальной безопасности России // Социальная компетентность. 2019. Том 4. № 1. С. 6–11.

The social aspect of national security of Russia

© Oxana A. Kolotkina

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian federation

Abstract: The article discusses the topical issue of social aspects of national security of the Russian Federation. Currently, the more structural and broad concept of "national security" is used, which implies the protection of not only the interests of the state, but also the population living in it. From this point of view, the range of possible and emerging threats is expanding significantly. These threats come not only from the outside, but also from the inside, which is a particular danger. Therefore, in recent years, in the Russian Federation more thought is given to the ways and means of protection of the national security of Russia. The social aspect in this context is one of the priorities, as significant threats are related to demographic factors, living standards, ongoing reforms, which, unfortunately, cause negative consequences as well as social and spiritual alienation of the population. The article draws attention to these factors and, as a possible recommendation, to enforcement of rights for security of a particular person, which is practically not mentioned anywhere. This will contribute to the fact that there will be positive results in ensuring national security in general.

Keyword: national security, demographic situation, social aspect of national security, threats, the right of the individual to security

Article info: Received February 21, 2019; accepted for publication March 4, 2019; available online March 25, 2019.

For citation: Kolotkina O.A. The social aspect of national security of Russia. Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence. 2019, vol. 4, no. 1, pp. 6–11. (In Russ.).

В последнее время интерес государств к вопросам безопасности постоянно растет, что связано с устойчивыми кризисными явлениями последних десятилетий, проявляющихся в различных сферах. И если раньше все больше говорили о государ-

ственной безопасности и ее обеспечении, то сейчас склоняются к национальной безопасности, что значительно расширяет круг субъектов, нуждающихся в защите. Все это придает данной проблеме социальный аспект.

Быстрые изменения мировой геополитики, критическое положение России на международной арене и сложные внутригосударственные условия, негативные тенденции социально-экономического развития государства, увеличение угроз правам и интересам граждан [Ягофарова, 2003. С. 127], государству и обществу ставят перед представителями власти задачи – разработать эффективную систему обеспечения национальной безопасности в целом.

К самому термину «национальная безопасность» стали обращаться не так давно. Впервые он был употреблен в 1904 году в послании президента Соединенных Штатов Америки (далее – США) Т. Рузвельта Конгрессу, где он обосновал присоединение зоны Панамского канала интересами «национальной безопасности» США.

В СССР проблема национальной безопасности официально не разрабатывалась, поскольку государственный интерес был превыше всего. Поэтому все вопросы, связанные с обеспечением безопасности, включались в категорию «обороноспособность государства».

В Российской Федерации определение «национальной безопасности» впервые появилось в Послании Президента РФ Федеральному Собранию в 1996 году. В этом документе было определено: «Национальная безопасность понимается как состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее прогрессивное развитие личности, общества и государства» [Путин, 1996].

Спустя значительное время, Президент РФ издает Указ № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015 г., где этот термин начинает использоваться официально и на высшем уровне. Стратегия национальной безопасности является основополагающим документом в сфере стратегического планирования, которым определяются приоритетные интересы не только самого государства, а национальные интересы в целом как в сфере внешней, так и внутренней политики, что направлено на обеспечение устойчивого развития страны в дальнейшем. Стратегия рассчитана на объединение усилий органов государственной власти и местного самоуправления, а также

на активное участие институтов гражданского общества в создании благоприятных факторов, способствующих реализации национальных интересов и стратегических национальных приоритетов России [Путин, 2016].

В обновленной Стратегии уточнён и расширен перечень национальных интересов Российской Федерации на долгосрочную перспективу. В их состав дополнительно были включены такие приоритетные направления как укрепление обороны страны; обеспечение национального согласия и единства общества; повышение конкурентоспособности национальной экономики; сохранение культуры и традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества. Но без видимых изменений сохранился перечень стратегических национальных приоритетов, по которым строится вся работа государственных органов России в сфере обеспечения национальной безопасности. Это говорит о преемственности политики, с учетом вновь возникающих вызовов и угроз, с которыми сталкивается Россия в последнее время. Концептуальные положения Стратегии основываются на фундаментальной взаимосвязи и взаимозависимости обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития Российской Федерации [Подберезкин, 2016. С. 84-85]. Поэтому социальная основа и интерес в обновленной Стратегии прослеживается достаточно четко, что в принципе обусловлено социальной значимостью всей системы национальной безопасности.

В современный период ранее скрытые угрозы национальной безопасности России приобретают реальное воплощение. Это касается как внешних, так и внутренних угроз, связанных с экономическим и социальным состоянием общества. Проводимые со стороны государства реформы привели к тому, что в последние годы произошел резкий скачок смертности, спад рождаемости и колоссальное увеличение населения, проживающего за чертой бедности. Однако опасность связана не только с критической демографической ситуацией, а с качественным изменением духовного и идейного состояния российского населения, что отмечается и в аналитических отчетах [Подберезкин, 2016. С. 12].

Юридические науки Juridical sciences

Четко определить причину, обуславливающую данное положение дел, практически невозможно, поскольку это скорее совокупность различного рода причин и условий. В Стратегии национальной безопасности выделены основные причины угрозы национальной безопасности Российской Федерации в современном мире (рис. 1, 2).

Если мы говорим про угрозы в сфере экономики, то они, разумеется, носят комплексный характер и связаны с тем, что мы наблюдаем существенное сокращение внутреннего валового продукта на фоне продолжающихся санкций, недостаточно высокого уровня инновационной активности научно-технического сектора, о чем в последнее время говорится все чаще, стагнацией аграрного сектора, несбалансированностью банковской системы. Негативные

процессы также связаны с политически нестабильными регионами Российской Федерации, что также ослабляет единство экономического пространства и его составляющих.

Если говорить об угрозах национальной безопасности в международной сфере, что сейчас особо болезненно для России, то это проявляется в попытке государств ослабить роль и значение России в международной политике, дестабилизировать ее путем выхода из основополагающих международных договоров, помешать реализации национальных интересов и экономических позиций путем открытого давления на государства и т. д. И эти тенденции распространяются на все регионы мира, попытки нивелировать значимость российских позиций как в странах Европы, так и в странах Азии и Востока сохраняется.

Укрепление России происходит на фоне новых угроз национальной безопасности, имеющих комплексный взаимосвязанный характер. Проведение Российской Федерацией самостоятельной внешней и внутренней политики вызывает противодействие со стороны США и их союзников, стремящихся сохранить свое доминирование в мировых делах. Реализуемая ими политика сдерживания России предусматривает оказание на нее политического, экономического, военного и информационного давления.

Наращивание силового потенциала Организации Североатлантического договора (НАТО) и наделение ее глобальными функциями, реализуемыми в нарушении норм международного права, активизация военной деятельности стран блока, дальнейшее расширение альянса, приближение его военной инфраструктуры к российским границам создают угрозу национальной безопасности.

Сохраняется риск увеличения числа стран - обладателей ядерного оружия, распространения и использования химического оружия, а также неопределенность относительно фактов обладания иностранными государствами биологическим оружием, наличия у них потенциала для его разработки и производства. На территориях соседних с Россией государств расширяется сеть военно-биологических лабораторий США.

Появляются новые формы противоправной деятельности, в частности, с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий. Обостряются угрозы, связанные с неконтролируемой и незаконной миграцией, торговлей людьми, наркоторговлей и другими проявлениями транснациональной организованной преступности.

Возрастающее влияние политических факторов на экономические процессы, а также попытки применения отдельными государствами экономических методов, инструментов финансовой, торговой, инвестиционной и технологической политики для решения своих геополитических задач ослабляют устойчивость системы международных экономических отношений. На фоне структурных дисбалансов в мировой экономике и финансовой системе, растущей суверенной задолженности, волатильности рынка энергоресурсов сохраняется высокий риск повторения масштабных финансово-экономических кризисов.

Рис.1. Основные причины угроз национальной безопасности России Fig.1. The main causes of threats to the national security of Russia

Разведывательная и иная деятельность специальных служб и организаций иностранных государств, отдельных лиц, наносящая ущерб национальным интересам.

Деятельность террористических и экстремистских организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию работы органов государственной власти, уничтожение или нарушение функционирования военных и промышленных объектов, объектов жизнеобеспечения населения, транспортной инфраструктуры, устрашение населения, в том числе путем завладения оружием массового уничтожения, радиоактивными, отравляющими, токсичными, химически и биологически опасными веществами, совершения актов ядерного терроризма, нарушения безопасности и устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры Российской Федерации.

Деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, а также частных лиц, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование "цветных революций", разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Деятельность преступных организаций и группировок, в том числе транснациональных, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, организацией незаконной миграции и торговлей людьми.

Деятельность, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе.

Преступные посягательства, направленные против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности.

Коррупция.

Стихийные бедствия, аварии и катастрофы, в том числе связанные с глобальным изменением климата, ухудшением технического состояния объектов инфраструктуры и возникновением пожаров.

Рис. 2. Основные источники угрозы государственной и общественной безопасности Fig. 2. The main sources of threats to state and public security

Активно усиливаются угрозы национальной безопасности России и в информационной сфере, в том числе и с попыткой ограничения использования сети Интернет, что говорит о явном доминировании ряда государств в информационном пространстве и вытеснение России с внешнего и внутреннего информационного пространства, что представляет собой массу негативных последствий не только для национального интереса России [Аболмасова, 2018].

Учитывая проведенный анализ причин, факторов и видов угроз в сфере обеспечения национальной безопасности в РФ, можно предложить следующие меры, направленные на повышение эффективности действующего правового регулирования.

Поскольку, в процессе проведенного

анализа выявлено достаточно большое количество угроз национальной безопасности, то предлагаем принять по наиболее существенным видам законодательный акт, в котором будет четко прописано определение конкретной угрозы, ее содержание, сущность, а также применимые способы предотвращения и стратегическое планирование.

Согласно действующей Конституции РФ, основной ценностью в государстве является человек, его права и свободы, и по причине того, что результатом всех возможных угроз является причинение вреда конкретной личности, предлагаем особое внимание обратить на необходимость принятия Закона о безопасности личности. Связано это

с тем, что, во-первых, личность рассматривается в качестве обособленного объекта национальной безопасности Российской Федерации, требующего обеспечения со стороны государства должного уровня защищенности своих законных интересов, прав и свобод от различного рода угроз посредством их должного прогнозирования, минимизирования и устранения. Во-вторых, базовый закон о безопасности и стратегия национальной безопасности называют различные виды безопасности, среди которых отдельно обозначена такая разновидность национальной безопасности как «безопасность личности». В тоже время законодатель не конкретизирует отдельные разновидности безопасности личности, которые должны быть обеспечены государством в различных сферах ее жизнедеятельности с учетом потенциальных и реальных опасностей и угроз.

В законе необходимо дать понятие того, что такое «безопасность личности». В данном случае под ней понимается «состояние защищенности жизни и здоровья человека, его целей, индивидуального развития, прав и свобод, предусмотренных Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего от опасных внутренних и внешних воздействий (физических, духовных, информационных, этнокультурных, социальных, экономических, политических, экологических, медико-биологических, военных»).

Необходимо также определить, что объектом обеспечения безопасности личности является человек, а субъекты многочисленны: государство, его институты, организации, чиновники; общество, социальные группы, производственные и территориальные корпорации; семья и др. Следует помнить, что и сам человек является субъектом обеспечения своей безопасности.

Проводя общую классификацию факторов безопасности личности, в целом, их можно разделить на внутренние и внешние. К числу внутренних, связанных с самим человеком, относятся наследственность и образ жизни.

Внешние факторы являются средовыми. Это воздействия естественной (природной) среды, антропогенной (созданной человеком), техносферы, производствен-

ной деятельности, а также факторы социального характера.

Государство обеспечивает национальную безопасность всей своей совокупной мощью, которая определяется его природными ресурсами, уровнем развития экономики, геополитическим положением страны, морально-политическим состоянием населения. Поэтому чем сильнее государство, тем надежнее обеспечивается национальная безопасность.

Такой показатель может быть показателем национального человеческого капитала (или индекс развития человеческого капитала).

В конечном счете, именно качество отдельной личности и в целом нации обеспечивает безопасность, процветание и лидерство в мире.

В связи с этим предлагаем в данном законе дополнить перечень показателей безопасности, в основу которого положен принцип реализации физических, интеллектуальных и творческих возможностей человека и гражданина, принадлежащего к российской нации и государству:

- продолжительность образования;
- удовлетворенность граждан состоянием личной безопасности и темпами развития;
 - доход граждан на душу населения;
 - темпы роста населения;
 - наукоемкость экономики;
 - конкурентоспособность экономики.

Аппаратом взвешивания и объективного оценивания могут выступать комплексные модели и экспертные системы, эталонирование которых должны осуществлять экспортно-аналитические группы, возможно, представители заинтересованных международных организаций (политических, экономических, военных и т. п.).

Принятие подобного закона позволит на законодательном уровне закрепить понятие «безопасности личности», что давно уже требует своего уточнения и официального существования. Это также будет первым шагом в процессе выделения различных видов угроз национальной безопасности в целом и понимание их сущности, что дает возможность вырабатывать превентивные меры или меры противодействия. Обеспечивая

безопасность конкретной личности, государство тем самым создаст условия для социальной защищенности человека, что, как

следствие, будет способствовать обеспечению безопасности государства в целом.

Библиографический список

Аболмасова А.Э. Анализ актуальных внешних угроз национальной безопасности // Современные научные исследования и инновации. 2018. № 2. [Электронный ресурс]. URL.: http://web.snauka.ru/issues/2018/02/85709 (дата обращения: 21.02.2019).

Подберезкин А.И. Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями / Центр военно-политических исследований. М.: МГИМО Университет, 2016. 89 с.

Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации от 23.02.1996 г. [Электронный ресурс]. URL.: http://www.kremlin.ru/acts/bank/36349 (дата обращения 24.02.2019).

Путин В.В. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 [Электронный ресурс] // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 января 2016 г. № 1 (часть II) ст. 212.

Ягофарова И.Д. Ограничение права на образование // Право и образование. 2003. № 3. С. 126–131.

Сведения об авторах

Колоткина Оксана Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: oks-kolotkina@yandex.ru

Критерии авторства

Колоткина О.А. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Referencese

Abolmasova A.E. Analysis of actual external threats to national security. Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii [Contemporary scientific researches and innovations], 2018, no. 2. Available at: http://web.snauka.ru/issues/2018/02/85709 (accessed: 21 February 2019). (In. Russ.).

Podberezkin A.I. Draft of long-term strategy of national security of Russia with methodological commentaries. Tsentr voenno-politicheskikh issledovanii [Center for Military-Political Studies]. Moscow: Moscow State Institute of International Relations Universitet Publ., 2016. 89 p. (In. Russ.).

Putin V.V. The address of President of the Russian Federation on 23 February 1996. Available **at**: http://www.kremlin.ru/acts/bank/36349 (accessed: 24 February 2019). (In. Russ.).

Putin V.V. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of President of the Russian Federation of December 31, 2015, no. 683. [Collected Acts of the Russian Federation of January 4, 2016, no. 1 (part II) art. 212]. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/ 36349 (accessed: 20 February 2019). (In. Russ.).

Yagofarova I.D. Limitation of the right to education. *Pravo i obrazovanie* [Law and Education], 2003, no. 3, pp. 126–131. (In. Russ.).

Author's Credentials

Oxana A. Kolotkina, Cand. Sci. (Juridical Sciences), Associate Professor of Competition Law and Antimonopoly Regulation Department of Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian federation; e-mail: oks-kolotkina@yandex.ru

Criteria for Authorship

Kolotkina O.A. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

12

Оригинальная статья / Original article $У\Delta K$ 34.4414

Налоговые системы России и Китая: сравнительно-правовой аспект

© А.П. Павлов, Е.А. Шестакова

Уральский институт управления РАНХ и ГС при Президенте РФ, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация: В данной статье мы рассматриваем современную налоговую систему России и Китая, анализируем российское и китайское налоговое регулирование методом сравнения. В ходе исследования налоговых баз стремились: установить зависимость между уровнем налогообложения и темпами экономического развития; определить основные налоги Китая и России, которые формируют бюджеты рассматриваемых государств.

Проанализированы актуальные статьи и научная литература, затрагивающие проблематику данной темы. Особое внимание уделено правовой основе налогового законодательства Китая, где изучались сущность и структура регулирования налоговой политики. Рассмотрены нормативно-правовые акты Российской Федерации (далее – РФ) на примере Конституции РФ и Налогового Кодекса РФ, а также налоговая система и структура налогообложения Российской Федерации.

В качестве исследовательской задачи автором была определена попытка оценить налоговое законодательство Российской Федерации и сравнить ее с налоговой политикой Китая. Для выполнения этой задачи в статье проведен сравнительный анализ налоговой системы по устройству формирования бюджетной системы России и Китая.

Статья содержит статистические данные, которые показывают экономическое положение стран на мировом рынке и причины их роста и нестабильности экономического развития. Прежде всего это связанно с изменениями налоговых ставок. Приведенные итоги за 2018 год позволяют предположить, что ожидает в 2019 году Китай и Россию.

В ходе работы выявлена и обоснована проблема необходимости корректировок налогового регулирования на примере Китая, которые используют упрощенную систему налогообложения, однако их экономика развивается стремительными темпами.

Ключевые слова: китайская экономика, налоговая база, налоговая система, налоговое законодательство, налоговая политика, налоговое регулирование, национальный режим налогообложения

Информация о статье: Дата поступления 29 января 2019 г.; дата принятия к печати 1 марта 2019 г.; дата онлайн-размещения 25 марта 2019 г.

Для цитирования: Павлов А.П., Шестакова Е.А. Налоговые системы России и Китая: сравнительно-правовой аспект // Социальная компетентность. 2019. Том 4. № 1. С. 12–18.

Tax Systems of Russia and China: Comparative Legal Aspect

© Anatoly P. Pavlov, Ekaterina A. Schestakova

Ural Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract: The article considers the current tax systems of Russia and China, analyzes the Russian and Chinese tax regulation using the comparison method. Studying the tax bases the authors were intent on:

- establishing the relationship between the level of taxation and the pace of economic development;
- identifying the main taxes of China and Russia that form the budgets of the countries.

They have analyzed relevant articles and scientific literature related to the issues of this topic. Special attention is paid to the legal basis of China tax legislation, where the nature and structure of tax policy regulation was examined. Laws and regulations of the Russian Federation (hereinafter - the Russian Federation) via examples of the Constitution of the Russian Federation and the Tax Code of the Russian Federation are considered, as well as the tax system and the tax structure of the Russian Federation.

As a research task, the author attempted to evaluate the tax legislation of the Russian Federation and to compare it with the tax policy of China. To accomplish this task, the article provides a comparative analysis of the tax system of formation of the budget system in Russia and China.

The article contains statistical data that show the economic situation of the countries on the world market and the reasons for their growth and instability of their economic development. First of all, this is due to changes in tax rates. The results of the year 2018 allow to assume what China and Russia should expect in 2019.

In the course of the work, the need for tax regulation adjustments was identified and justified through the example of China that uses the simplified taxation system, but their economy is developing rapidly.

Keywords: Chinese economy, tax base, tax system, tax legislation, tax policy, tax regulation, national tax regime

Article info: Received January 29, 2019; accepted for publication March 1, 2019; available online March 25, 2019.

For citation: Pavlov A.P., Schestakova E.A. Tax systems of Russia and China: comparative legal aspect. Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence. 2019, vol. 4, no. 1, pp. 12–18. (In Russ.).

Китайская экономика стремительно развивается в современном мире. За последние 30 лет темпы роста достигли примерно 10 %. На сегодняшний день Китай – самая сильная космическая и ядерная страна. Предполагается, что к 2020 году экономически может превзойти США, выйдя на первое место в мире. Государство считается лидером в изготовлении множества видов промышленных товаров, в особенности легкой промышленности и автомобилестроении. В Китае находится более 50 % мировых запасов валюты (Карцева, Конвисарова, 2016. С. 635).

Налогообложение считается обязательной составляющей экономики для каждого государства в мире. Как правительство проводит налоговую политику, зависит формирование экономики. Взаимосвязь финансовой и налоговой концепций неоспорима. Налоговое бремя – главный элемент инвестиционного климата страны, образующего основу экономического подъема (Поспелова, 2014. С. 2).

В Китае, равно как и в других государствах, налоговые отчисления являются ключевой частью прибыли государственного бюджета и, в соответствии с этим, главной причиной финансирования всей общегосударственной политической деятельности как внутренней, так и внешней. При этом налоговая система стремительно используется властями как эффективный механизм макроэкономического регулирования, и она напрямую воздействует на движения финансового и общественного формирования государства (Поспелова, 2014. С. 6).

На сегодняшний день в Китае работают три закона: «О налоге на доходы предприятий», «О налоге на доходы физических лиц» и «О транспортном налоге». Другие налоги в Китае установлены административными правовыми актами – Временными положениями: «О налоге на добавленную стоимость», «О потребительском налоге», «О налоге на предпринимательскую деятельность», «О налоге на недвижимость» и др.

Основы концепции налоговой системы Российской Федерации установлены Конституцией и Налоговым Кодексом, по-

следний считается главным законодательным актом о налогах и сборах.

Налоговая политика Китая в некоторых моментах управления о налогах и сборах похожа на российскую. Администрированием абсолютно всех налогов занимается Главное Государственное Налоговое Управление (далее - ГГНУ) и налоговые управления провинций и местные налоговые управления. Управления согласно центральным налогам непосредственно подчинены ГГНУ Китая и реализовывают сбор налога на добавленную стоимость, потребительского налога, налога на доходы предприятий и иных налогов. Управления по местным налогам находятся в совместном подчинении ГГНУ Китая и местных народных правительств провинциального уровня, как народные правительства городков, независимых районов, городов центрального подчинения (Поспелов, 2014. С. 6). Такие управления занимаются сбором налога на доходы физических лиц, налога на предпринимательскую деятельность, транспортного налога, налога на имущество, налога на использование городских территорий и иных налогов.

В Китае налоговая система состоит из двадцати пяти видов налогов, которые объединили в восемь групп в зависимости от их сущности и выполняемых функций. В зависимости от вида налога его сумма полностью поступает в центральный бюджет, они распределяются между местным и центральным бюджетом или могут полностью оставаться в местном бюджете. Основные доходы бюджета Китая считаются: налог на добавленную стоимость (далее – НДС), налоги на импорт и на доходы корпораций (предприятий) (Бюджеты России..., 2019).

В России администрированием налогов занимается Федеральная налоговая служба Российской Федерации (ФНС РФ), Управления по субъектам РФ (УФНС РФ) и территориальные налоговые инспекции (Межрегиональные ИФНС РФ, Межрайонные Инспекции – МРИ ФНС РФ, ИФНС РФ). В Российской Федерации функционирует трехуровневая налоговая система, состоящая из федеральных, региональных и местных налогов (табл. 1).

Федеральные налоги являются обязательными к уплате платежам. Они устанавливаются высшим органом законодательной власти РФ. Доходы от федеральных налогов поступают в федеральный бюджет или распределяются между ним и бюджетами субъектов Российской Федерации. Состав, налоговая ставка, налоговая база и режим уплаты определяется высшим законодательным органом Российской Федерации.

Устройство бюджетной системы РФ предусматривает, что региональные, как и местные налоги, служат всего лишь дополнением к доходной части соответствующих бюджетов, в то время как отчисления от федеральных налогов являются главной составляющей. Во многих развитых странах доля местных налогов в доходах бюджетов составляет около 80 %, в РФ этот показатель варьируется от 0,7 до 17 % [Рожнова, 2014].

Из этого следует, что налоговая система Китая детализирована, что способствует упрощенному введению налогового регулирования. Однако в нашей стране налогообложение усложнено, поскольку параллельно действует система федеральных, региональных и местных налогов. И это, безусловно, способствует коррупционной составляющей в системе налогообложения.

В соответствии с этим сравнением можно заметить, что в Китае отсутствует «водный налог», отсутствует «сбор за пользованием объектами животного мира» и «пользование объектами водных биологиче-СКИХ РЕСУРСОВ)), ОТСУТСТВУЕТ ((ГОСУДАРСТВЕНная пошлина», «налог на игорный бизнес» и «торговый сбор». В России отсутствует «налог на городской ремонт и строительство», однако, установлен взнос в фонд капитального ремонта общего имущества в МКД. На территории Свердловской области он составляет с 1 января 2019 года 9,36 руб. за 1 кв.м. общей площади, принадлежащей собственнику помещения (Доходы России, 2018). Это примерно 10 % от общей суммы коммунальных платежей. В условиях санкций и обнищания основной части населения взносы существенно повлияли на уровень доходов граждан России.

Система «Платон» – система взимания платы с грузовиков, имеющих разре-

шенную максимальную массу свыше 12-ти т. Система была введена в эксплуатацию 15 ноября 2015 года и ее можно считать дополнительной налоговой нагрузкой. В стране насчитывается таких автомобилей около 1,5 миллиона, фактически более 80-90 % автомобилей, которые двигаются по федеральным трассам, сегодня уже зарегистрированы в системе. Кроме этого, по территории России передвигаются около 400 тыс. автомобилей массой свыше 12 тонн, зарегистрированных в других странах и осуществляющих транзитные перевозки. При этом наблюдается рост парка такого транспорта. На создание системы «Платон» уже потрачено 26 млрд. бюджетных рублей. Предполагаемая цифра сбора, когда система заработает в полном объеме, должна составить 58 млрд. руб., из них на ее содержание планируется использовать 10 млрд. руб. в год. При стоимости одного километра проезда по федеральным трассам для большегрузов 1,90 руб. (эта цена держится с 15.04.2017 г.) за время действия системы «Платон» уже собрано 63 761 592 069 рублей, что привело к удорожанию транспортных перевозок и товаров в торговой сети примерно на 10 % (Павлов, 2016).

Мы считаем, что целесообразным в данном вопросе является замена транспортного налога и системы ((Платон)) на взимание этих платежей в акцизе на бензин и дизтопливо. Тогда платить за пользование дорогами будут в зависимости от количества потребляемого топлива. Администрирование платежей за топливо при ведении учета в электронной форме не потребует больших затрат. Достаточно вычленить акциз за использование дорог из стоимости топлива и направить его в бюджет муниципалитета, субъекта РФ. Деньги поступят в бюджеты всех уровней, в том числе и конкретного бюджета, где заправился владелец транспорт-НОГО СРЕДСТВА, В СООТВЕТСТВИИ С УСТАНОВЛЕНным коэффициентом отчисления. Это потребует от руководителей субъектов иметь качественное топливо по привлекательно низкой цене. Это и будет фонд по ремонту автомобильных дорог с учетом справедливости и целесообразности (Китай снижает ставки НДС, 2018. С. 64).

Таблица 1

Система налога России и Китая

Table 1

Tax system of Russia and China

		x 0/0/0/1/ 0	T KOOSTA ATTA CTITITA		1
Pocc	ИЯ		Кита	й	
Виды налогов и сборов	Ставка	Доля в бюджете, %	Виды налогов и сборов	Ставка	Доля в бюджете, %
Федеральные			1. Налоги с оборота		
Налог на добавленную стоимость (НДС)	20 %	24,4 % (2016)	Налог на добавленную стоимость (НДС)	17 %	30,3 % (2016)
Акцизы	ст. 193 НК РФ	7,6 % (2015)	Налог на потребление (налог с продажи – акциз)	3–50 %	14,1 % (2016)
Налог на доходы физических лиц (НДФЛ)	13 %	43,2 % (2015)	Налог на предприниматель- скую деятельность	25 %	25,9 % (2016)
Налог на прибыль организаций (предприятий)	20 %	1,6 % (2016)	2. Налоги на прибыль (доходы)		
Налог на добычу полезных ископаемых	0 %	1 % (2015)	Налог на прибыль отечествен- ных предприятий	15–25%	9,3 % (2016)
Сборы за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов	ст. 333.3 HK РФ	14,6 % (2016)	Налог на прибыль предприятий с иностранными инвестициями и иностранных предприятий	20–30 %	25,9 % (2016)
Водный налог	2,01%	3,6 % (2016)	Подоходный налог с физических лиц	5–45 %	8,4 % (2016)
Государственная пошлина	ст. 333.19 HK РФ	5,2 % (2016)	3. Ресурсные платежи		
Региональные			Ресурсный налог	0,6 %	3 % (2016)
Налог на имущество организаций	2,2 %	7,1 % (2016)	Земельный налог	0,2–10 юа- ней	3 % (2016)
Налог на игорный бизнес	ст. 369 НК РФ	3,6 % (2016)	4. Целевые налоги и сборы		
Транспортный налог	ст. 361 НК РФ	3,6 % (2016)	Налог на содержание и строи- тельство городов	1–7 %	3 % (2016)
Местные			Налог за пользование сельхо- зугодиями	15 %	9,3 % (2016)
Земельный налог	ст. 394 НК РФ	3,6 % (2016)	Налог на инвестиции в основ- ной капитал	0–30%	3 % (2016)
Налог на имущество физических лиц	ст. 406 НК РФ	7,1% (2016)	Налог на реализации земли	20 %	3% (2016)
Торговый сбор	ст. 415 НК РФ	3,6% (2016)	5. Имущественные налоги		
-	-	-	Налог на имущество	1,2, 12 %	3 % (2016)
-	-	-	Налог на недвижимость	1,2-18 %	3 % (2016)
-	-	-	6. Налоги с операций (действий)		, ,
-	-	-	Налог за пользование автотранспортным средством и водными судами	10 %	3,7 % (2016)
-	-	-	Гербовый сбор	0,3-0,4 %	1,7 % (2016)
	-	-	Налог на передачу имущества	12 %	3 % (2016)
-	-	-	Налог на обращение ценных бумаг	3–5 %	9,3 % (2016)
-	-	-	7.Сельскохозяйст венные налоги		
-	-	-	Налог на земледелие	15%	3 % (2016)
-	-	-	Налог на содержание и развитие скота	5–35%	3 % (2016)
-	-	-	8. Таможенные пошлины	2,5%	3,5 % (2016)
		_		_	

В отличие от России, где в связи с санкциями затруднен экономический рост, в Китае приняли решение бороться с ведением экономических ограничений посредством увеличения различных налогов, поэтому правительство предпочло альтернативный подход. Оно стремится уменьшить налоговую нагрузку на жителей Китая.

ГГНУ Пекин вместе с Минфином страны подготовили проект уменьшения налогов. Подобным способом власти стремятся поддерживать темпы экономического роста, которые в 3-ем квартале 2018 г. за-МЕДЛИЛИСЬ, ВПЛОТЬ ДО ДЕСЯТИЛЕТНЕГО МИНИмума. Сокращение налоговой нагрузки окажет поддержку потребителей и это станет двигать экономику вперед. Помимо этого, это даст возможность китайской экоправильнее противодействовать американским санкциям, убережет ее от внешних неприятностей. По этой причине с января 2019 года ставки НДС стали меньше с 17 % до 16 % на реализацию и ввоз товаров, сдачу в аренду движимого имущества и услуги по ремонту. С 11 % до 10 % Пекин опустил ставки в области строительных услуг, транспортного сервиса, реализации и аренды недвижимости. Всё это нужно для того, чтобы заинтересовывать местных предпринимателей, увеличивать производство, побеждать в конкурентной войне с иностранными компаниями, а населению предоставить возможность приобретать больше товаров и услуг, так как непосредственно это находится в базе экономического роста и формирования каждый

страны. Понижая налоговую нагрузку на бизнес, они стремятся заинтересовывать фирмы, содействуя их финансовой стабильности (Казахстан выиграет, 2018).

В Российской Федерации произошла противоположная ситуация. С 1 января 2019 года НДС вырос на 2 % и составил 20 %. Это пополнит в 2019 году российский бюджет на 620 млрд. руб. (Ставка НДС вырастет..., 20). Увеличение налога, рассчитывает Минфин, даст дополнительные 2 триллиона рублей в ближайшие три года. Данные средства должны будут направиться в медицину, в образование и в социальную сферу. Вместе с тем следует отметить, что федеральный бюджет на 2019 год утвержден с профицитом в 2 трлн. руб. (О системе управления рисками, 2019).

За 2018 год сумма доходов федерального бюджета, администрируемых таможенными органами, составила 6,063 трлн. рублей, что на 32,5 % превышает показатели 2017 года (ФТС в 2018 году перевыполнила план..., 2019). Это составляет около 40 % от доходов российского бюджета, установленных в размере 15,25 трлн. рублей (Структура доходов..., 2019). В настоящее время ТК ЕАЭС, законодательство РФ о таможенном деле, НК РФ при перемещении товаров через таможенную границу предусматривают уплату следующих платежей:

- при ввозе товаров: таможенные сборы, ввозная таможенная пошлина, налог на добавленную стоимость, акциз;
- при вывозе товаров: таможенные сборы, вывозная таможенная пошлина.

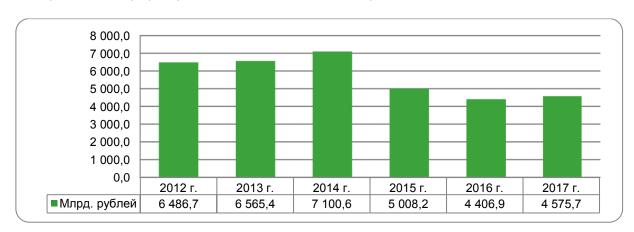

Рис.1. Динамика перечислений таможенных и иных платежей, администрируемых ФТС России, в доход федерального бюджета в 2016–2017 г.г.

Fig.1. Dynamics of transfers of customs and other payments administered by the Federal Customs Service of Russia to the federal budget in 2016–2017

Таможенные пошлины в 2017 году составили 2 474,3 млрд. руб. (54% от суммы таможенных платежей): ввозные таможенные пошлины – 506 млрд. рублей (в 2016 году – 489,8 млрд. рублей); вывозные таможенные пошлины – 1 968,3 млрд. рублей (в 2016 году – 2 054,1 млрд. рублей) (Ежегодный сборник, 2019). Уровень пополнения доходной части федерального бюджета (13,44 трлн. руб.) за счет взимания таможенной пошлины составил 18%. Однако в КНР уровень пополнения доходной части центрального бюджета (8,1

трлн. юаней) составил 3,5 %.

Таким образом, сравнивая две экономически сильные державы, видно, что они отличаются по мировоззрению и менталитету населения, по налоговой политике, по организации налогообложения. В каждой стране система власти стремится улучшить благополучие своего народа и государства и выбирает свой путь к достижению успехов в социально-экономическом развитии общества.

Библиографический список

Бюджеты России, Китая и США // Российские реформы в цифрах и фактах. [Электронный ресурс]. URL.: refru.ru/budgets.pdf (дата обращения: 07.02.2019).

Доходы России от экспорта нефти и газа превысили \$150 млрд // Вести. Экономика: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL.: https://www.vestifinance.ru/articles/111442 (дата обращения: 07.12.2018).

Ежегодный сборник // Таможенная служба Российской Федерации в 2017 году: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL.: http://www.customs.ru/index. php?option=com_content&view=article&id=7995&Itemid=1845 (дата обращения: 26.01.2019).

Казахстан выиграет от увеличения НДС в России // Новости Казахстана: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL.: https://aaparat.info/news/2018/08/04/8938562-kazahstan_vyigraet_ot_uvelicheniya_nds_v.html (дата обращения: 10.01.2019).

Карцева И.С., Конвисарова Е.В. Современное налогообложение в Китае и пути его совершенствования в отдельных аспектах // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 7. С. 635.

Китай снижает ставки НДС, чтобы не обирать свое население // Свободная пресса: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL.: https://svpressa.ru/economy/article/206273/?utm_source=finobzor.ru (accessed:: 26.07.2018).

О системе управления рисками // Федеральная таможенная служба: [сайт]. [Электронный ресурс]. UR.L.: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=27105:2019-01-10-11-37-

16&catid=185:2011-05-15-14-11-59&Itemid=1830&Itemid=2099 (дата обращения: 10.01.2019).

Павлов А.П. Налоговая политика России на современном этапе: тенденции развития // Право в современном мире. Материалы VI Международной научнопрактической конференции. Екатеринбург. 16 декабря 2016 г. С. 62-65.

Поспелова Е.Б. Современная налоговая система Китая: налоги на доходы и имущество физических лиц // Интернет-журнал «Науковедения». Выпуск 6 (25) ноябрь - декабрь 2014. С. 2–6.

Рожнова Т.В. Федеральные налоги как источник формирования бюджета РФ // Молодой ученый. 2016. № 4.

Referencese

Budgets of Russia, China and the United States. Rossiiskie reformy v tsifrakh i faktakh [Russian reforms in numbers and facts]. Available at: http://refru.ru/budgets.pdf (accessed: 07 February 2019). (In. Russ.).

Russia's revenues from oil and gas exports exceeded \$ 150 billion. Vesti. Ekonomika: [sait]. [News. Economy: [site]. Available at: https://www.vestifinance.ru/articles/111442 (accessed: 07 December 2018). (In. Russ.).

Annual collection. Tamozhennaya sluzhba Rossiiskoi Federatsii v 2017 godu: [sait]. [Customs Service of the Russian Federation in 2017: [website]. Available at: http://www.customs.ru/index.php?option=com_con-

tent&view=article&id=7995&Itemid=1845 (accessed: 26 January 2019). (In. Russ.).

Kazakhstan will benefit from an increase in VAT in Russia. Novosti Kazakhstana: [sait].[News of Kazakhstan: [website]. Available at: https://aaparat.info/news/2018/08/04/8938562- kazahstan_vyigraet_ot_uvelicheniya_nds_v. html (accessed: 10 January 2019). (In. Russ.).

Kartseva I.S., Konvisarova E.V. Modern taxation in China and ways to improve it in certain aspects. Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovanii [International Journal of Applied and Basic Research], 2016, no.7, 635 p. (In. Russ.).

China reduces VAT rates in order not to rob its population. Svobodnaya pressa: [sait]. [Free Press: [website]. Available at: https://svpressa.ru/economy/article/206273/?utm_source=finobzor.ru (accessed: 26 July 2018). (In. Russ.)

On the risk management system. Federal'naya tamozhennaya sluzhba: [sait]. [Federal Customs Service: [website]. Available at: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=27105:2019-01-10-11-37-16&catid=185:2011-05-15-14-11-59&Itemid=1830&Itemid=2099 (accessed: 10 January 2019). (In. Russ.).

Pavlov A.P. The tax policy of Russia at the present stage: development trends. *Pravo v sovremennom mire. Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Law in the modern world. Proceedings of the VI International Scientific Practical Conference], Ekaterinburg, 16 December 2016, pp. 62–65. (In. Russ.).

Pospelova E.B. Modern tax system of China: taxes on individual income and property.. Internet-zhurnal Nau-kovedeniya [Internet-journal Science Studies], iss. 6 (25) November-December 2014, pp. 2–6. (In. Russ.).

Rozhnova T.V. Federal taxes as a source of formation of the budget of the Russian Federation. Molodoi uchenyi

Юридические науки Juridical sciences

С. 492-494. [Электронный ресурс]. URL https://moluch.ru/archive/108/26144/ (дата обращения: 16.02.2019).

Ставка НДС вырастет с 1 января 2019 года // Российская газета, электронная версия газеты, столичный выпуск № 171 (7634). [Электронный ресурс]. URL.: https://rg.ru/2018/08/06/stavka-nds-vyrastet-s-1-ianvaria-2019-goda.html (дата обращения: 6.08.2018).

Структура доходов: Министерство финансов Российской Федерации: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL.: http://info.minfin.ru/kons_doh.php (дата обращения: 08.02.2019).

ФТС в 2018 году перевыполнила план, перечислив в бюджет более 6 трлн. рублей // Вести. Экономика: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL.: https://www.vestifinance.ru/articles/112631 (дата обращения: 11.01.2019).

Сведения об авторах

Павлов Анатолий Петрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Уральского института управления РАНХ и ГС при Президенте РФ, г. Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: Pavlov270@gmail.com

Шестакова Екатерина Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Уральского института управления РАНХ и ГС при Президенте РФ, г. Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: katshestako2012@mail.ru

Критерии авторства

Павлов А.П. и Шестакова Е.А. провели исследование, оформили научные результаты и несут ответственность за плагиат

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

[Young scientist], 2016, no. 4, pp. 492–494. Available at: https://moluch.ru/archive/108/26144/ (accessed: 16 February 2019). (In. Russ.).

The VAT rate will increase since January 1, 2019. Rossi-iskaya gazeta, elektronnaya versiya gazety, stolichnyi vypusk no.171 (7634) [Rossiyskaya Gazeta, electronic version of the newspaper, Moscow issue No. 171 (7634).]. Available at: https://rg.ru/2018/08/06/stavka-nds-vyrastet-s-1-ianvaria-2019-goda.html (accessed: 6 August 2018). (In. Russ.).

Revenue structure. Ministerstvo finansov Rossiiskoi Federatsii: [sait]. [Ministry of Finance of the Russian Federation: [website]. Available at: http://info.minfin.ru/kons_doh.php (accessed: 08 February 2019). (In. Russ.). The Federal Customs Service overfulfilled the plan in 2018 transferring more than 6 trillion rubles to the budget. Vesti. Ekonomika: [sait]. [News. Economy: [site]. Available at: https://www.vestifinance.ru/articles/112631 (accessed: 11 January 2019). (In. Russ.).

Author's Credentials

Anatoly P. Pavlov, Cand. Sci. (Juridical Sciences), Associate Professor, Department of Administrative and Financial Law, Ural Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russian Federation;

e-mail: Pavlov270@gmail.com

Ekaterina A. Schestakova, Cand. Sci. (Juridical Sciences), Associate Professor, Department of Administrative and Financial Law, Ural Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russian Federation; e-mail: katshestako2012@mail.ru

Criteria for Authorship

Pavlov A.P. and Schestakova E.A. have conducted research, formalized research results and bear responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article $У\Delta K$ 343

Юридические аспекты установления личности потерпевшего по делам об убийстве

© Т.Т. Шамурзаев*, А.Н. Архипова**, В.Н. Туркова***

*Кыргызско-Российский Славянский университет, г. Бишкек, Киргизия **,***Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация: Установление личности потерпевшего по делам об убийстве является одним из важнейших условий раскрытия преступления и изобличения виновного. Более того, это может иметь значение и при расследовании так называемых очевидных преступлений. Сказанное не является чем-то новым и известно давно; на это обстоятельство криминалисты указывали, хотя подробных исследований на эту тему не так уж много. Однако проблема существует и актуальность ее возрастает. Определяется она следующим. В настоящее время во много раз возросло число лиц без определенного места жительства, бродяг, бездомных, несовершеннолетних без какого-либо попечения. В стране миллионы мигрантов, живущих обособленной жизнью. Среди них отмечается значительное число незаконных мигрантов, находящихся вне социального контроля. При совершении преступления установить личность таких категорий трудно, и, соответственно, сложно определить характер происшествия. Особую роль играет тот факт, что сформировалась организованная преступность. Члены ОПГ имеют преступный опыт, значительные материальные средства, технические возможности, коррумпированные связи. Они обладают знаниями о следственной работе и оперативнорозыскной деятельности. Совершая убийства, члены ОПГ принимают меры по сокрытию преступления, обеспечению невозможности идентификации трупа, его уничтожению. Неотлагательность установления личности потерпевшего вовсе не означает, что только вслед за этим начинается поиск преступника. Известно немало примеров, когда убийца был обнаружен и изобличен гораздо раньше, чем установлена личность его жертвы. Расследование надлежит организовать так, чтобы решать все перечисленные задачи в комплексе.

Ключевые слова: личность, потерпевший, расследование преступления, следственные мероприятия, следственная практика

Информация о статье: Дата поступления 28 февраля 2019 г.; дата принятия к печати 4 марта 2019 г.; дата онлайнразмещения 25 марта 2019 г.

Для цитирования: Шамурзаев Т.Т., Архипова А.Н., Туркова В.Н. Юридические аспекты установления личности потерпевшего по делам об убийстве // Социальная компетентность. 2019. Том 4. № 1. С. 19–24.

Legal aspects of victim's identification in murder cases

© Taalaibek T. Shamurzaev*, Anastasiya N. Arkhipova**, Valentina N. Turkova***

*Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan **.***Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: Identification of the victim in murder cases is one of the most important conditions for solution of crime and exposure of guilty person. Moreover, it may be relevant in the investigation of so-called patent crimes. That is not new and has been known for a long time; criminal law experts referred to this fact. Although there are not many detailed studies on this topic. However, the problem exists, and its relevance increases. It can be identified as follows: currently, the number of people without a certain place of residence, vagrants, homeless people, and children without any care has increased many times. There are millions of migrants living in a separate life in the country. Among them there is a great number of illegal migrants who are beyond the social control. When the crime is committed, it is difficult to establish the identity of such categories of migrants and, accordingly, it is difficult to determine the nature of the accident. The fact that the organized crime has established plays a special role. The members of the organized criminal group have criminal experience, significant material resources, technical capacities, and corruption links. They have knowledge of the investigative work and criminal intelligence and surveillance operations. Committing murders, members of the organized criminal group take measures to conceal a crime, ensure the impossibility of identifying a corpse, and to desecrate it. The urgency of identifying the victim does not mean that the search for a criminal begins only after this. There are many examples when the murderer was found and incriminated much earlier than a victim was identified. The investigation should be organized in order to solve all the tasks listed as a whole.

Keywords: personality, victim, crime investigation, investigative measures, investigative practice

Article info: Received February 28, 2019; accepted for publication March 4, 2019; available online March 25, 2019.

For citation: Shamurzaev T.T., Arkhipova A.N., Turkova V.N. Legal Aspects of victim's identification in murder cases. Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence. 2019, vol. 4, no. 1, pp. 19–24. (In Russ.).

Раскрытие убийства, особенно совершенного в условиях неочевидности, сложный процесс и его успех зависит от многих факторов. Это и профессионализм следователя, должным образом поставленное взаимодействие с органом дознания, широкое использование возможностей специалистов и экспертов. Важное значение имеет объем информации на первоначальном этапе расследования. С точки зрения методики расследования одним из главных условий раскрытия является установление личности потерпевшего. Становится возможным получить о нем информацию, в т. ч. установить образ жизни, поведение, взаимоотношения с окружающими, связи и многое другое. В сочетании с розыскной информацией, полученной при выполнении неотложных следственных действий и оперативнорозыскных мероприятий, появляется реальная возможность установить виновного. Сказанное неоднозначно и следственные ситуации разнообразны. Существует точка зрения, в соответствии с которой так называемые бытовые убийства для расследования СЛОЖНОСТИ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЮТ, Т. К. ИЗВЕСТНО кто убит и, главным образом, кто совершил преступление. Однако это не всегда так, о чем свидетельствуют многочисленные примеры из следственной практики. Например, СУПРУГИ, СОЖИТЕЛИ ВЫЕЗЖОЮТ ЗО ГОРОД ДЛЯ ОТдыха, а порой находятся вне дома в черте города и даже недалеко от места проживания. На бытовой почве происходит убийство (как правило совершают их женщины) и до установления личности убийство остается нераскрытым. Это может быть месяц, два и более. Если же преступник покончил жизнь самоубийством, а такие случаи известны, то следственная ситуация еще более усложняется (Ардашев, 2015. С. 28).

Иногда известно кто убит, примерно, понятно кто преступник, но изобличить его не удается. В ряде случаев личность убитого известна, но это не дает никаких выходов на виновного. Например, при убийстве из хулиганских побуждений преступник и потерпевший, как правило, между собой не знакомы, часто их контакт случаен и минимален по времени. При серийных, заказных убийствах

20

связи между преступником и его жертвой нет, и знание того кто убит, ничего не дает для раскрытия, хотя такое утверждение тоже не совсем верно. Нередко данные о потерпевшем могут точно указать на мотив, цель убийства, место и время его совершения и многое другое, а любая информация, казалось бы, даже незначительная, приводит к раскрытию преступления. Если по делу от-СУТСТВУЮТ СЛЕДЫ, СВИДЕТЕЛИ, ВЕЩЕСТВЕННЫЕ доказательства, то главным направлением становится установление и тщательное изучение личности потерпевшего. Это и приводит к раскрытию и появлению доказательств - обнаруживают похищенное, орудие пре-СТУПЛЕНИЯ, СЛЕДЫ, ВЫЯВЛЯЮТ СОУЧАСТНИКОВ И т. д. Встречаются ситуации, когда преступник задержан, свою вину не отрицает, но данные о потерпевшем отсутствуют. Нередко неизвестно кто убит, и кто совершил преступление; с подобным часто сталкивается следователь при расследовании неочевидных убийств. Отсутствие трупа, его уничтожение, невозможность идентификации личности – это, видимо, наиболее сложные следственные ситуации, но все их не перечислить и даже не предусмотреть. В то же время криминалистика утверждает, что каждое убийство может быть раскрыто. Именно такая позиция, причем в категорической форме, высказывалась неоднократно. (Кочаров, Степичев, Косоплечев, 1965). В то же время, на практике среди них встречаются и такие, когда, казалось бы, при полной ясно-СТИ ПРОИСШЕДШЕГО, СЛЕДСТВИЕ ПО ДЕЛУ ПРИходиться приостанавливать. Однако, при любой ситуации расследование убийства необходимо начинать с установления того кто убит.

В каких-то случаях установление личности убитого трудностей не представляет, но во многих проблема становится сложной. Неправильная идентификация убитого может завести следствие в тупик, а также породить следственные и судебные ошибки с тяжкими последствиями. Таких примеров немало. Существует много объективных причин, затрудняющих решение этой задачи. Среди них назовем следующие.

Как уже указывалось, происходит

увеличение числа убийств, совершенных в условиях неочевидности, а одновременно идет возрастание профессионализма преступников. В частности, члены ОПГ тщательно планируют совершение убийств, СКРЫВАЮТ И УНИЧТОЖАЮТ ТРУПЫ, ВЫВОЗЯТ ИХ НА большие расстояния. Нередко их обнаруживают через год и более, что существенно затрудняет идентификацию. Трупы топят в открытом море, сжигают, расчленяют, помещают в бетонные строительные конструкции - способов сокрытия существует немало. Используются взрывные устройства большой мощности. Делается все, чтобы затруднить опознание потерпевшего или вообще сделать его невозможным. (Козусев, 2001. C. 4-12).

В 1996 году при криминальном взрыве на Котляковском кладбище Москвы погибло 14 человек и еще 30 получили ранения. Сила взрыва была настолько велика, что от некоторых потерпевших остались не части тела, а лишь фрагменты. Имеют место взрывы такой силы, что от человека вообще ничего не остается. В одном случае на месте происшествия обнаружили лишь оплавленный орден и обрывки одежды. Однако, в совокупности со всеми материалами дела, личность потерпевшего посчитали установленной и вывод оказался верным. В противном случае снижаются шансы на раскрытие таких преступлений. При отсутствии судебно-медицинского диагноза иногда вообще нельзя утверждать, что произошло убийство. Тем не менее, перед следствием стоит задача установить личность жертвы преступления.

В стране сотни тысяч лиц без определенного места жительства, бродяг, беспризорных детей. У них нет документов, родственных связей и они вне какого-либо социального контроля. Многие погибают по самым различным причинам, становятся жертвами преступлений и большинство числятся в разряде неопознанных трупов. Никаких данных о них нет. В антиобщественной среде, в которой они вращаются, о них тоже ничего не знают, кроме кличек, прозвищ и вымышленных имен. В 1996 году в Новокузнецке был задержан серийный убийца А. Спесивцев, сознавшийся в совершении 19 убийств. Затем он от показаний отказался, и признали доказанными из них лишь четыре.

Однако имелись данные о том, что Спесивцев совершил более 80 убийств. Установили место, где скрывались части расчлененных трупов и обнаружили фрагменты около 70 различных тел, в основном, несовершеннолетних, личности которых установить не удалось. Соответственно, большинство убийств осталось недоказанными. Новокузнецк – крупный город, это центр Новокузнецкой агломерации с высоким уровнем преступности, но такое количество пропавших без вести несовершеннолетних, неспособность установить их личность при наличии трупов явление, конечно, тревожное.

Обнаруживают немало трупов новорожденных – последствия преступления, предусмотренного ст.106 УК РФ. (Отметим, что имеющиеся цифры и в малой степени не отражают истинное положение дел в этой сфере преступности). Есть тело, труп, но личности как таковой нет. Поэтому речь может идти только об установлении матери убитого новорожденного.

В стране множество нелегальных мигрантов и некоторые из них становятся жертвами преступлений. Нередко по таким делам о потерпевшем ничего не удается установить. Как, где, когда въехал мигрант в РФ, где он жил, на какие средства существовал, чем занимался – ничего неизвестно. Его знакомые, если они есть, сообщают о нем минимальные сведения, уклоняются от любых контактов и скрываются сами. Такие ситуации возможны даже при наличии преступника, не отрицающего факт причинения смерти, но, разумеется, в защитной версии, противопоставить которой ничего не удается.

Убитым может оказаться иностранный гражданин, въехавший в РФ на законном основании. Он исчезает, а в действительности его убивают, труп вывозят (иногда в другой субъект РФ) и скрывают. При обнаружении его останков установить и доказать, что это иностранный гражданин – задача не из простых. В то же время это не единичные следственные ситуации.

В стране происходят сложные и малоизученные (во всяком случае криминалистами) миграционные процессы, которые особенно характерны для больших городов. Если обнаруживают труп, чья личность не

установлена, то нельзя исключить, что потерпевший – житель другого города или даже субъекта РФ.

Например, в Санкт-Петербурге длительное время действовала преступная группа Шелестова, точное число жертв которой не представилось установить даже приблизительно. Преступники выбирали их на вокзалах, аэропортах, предлагали транспортные услуги, по пути убивали, похищали деньги и ценности. Трупы выбрасывали в малолюдных местах. Ситуации осложнялись тем, что потерпевшим ставили судебно-медицинский диагноз некриминального характера. Это затрудняло решение вопроса о возбуждении уголовного дела, а если говорить более точно, то ему препятствовал отлаженный механизм сокрытия преступлений.

Вследствие ошибок, халатности, сознательных противоправных действий имеют место захоронения убитых под чужой фамилией. Мы не владеем статистикой подобного рода, очевидно, она вообще отсутствует, но такие случаи встречаются. Известный судебный врач Б.А. Федосюткин пишет, что кто убит и когда – это основные вопросы. Однако, несмотря на то, что эта сложнейшая проблема разработана достаточно подробно и по ней имеется много методических материалов, отношение к ним нередко пренебрежительное. В результате вопросы решаются настолько «бездарно и неряшливо», что возникает сомнение в компетентности сотрудников. (Федосюткин, 2008. С. 8-11). Нарушения требований УПК РФ при проведении опознания, некритическое отношение к экспертным заключениям, их процессуальному оформлению могут перечеркнуть всю проделанную работу по раскрытию преступления, повлечь за собой тяжкие по-СЛЕДСТВИЯ.

Мы назвали лишь несколько проблем, но в действительности их больше, а количество следственных ситуаций исчислению не подается. Поэтому следователь должен ориентироваться в проблеме установления личности, знать теоретические основы идентификации, видеть ее пределы и сознавать, что отождествлять придется не только тело, труп, но и многое другое, связанное с человеком, в т. ч. расчлененные трупы, их части, фрагменты, костные останки, биообъекты, части одежды, самые разнообразные

гомеоскопические следы в их широком пофункционально-динамические признаки и т. д. Как свидетельствует практика, именно по делам об убийстве назначаются и проводятся самые сложные, необычные идентификационные экспертизы, например: идентификация текста в школьной тетради в Санкт-Петербурге и шариковой ручки, изъятой в Мурманске (дело Иртышова); окурка на месте происшествия и пачки сигарет, изъятой у подозреваемого; установление того, что перчатки, обнаруженные в разных местах, составляли одну пару; принадлежность тех или иных вещей конкретному человеку и т. д. Нестандартность мышления следователя можно только приветствовать, но при этом нельзя забывать чувство меры и, главным образом, возможности криминалистики. Необходимо помнить, что какие-то виды идентификации могут иметь только ориентирующее значение, что совпадение отдельных признаков человека, неопознанного трупа и иных объектов также не является основанием утверждать, что личность установлена; такой вывод может быть сделан лишь при их совокупности. Если же обнаружены обгоревшие костные останки, то на их индивидуальную идентификацию экспертным путем рассчитывать не приходиться. В то же время криминали-СТИКА ПОСТОЯННО РАЗВИВАЕТСЯ, ПОЯВЛЯЮТСЯ НОвые рекомендации и следователю необходимо видеть какие из них могут быть использованы, а от каких лучше воздержаться, т. к. среди них не исключены и ошибочные. Еще в 1969 году вышла работа Р.Б. Киричинского «Судебная радиология». Многие ее положения применяются на практике, и при помощи рентгеноскопии исследуют неопознанные трупы, что позволяет выявить старые переломы костей, наличие коронок, пломб, инородных объектов в теле. Что касается идентификации путем измерения уровня естественной радиации, то теоретически она не исключается, но на практике вряд ли осуществима. Отождествление человека по радужной оболочке глаз, как и другим биометрическим данным, в принципе возможно. Более того, судя по сообщениям, имеются банки таких данных. Однако какихлибо рекомендаций по их использованию в следственной работе нет, соответственно, и говорить об этом преждевременно. Если даже биометрия будет внедрена в следственную практику, то необходимо сознавать, что ее результаты также должны подлежать оценке, хотя бы по той причине, что у человека есть признаки врожденные, а есть и приобретенные.

Давно известно о нейтронно-активационном анализе – высокочувствительном методе идентификации и в западных странах имеется опыт его применения. Однако в отечественную практику по различного рода причинам он не вошел. Во всяком случае, нам известны лишь единичные примеры и, в основном, неудачные.

Желательна индивидуальная идентификация личности, но она не всегда возможна, например, при уничтожении трупа путем сожжения. Поэтому реально говорить лишь о групповой идентификации, которая также имеет доказательственное значение. Личность потерпевшего должна быть установлена и в тех случаях, когда труп убитого отсутствует. Экспертные исследования исключаются т. к. нет объектов для сравнения. Тем не менее, задача выполнима, но не путем проведения экспертиз, а при помощи следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий или их комбинаций.

Итак, способов установления личности много, рекомендаций еще больше. В отношении последнего хотя бы кратко необходимо сказать следующее. Наука не стоит на месте, она идет вперед, появляются новые идеи, предложения и это совершенно естественно. Но они должны получить оценку криминалистов, процессуалистов и обязательно быть проверены практикой. Эйфория по поводу той или иной рекомендации преждевременна. В свое время В.А. Об-

Библиографический список

Ардашев Р.Г. Вопросы теории и практики расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя. Иркутск, 2015. С. 28

Кочаров Г.И., Степичев С.С., Косоплечев Н.П. Каждое убийство может и должно быть раскрыто. М., 1965.

Козусев А.Ф. Прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании уголовных дел об убийствах по найму. М.: Изд-во НПО «МОДЭК», 2001. С. 4–12.

Образцов В.А. Основы криминалистики. М.: Юристь, 1996. С. 92

разцов писал, что в последние 15-20 лет наблюдается бурный процесс в разработке методов практического следоведения (термин В.А. Образцова). Сообщалось, что профессор Г.А. Зорин «потряс криминалистическую общественность фонтаном» оригинальных методов по оптимизации расследования (Образцов, 1996. С. 92).

Прошли десятилетия. Что в итоге? При всем уважении к Г.А. Зорину, его научной деятельности, можно сказать, что существенного улучшения не наступило. Причин много и реализация самой толковой идеи может идти годами. Не исключается противодействие. Некоторые рекомендации себя не оправдывают, другие, с точки зрения закона, очень сомнительны, например, гипнология, полиграфология, наркоанализ и т. д. Утверждается, что очередная новая частная теория криминалистической биоскопии откроет широкие возможности после ее становления. Однако, ожидать их не приходится, т. к. в биоскопии, кроме звучного названия, ничего нового нет. Р.С. Белкин в своей работе «Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня» упоминает о «новой» теории – теории криминалистической кадаврологии. Оказалось, что он, ведущий криминалист страны, общепризнанный теоретик криминалистики, даже примерно не представляет, о чем идет речь. После того, как он не без труда выяснил суть названия, последовала и оценка лжетеории, и ее автора. Поэтому следователю необходимо ориентироваться в теории криминалистики, знать ее новые направления, рекомендации и уметь выбрать из них те, которые приведут к раскрытию преступления, а не уведут его на ложный путь.

Reference

Ardashev R.G. Voprosy teorii i praktiki rassledovaniya ubiistv, sopryazhenny postkriminal'nym suitsidom pravonarushitelya [Issues of theory and practice of the investigation of murders involving post-criminal suicide of the offender.]. Irkutsk Publ., 2015, 28 p. (In Russ.).

Kocharov G.I., Stepichev S.S., Kosoplechev N.P. Kazhdoe ubiistvo mozhet i dolzhno byt' raskryto [Each murder can and must be solved]. Moscow Publ., 1965. (In Russ.).

Kozusev A.F. Prokurorskii nadzor za ispolneniem zakonov pri rassledovanii ugolovnykh del ob ubiistvakh po naimu [The prosecutor's supervision over the execution of laws in the investigation of hired killing]. Moscow NPO «MODEK» Publ, 2001, pp. 4–12. (In Russ.).

Obraztsov V.A. [Basics of forensics]. Moscow Yurist Publ., 1996, 92 p.

Федосюткин Б.А. К вопросу об определении давности смерти. Адвокат. 2008. № 9. С.8-11.

Fedosyutkin B.A. [On identification of post mortem interval]. Advokat Publ., 2008, no. 9, pp. 8–11. (In Russ.).

Сведения об авторах

Шамурзаев Таалайбек Турсунович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Кыргызско-Российского Славянского университета, г. Бишкек, Киргизия; e-mail: nikolaevna_ur@mail.ru Архипова Анастасия Николаевна, заместитель директора по учебной работе Института экономики, управления и права Иркутского национального исследовательского технического университета, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: anastasia_dekanat@mail.ru Туркова Валентина Николаевна, заместитель директора по научной работе Института экономики, управления и права Иркутского национального исследовательского технического университета, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: nikolaevna_ur@mail.ru

Критерии авторства

Шамурзаев Т.Т., Архипова А.Н., Туркова В.Н. провели исследование, оформили научные результаты и несут ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors' Credentials

Taalaibek T. Shamurzaev, Dr. Sci. (Juridical Sciences), Professor, Head of Criminal Procedure and Criminalistics Department of Law Faculty of Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan; e-mail: nikolaevna_ur@mail.ru

Anastasiya N. Arkhipova, Deputy Director for Academic Affairs, Institute of Economics, Management and Law, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation; e-mail: anastasia_dekanat@mail.ru

Valentina N. Turkova, Deputy Director for Research Work, Institute of Economics, Management and Law, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation; e-mail: nikolaevna_ur@mail.ru

Criteria for Authorship

Shamurzaev T.T., Arkhipova A.N., Turkova V.N. have conducted research, formalized research results and bear responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article $У\Delta K$ 342.76

Анализ природы ограничений социальных прав индивидов в РФ

© И.Д. Ягофарова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация: Проблемы реализации прав и свобод человека являются наиболее значимыми и обсуждаемыми как в научных сообществах, так и в практических кругах. И данная тематика представляет интерес не только для юристов, но и для представителей иных общественных наук, поскольку вопросы, связанные с реализацией и прав и свобод человека, пронизывают все сферы общественной деятельности. В последние годы все чаще стали говорить о правомерности и эффективности ограничений прав и свобод человека. В данном случае в статье обращается внимание на социальные права человека, которые ограничиваются со стороны государства в целях оптимизации происходящих процессов. Социальные права субъектов являются наиболее значимыми и острыми, поскольку связаны с жизнеобеспечением и уровнем благосостояния индивидов. Проводимые в последние несколько лет реформы социальной сферы вызывают негативную оценку со стороны общественности, поскольку ставят человека в неблагоприятное положение, ущемляя его права и интересы. Законодатель, осуществляя правовое регулирование и вводя различного рода ограничения, не всегда видит пределы, переход которых может привести к необратимым процессам в обществе и потере авторитета государства в целом. В статье обращается внимание на необходимость со стороны законодательной власти более предметно и ценностно подходить к изменениям в социальной сфере, видеть разумные пределы ограничений, о чем также говорит и в своих правовых позиция Конституционный Суд РФ, и понимать, что благополучие государства напрямую зависит от благополучия конкретного человека

Ключевые слова: социальные права, ограничения социальных прав человека, права и свободы человека, Конституционный Суд РФ, пределы ограничений

Информация о статье: Дата поступления 22 февраля 2019 г.; дата принятия к печати 4 марта 2019 г.; дата онлайнразмещения 25 марта 2019 г.

Для цитирования: Ягофарова И.Д. Анализ природы ограничений социальных прав индивидов в РФ // Социальная компетентность. 2019. Том 4. № 1. С. 25–30.

Analysis of the social restrictions on the rights of individuals in Russia

© Inara D. Yagofarova

Ural State Economy University, Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract: Problems of realization of human rights and freedoms are the most significant and discussed both in scientific communities and in practical circles. And this subject is of interest not only for lawyers, but also for representatives of other social sciences, as issues related to the implementation of human rights and freedoms cover all spheres of social activity. In recent years, there has been increasing talk of the legitimacy and effectiveness of restrictions on human rights and freedoms. In this case, the article draws attention to social human rights, which are limited by the state in order to optimize the ongoing processes. Social rights of subjects are the most significant and acute, because they are associated with the life support and well-being of individuals. The social reforms carried out in the last few years have been viewed negatively by the public, as they put a person in an unfavourable position, infringing on his rights and interests. The legislator, implementing legal regulation and introducing various kinds of restrictions, does not always see the limits, exceeding of which can lead to irreversible processes in society and a loss of state authority as a whole. The article highlights the need of the legislative authority to address changes in the social sphere in a more substantive and valuable way, to impose reasonable restrictions, as the Constitutional Court of the Russian Federation also states in its legal position, and to understand that the welfare of the state directly depends on the well-being of a particular person.

Keyword: social rights, restrictions on social human rights, human rights and freedoms, the Constitutional Court of the Russian Federation, restrictions

Article info: Received February 22, 2019; accepted for publication March 4, 2019; available online March 25, 2019.

For citation: Yagofarova I.D. Analysis of the social restrictions on the rights of individuals in Russia. Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence. 2019, vol. 4, no. 1, pp. 25–30. (In Russ.).

Активная трансформация социальной действительности на современном этапе развития ставит перед российским

государством множество новых вопросов, на которые невозможно быстро и точно найти подходящие ответы. Эти вопросы также ставятся перед юридическим сообществом, поскольку именно оно должно давать ответы, используя действующее законодательство. Это все связано с тем, что на каждом этапе развития, как показывает история, общество пытается найти компромисс между свободой индивидов, идеалами справедливости и интересами, безопасностью государства. Это проблема актуальна во все времена и во всех государствах, что, однако, не позволяет выработать единообразных и универсальных приемов достижения социального компромисса.

Одной из наиболее распространенных и действенных мер юридического характера, которая позволяет регулировать процесс достижения компромисса между государственными, общественными и частными интересами, является механизм ограничений прав и свобод человека. Разумеется, что государство, выполняя возложенные на него обществом задачи по обеспечению безопасности, защиты конституционного строя и т. д. может устанавливать определенного рода ограничения прав и свобод индивидов, что являет собой вполне цивилизованный и распространенный способ регулирования общественный отношений. Сложность заключается лишь в определении и установлении пределов таких ограничений.

Вводимое ограничение любого субъективного права должно быть направлено на достижение оптимального баланса конституционно-правовых ценностей. Особенно это значимо в сфере правового регулирования социальной политики, в реализации которой приоритет имеют, в соответствии с Конституцией РФ, законодательные органы путем закрепления социальных ценностей и прав в законе.

Рассматривая категорию социальных прав, необходимо отметить, что это те права, которые иначе называют производными, вторичными и которые зависят от оперативности и эффективности правового регулирования в государстве. На современном этапе развития в качестве приоритета провозглашается ценность социальных прав человека и его индивидуальных интересов и потребностей. В обществе все больше разгораются дискуссии относительно того,

реализует ли государство свои провозглашенные обязательства и соответствуют ли они положению о социальной государственности. В связи с этим необходимо найти и обозначить определенные границы в установлении ограничений социальных прав индивида.

Согласно действующей Конституции РФ, основными полномочиями по формированию объема, видов социальной помощи, оказываемой государством, наделяорганы законодательной Именно они определяют адресное направление данной помощи, категории нуждающихся, нормируют содержание этой помощи и т. п. Но где заканчиваются пределы полномочий органов законодательной вла-СТИ ПО НАПОЛНЕНИЮ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛОжений реальным содержанием найти в действующей законодательстве невозможно, ибо государственным органам чаще всего предоставляются полномочия, пределы которых нормативно не оговорены. Законодатель, устанавливая те или иные социальные блага, должен руководствоваться как внутренними убеждениями, так и многочисленными внешними факторами. Получается, что именно законодательная власть несет конституционную ответственность за обеспечение оптимального баланса противоречивых интересов субъектов (Астафичев, 2014. C. 79).

В связи с этим, уже не первый год Президент Российской Федерации в Посланиях Федеральному Собранию обращает особое внимание на выполнение социальных обязательств со стороны государства. Особенно отчетливо это прозвучало в последнем документе, где он обращает внимание на необходимость заниматься проблемами каждого конкретного человека и максимально способствовать повышению социального благополучия населения (Путин, 2019).

Происходящие в последнее время изменения, связанные с содержанием социальных прав (реформирование пенсионной системы, новые подходы к расчету пособий, льгот и т. д.), лишний раз говорят о необходимости определения пределов законодательной деятельности по корректировке социальной сферы, что ведет к некой дестабилизации российского общества.

Говоря о пределах, прежде всего, необходимо определиться с терминологическим значением как понятия «ограничение прав», так и «пределов», поскольку взгляды на их природу и сущность в юридической науке достаточно разновекторны.

Понятие «предел» рассматривается как грань, граница-рубеж, начало или конец, последняя, крайняя степень чего-либо (Даль, 2006). В толковых словарях слово «ограничение» понимается как «стеснение какими-то условиями; лимитирование сферы деятельности, сужение возможностей и т. п.» (Лопатин, 1993. С. 357).

Анализ позиций авторов по вопросу интерпретации «ограничений» дает возможность выделить несколько подходов. Кто-то из авторов понимает ограничение как «комплекс особых мер, представляемых как препятствие для воплощения гражданами их конституционных прав и направленных на обеспечение требуемого баланса интересов общества, государства и личности» (Москаленко, 2012. С. 10). Другие видят в ограничении «как уменьшение объема прав и свобод» [Морозова, 2008. С. 37]. Иные авторы рассматривают ограничение как определенные изъятия прав и свобод или их частей (Малютин, 2014. С. 23) и т. д. Даже такой краткий обзор позволяет говорить о том, что ограничения затрагивают объем регулирования и границы прав и свобод, имеющихся у индивидов. Ограничения права дают возможность в рамках границ определенного субъективного права учитывать и соблюдать права и интересы третьих лиц и общества в целом. Обобщая, можно сказать, что ограничение представляет собой установленное правовыми нормами сужение вариантов разрешенного поведения с помощью установления различных границ либо полного его запрета. В данном авторском определении учтены все возможные формы ограничений прав и свобод индивида.

Говоря о пределах, можно сказать, что пределы ограничения социальных прав – это крайние границы таких сужений в социальной сфере.

Пределы законодательного вмешательства в сферу социальных прав индивидов можно трактовать с объективной и субъективной сторон. Объективные границы

представляют собой некие пределы, обусловленные существующими общественными отношениями, закономерностями развития общества и государства, историческими традициями, национальным менталитетом и другими (Колоткина, 2016. С. 35). В данном случае законодатель, устанавливая ограничения, должен понимать, что он создает лишь форму для объективно существующих закономерностей, которые, в свою очередь, могут повлиять на дальнейшее развитие самого общества в целом. Создавая эту форму в виде закона, необходимо понимать, что воздействие происходит не только локально, но и есть возможность изменить, тем самым, традиционно сложившиеся стереотипы, массовые социальные процессы, в целом вектор развития общества.

Субъективные пределы зависят от волевых установок законодателя, его мотивации, ценностных ориентиров и т. д. Последние высказывания представителей государственной власти об уровне жизни, достатка населения вызвали бурю негодования и непонимания со стороны общественности, что говорит о высокой степени дифференциации и отдаления власти от общества и его проблем. Для преодоления такого рода отчужденности необходимо конституционноправовое прогнозирование, которое представляет собой основанное на положениях действующей Конституции РФ суждение о необходимом СОСТОЯНИИ социальной сферы для ее эффективного развития. Данное прогнозирование должно основываться на анализе реальных социальных процессов, происходящих в обществе, данных, которые также представляют гражданские институты и независимые организации. Этот прогноз должен быть направлен на достижение социального блага не в отношении избранной категории лиц, а всех граждан. Сейчас все больше говорят о том, что государство проводит ранжирование населения по определенным группам, части из которых предоставляется адресная помощь, ставя тем самым остальные группы индивидов в неравное положение. Государство пытается найти оптимальный баланс между обеспечением государственной поддержки с целью гарантировать определенный жизненный уровень граждан и необходимостью реализации социальных притязаний особо НУЖДОЮЩИХСЯ В ЭТОМ, С УЧЕТОМ ЭКОНОМИЧЕских возможностей общества на данном этапе развития. Но все же не стоит увлекаться этим законодателю, поскольку грань социального равенства и справедливости крайне зыбкая. Если происходит ухудшение положения личности в государстве, снижаются социальные гарантии и защита или определенные задачи перемещаются на плечи граждан, то государство должно четко видеть крайнюю точку толерантности населения. От этого зависит не только развитие общества, но и стабильность, авторитет самого государства.

Достаточно успешными средствами воздействия на законодательную власть располагает на сегодняшний день Конституционный Суд РФ, который своими решениями и содержащимися в них правовыми позициями пытается выработать некие границы для деятельности законодателей в социальной сфере. Суд не единожды в своих решениях призывал законодателей к тому, что проводимые изменения социального законодательства должны быть предсказуемы и справедливы.

Это означает, что планируемые государством изменения в социальной сфере должны иметь переходный период, в течение которого граждане смогут адаптироваться к ним, а также должен всегда быть некий компенсаторный механизм, который позволит смягчить возможные негативные последствия проводимых изменений. Законодатель должен помнить, что конечной целью все же является достижение социального блага и компромисса для поддержания и обеспечения баланса конституционных ценностей.

Хотелось бы также обратить внимание и на то, что конституционно закрепленные положения не означают их автоматического воплощения в реальность. Для этого необходимо создание ряда условий, а также нормативная регламентация возможностей обладателя права с учетом установленых ограничений. Но законодатель, устанавливая степень и возможность пользования конкретным социальным правом, должен видеть реальные пределы, переход ко-

торых приведет к утрате значимости и ценности конституционного права, превращая благо в абсолютное ничто. Стремление нынешних законодателей адаптировать действующее законодательство под современные реалии, не должно приводить к тому, что государство, отдавая приоритет иным сферам, остановится в поступательном развитии и придет к социальной стагнации, напряженности и другим негативным последствиям.

Объективные потребности государственного развития требуют постоянного поиска оптимального варианта перераспределения определенных материальных благ. Складывающиеся условия жизнедеятельности напрямую зависят от финансовых возможностей государства, состояния экономики и доступа к ресурсам. В целом, вполне логично, что имеющиеся у государства финансовые ресурсы являются абсолютной границей осуществления социальных прав. Тем самым их наполняемость зависит от экономического базиса государства. Чем выше уровень экономического развития страны, тем больше возможностей у законодателя преуспеть в перераспределении соответствующих ресурсов в социальную сферу.

Кроме того, социальные права также СВЯЗАНЫ С АКТУАЛЬНЫМ ВОПРОСОМ О СПРАВЕДливом перераспределении национальных ресурсов. Этот вопрос давно решен во многих европейских государствах и не вызывает никаких споров. В России эта проблема поднимается достаточно часто, но на уровне дискуссий и невнятных предложений и заканчивается ничем. Дело в том, что национальные ресурсы, согласно общему мнению, принадлежат не определенному кругу лиц, которые имеют к ним доступ и получают доходы, а всему проживающему населению, и распределение благ от этих ресурсов должно происходить через получение социальной поддержки и защиты. Таким образом, объем предоставляемых гражданам социальных благ напрямую зависит от функционирования государственного механизма перераспределения доходов от реализации национальных ресурсов.

Законодательные органы власти должны учитывать объективно сложившееся

Юридические науки Juridical sciences

правовое положение граждан, претендующих на получение определенного материального блага. Дифференцируя социальные права и наполняя их конкретным содержанием, важно заранее предвидеть конечный результат, т. е. реальные возможности конституционного правопользования. Как только в законодательстве упускается тонкая грань между провозглашенным в Конституции РФ правом и законодательно оформленными возможностями его осуществления, право может утратить свою значимость или обесценится. В тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он не может осуществлять такое регу-

Библиографический список

Астафичев П.А. Баланс конкурирующих принципов, интересов и ценностей в конституционном праве России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. № 22 (193). Выпуск 30. С. 79–85.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. М.: Рипол Классик, 2006. 754 с.

Лопатин В.В. Малый толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 1993. 704 с.

Москаленко Т.О. Конституционно-правовые основания ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. 23 с.

Морозова Л.А. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву // Государство и право. 2008. № 7.

Малютин Н.С. Роль судебного толкования в разграничении теоретико-правовых конструкций правового регулирования, ограничения и умаления прав и свобод человека и гражданина // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 3. С. 20–27.

Колоткина О.А. Соотношение индивидуального и коллективного интересов в процессе обеспечения национальной безопасности // Вестник Гуманитарного университета. 2016. № 4 (15). С. 34–37.

Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL.: https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1259677/ (дата обращения 22.02.2019 г.).

лирование, которое посягало бы на само существо того или иного права и приводило бы к утрате его реального содержания.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что, несмотря на все экономические трудности, российское государство стремится претворить в жизнь закрепленные социальные права. Хочется надеяться, что политические амбиции, желания отойдут на второй план, освобождая место для реального осуществления провозглашенных социальных прав индивидов, поскольку именно благополучие конкретного гражданина, его социальная защищенность и стабильность являются гарантией успешного развития государства в целом.

References

Astafichev P.A. The balance of competing principles, interests and values in the constitutional law of Russia. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo [Scientific bulletin of Belgrad State University. Series: Philosophy. Sociology. Law], 2014, no. 22 (193), issue 30, pp. 79–85. (In. Russ.). Dal' V. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory, Dictionary, of the Living Great Russian, Language 1988].

planatory Dictionary of the Living Great Russian Language], vol. 1–4. Moscow, Ripol Klassik Publ., 2006, 754 p. (In. Rass.).

Lopatin, V.V. *Malyi tolkovyi slova*r' russkogo yazyka [Small explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow. Rusckii yazyk. Publ, 1993, 704 p. (In. Russ.).

Moskalenko, T.O. Konstitutsionno-pravovye osnovaniya ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v tselyakh obespecheniya bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Constitutional and legal grounds for limiting the rights and freedoms of a person and citizen in order to ensure the security of the Russian Federation: extended abstract of cand. dissertation (Jurisprudence), Moscow, 2012, 23 p. (In. Russ.).

Morozova L.A. Principles, limits, grounds for limiting human rights and freedoms under Russian law and international law. Gosudarstvo i parvo. Publ., Moscow, 2008, no. 7. (In. Russ.).

Malyutin N.S. The role of judicial interpretation in the distinction between the theoretical and legal structures of legal regulation, restriction and derogation of the rights and freedoms of a person and citizen] *Konstitutsionnoe i munitsipal*'noe parvo [Constitutional and municipal law], 2014, no. 3, pp. 20–27. (In. Russ.).

Kolotkina O.A. The ratio of individual and collective interests in the process of ensuring national security. Vestnik Gumanitarnogo universiteta [Bulletin of the Humanitarian University], 2016, no.4 (15), pp. 34–37. (In. Russ.).

Putin V.V. The Message of the Russian President to the Federal Assembly of 20 February 2019. Available at: https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1259677/ (accessed 22 February 2019).

Ягофарова И.Д. Анализ природы ограничений социальных прав индивидов в РФ Yagofarova I.D. Analysis of the social restrictions on the rights of individuals in Russia

Сведения об авторе

Ягофарова Инара Дамировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, Российская Федерация, e-mail: vaina3@yandex.ru

Критерии авторства

Ягофарова И.Д. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author's Credentials

Inara D. Yagofarova, Cand. Sci. (Juridical Sciences), Associate Professor of Competition Law and Antimonopoly Regulation Department of the Ural State Economy University, Ekaterinburg, Russian Federation, e-mail: vaina3@yandex.ru

Criteria for Authorship

Yagofarova I.D. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article $Y\Delta K$ 378.6

Социально-психологическая компетентность: уровни и компоненты

© М.Р. Арпентьева

Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация

Аннотация: Феномен социльно-психологической компетентности – один из интегративных феноменов не только социальной, но психологии в целом. Он изучается с социально-психологической, возрастно-психологической и иных сторон. Чаще всего - через описание тех или иных его компонентов. Исследователями намечены и осуществлены разнообразные подходы к его интегративному, целостному осмыслению, предпринята попытка ответить на вопрос – что же есть социально-психологическая компетеность, как она формируется и развивается: как человек становится личностью, в том числе, взрослой личностью, как человек становится партнером, в том числе, партнером зрелым, и как человек становится профессионалом, в том числе профессионалом в такой сложной сфере как психологическое консультирование – практике, направленной на помощь другим людям в их становлении личностями, партнерами и профессионалами. Центральными проблемами, однако, выступают проблемы соотношения уровней и компонентов, то есть – механизмов – формирования и развития компетентности. В статье рассматривается несколько основных моментов формирования и развития социальной компетентности. В качестве основных выделяются четыре уровня развития компетености, которые соотносятся с приемами, тактиками, статегиями и стратегемами проблемных, кризисных и иных социальных отношений. Отмечается что развитие компетености связано с процессами дифферециации и рефлексии опыта, а также с интеграцией и действенностью сделанных на основе дифференциации и рефлексии выводов. В итоге социально-психологическая компетентность предстает как сложное образование, включающее в себя не только комплекс знаний, умений, но и способность применять их в самых различных, порою проблемных ситуациях». Ведущий компонент социальной компетентености – социально-психологиеская компетентность, включающая знания и умения, построения и развития отношений с собой, людьми, преобразования сиутаций взаимодействия и жизнедеятельности в разных типах сред и отношений.

Ключевые слова: компетентность, психотерапевтическая модель, психоанализ, бихевиоризм, когнитивная психотерапия, гуманистическая психотерапия, интегративная психотерапия, жизненный опыт, рефлексия, социальный интеллект

Информация о статье: Дата поступления 29 ноября 2018 г.; дата принятия к печати 29 января 2019 г.; дата онлайнразмещения 25 марта 2019 г.

Для цитирования: Арпентьева М.Р. Социально-психологическая компетентность: уровни и компоненты // Социальная компетентность. 2019. Т. 4. № 1. С. 31–40.

Socio-psychological competence: levels and components

© Mariam R. Arpentieva

Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russian Federation

Abstract: The phenomenon of socio-psychological competence is one of the integrative phenomena of not only social, but psychology as a whole. It is studied from the socio-psychological, age-psychological and other aspects. Most often - through the description of one or another of its components. Researchers have outlined and implemented various approaches to its integrative, holistic understanding, attempted to answer the question - what is the socio-psychological competence, how it is formed and developed: how a person becomes a person, including an adult person, how a person becomes a partner including a mature partner, and how a person becomes a professional, including a professional in such a complex area as psychological counseling – a practice aimed at helping other people holes in their formation of the person, partners and professionals. The central problems, however, are the problems of the ratio of levels and components, that is, the mechanisms of the formation and development of competence. The article discusses several main points of the formation and development of social competence. Four levels of competence development stand out as the main ones, which are correlated with techniques, tactics, strategies and strategies of problem, crisis and other social relations. It is noted that the development of competence is associated with the processes of differentiation and reflection of experience, as well as with the integration and effectiveness of the conclusions made on the basis of differentiation and reflection. As a result, sociopsychological competence appears as a complex education, which includes not only a complex of knowledge and skills, but also the ability to apply them in the most diverse, sometimes problematic situations. "The leading component of social competence is socio-psychological competence, which includes the knowledge and skills of building and developing relationships with oneself, people, transformations of interactions of interaction and life activity in different types of environments and relationships.

Keywords: competence, psychotherapeutic model, psychoanalysis, behaviorism, cognitive psychotherapy, humanistic psychotherapy, integrative psychotherapy, life experience, reflection, social intelligence

Article info: Received November 29, 2018; accepted for publication January 29, 2019; available online March 25, 2019.

For citation: Arpentieva M.R. Socio-psychological competence: levels and components. Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence. 2019, vol. 4, no. 1, pp. 31–40. (In Russ.).

Понятие социально-психологической и иных видов компетености в отечественной и зарубежной психологии прямо или в связи с такими понятиями как «социальный интеллект» и т. д. изучалось в работах В.М. Басовой, А.В. Брушлинского, М.И. Бобневой, А.А.Бодалева, А.Г.Ковалева, И.П. Гладилиной, Г. Гарднера, Ю.Н. Емельянова, Э.Ф. Зеера, И.А. Зимней, М.О. Ибриегит, Д.В. Ушакова и О.В. Лунёвой, Е.В. Каменской, А.Б. Куклина, А.П. Ветошкина и С.З. Гончарова, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых, Н.Кантора и Дж. Кихлстрома, Н.М. Мельниковой, К. Рубина и Л. Роуз-Крэснер, Л.А.Петровской, О. Джона, К. Космитски, С. Гринспэна, Ю.Г. Татура, И.Л. Федотенко, У. Пфингстена и Р. Хинтча, А.И. Савенкова, А.Л. Южаниновой, У. Мишела, Э. Л. Торндайка, Г. Олпорта, Дж. Гилфорда, О. Конта и др. (Анцыферова, 1980, 1993; Арпентьева, Карпенкова, Ничипоренко, 2016; Базаров, 1997; Батурин, Матвеева, 2009; Бобнева, 1979; Введение в практическую..., 1996; Емельянов, 1985; Зеер, 2009; Ионин, 1991; Коблянская, 1995; Куницына, 2001; Куницына, Казаринова, Погольша, 2002; Леднёва, 2014; Лунёва, 2012; Мельникова, 1992; Минигалиева, 2013; Отюцкий, 2016; Савенков, 2005; Стернберг, Форсайт, Хедланд и др., 2002; Ушаков, 2004; Южанинова, 1988). Введение понятия «компетентность» в науку связывают с работами Н. Хомского, который предложил термин «компетентность» в контексте теории обучения языкам, речевой коммуникации (Хомский, 1962). Однако, данный термин в том или ином виде встречается и в более ранних исследованиях в бихевиоризме и иных напралениях психологических исследований. В России понятие «социальная компетентносты» часто приписывается как авторам А.П. Ветошкину и С.З. Гончарову (Ветошкин, Гончаров, 1998). В представлении данных авторов социальная компетентность - это понимание целевого назначения социальных институтов, норм и отношений и умения лично осуществлять социальные технологии. В научных исследованиях постсоветского

периода понятия «социальная компетентность» и «социально-психологическая компетентность» достаточно часто объединялись (Докторович, 2007).

Феномен СОЦИЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕской компетентности – один из интегративных феноменов не только социальной, но психологии в целом. Он изучается с социально-психологической, возрастно-психологической и иных сторон. Чаще всего – через описание тех или иных его компонентов (Л.М. Иванов, Е.В. Конева, Н. В. Калинина, М. И. Лукьянова, Г.И. Марасанов, М.С. Пономарев, А.М. Прихожан, Н.А. Рототаева, Т.И. Самсонова, В. Слот, Х. Спаниярд, Н.Н. Толстых и др.). Многочисленными исследователями намечены подходы к его интегративному, целостному осмыслению, предпринята попытка ответить на вопрос – что же есть социально-психологическая компетеность, как она формируется и развивается: как человек становится личностью, в том числе, взрослой личностью, как человек становится партнером, в том числе, партнером зрелым, и как человек становится профессионалом, в том числе профессионалом в такой сложной сфере как психологическое консультирование - практике, направленной на помощь другим людям в их становлении личностями, партнерами и профессионалами. Центральными проблемами, однако, выступают проблемы соотношения уровней и компонентов, то есть – механизмов – формирования и развития компетентности.

Е.В. Каменская определяет социальную компетентность как «сложное, многофакторное, интегрированное личностное качество, обеспечивающее готовность к конструктивной социально значимой деятельности; способность брать на себя ответственность за принятые решения и их результаты; гибко выстраивать своё поведение в соответствии с решением социальных задач и выполнением определенных социальных ролей. Таким образом, социальная компетентность — сложное образование,

включающее в себя не только комплекс знаний, умений, но и способность применять их в самых различных, порою проблемных ситуациях» (Каменская, 2017. С. 102).

Ведущий компонент социальной компетентености – социально-психологическая компетентность, включающая знания и умения построения и развития отношений с собой, людьми, преобразования сиутаций взаимодействия и жизнедеятельности в разных типах сред и отношений.

Л.А. Петровская (Жуков, Петровская, 1990; Петровская, 1989, 2007) отмечала, что на современном этапе радикальных общественных преобразований, важнейшим условием деятельности специалиста является его социально-психологическая компетентность. Эта компетентность предполагает:

- 1) знание социально-психологических закономерностей развития личности: этапов, институтов и механизмов социализации, содержания и структуры социальных установок и ценностных ориентаций, особенностей ролевого поведения в различных ситуациях общения и взаимодействия, специфики становления личностной и социальной идентичности,
- 2) знание социально-психологической феноменологии общения и взаимодействия, в том числе природы и детерминантов эмоциональных взаимоотношений, причин возникновения, динамики и способов разрешения межличностных конфликтов, эффектов восприятия и понимания человека человеком, специфики информационного обмена, особенностей невербальной коммуникации и т. д., а также владение навыками установления психологического контакта, приемами психологического воздействия, техникой личного общения,
- 3) знание психологических механизмов возникновения и жизнедеятельности малых социальных групп, в том числе способов и последствий влияния группы на личность, закономерностей сплочения и интеграции группы, динамики и этапов группового развития, психологии руководства и лидерства, а также владение групповыми методами оптимизации межличностных отношений, повышение эффективности коллективной деятельности, актуализации психологических резервов группы и пр.,

4) знание социально-психологических основ динамики социальных процессов, в том числе, закономерностей межгрупповых отношений, этапов и форм этнического самосознания, механизмов и особенностей массового поведения, природы социальных представлений и «коллективного бессознательного».

Понимание социально-психологической компетентности различными авторами не является однозначным.

В отечественной психологии наиболее распространен подход к изучению социально-психологической компетентности, реализуемый школой Л.А.Петровской (Жуков, Петровская, 1990; Петровская, 1989, 2007), где социально-психологическая компетентность рассматривается как аналог коммуникативной компетентности и трактуется как знание правил социального поведения, овладение коммуникативным репертуаром и умение на этой основе взаимодействовать с другими людьми (Коблянская, 1995).

В западной психологии социальнопсихологическая компетентность, как правило, рассматривается как совокупность социальных навыков и умений личности, например, таких как доброжелательное и уважительное отношение к себе и другим, уровень развития социальной перцепции, статус личности в группе, конфликтная компетентность, вербальная компетентность и др. (Cantor, Langston, 1985, 1987, 1989; Gardner, 1983; Goleman, 2007; Greenspan, Driscoll, 1997; Kosmitzki, John, 1993; Mischel, 1973; O'Sullivan, Guilford, DeMille, 1965; Pfingsten, Hintsch, 1991; Salopek, 2004; Thorndike, 1920; Vernon, 1933).

Интересной представляется расширительная трактовка социально-психологической компетентности: она понимается не просто как набор характеристик, обеспечивающих адекватное осуществление процесса общения, а как обширный репертуар навыков и действий, способствующих успешному преодолению различных стрессовых ситуаций.

Возрастно-психологические аспекты развития компетентности – одни из самых важных и изученных. Анализируя данные возрастной и педагогической психологии, мы можем выделить следующие компоненты социально-

психологической компетентности:

- поведенческий компонент умения человека (группы, общности), связанные с преобразованием себя и социальных ситуаций,
- когнитивный компонент знания человека (группы, общности) о себе как социальном субъекте и окружающем социальном мире,
- к этим компонентам как несамостоятельный эмоциональный компонент, выражающий отношения субъекта, примыкают те эмоциональные реакции («поведения»), которые связаны с данными группами ситуаций и людей,
- ценностный компонент ценностные установки (группы, общности) о себе как социальном субъекте и окружающем социальном мире, отношение становится ведущим аспектом социально-психологической компетентности (табл. 1).

Иногда эти аспекты выделяются как уровни компетентности: ценностный, уровень мотивов и установок, уровень умений, уровень знаний.

Работа с повышением компетентности в общении состоит в совершенствовании ценностного потенциала личности с помощью следующих средств:

- повышения культуры работы с собственным бессознательным,
- рефлексивно-эмпатического потенциалов личности (Жуков, Петровская, 1990; Петровская, 1989, 2007).

Другая – собственно социально-психологическая – типология компонентов социально-психологической компетентности

включает:

- КОМПЕТЕНТНОСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ СИТУОЦИЯХ,
- компетентность в других людях, группах, общностях,
- компетентность социального субъекта в самом себе (табл. 2).

Общие аспекты развития социальнопсихологической компетентности в современных подходах и теориях социально-психологической компетентности таковы:

- вариативность, множественность,
- осознанность, рефлексивность,
- дифференцированность как соотнесенность с особенностями субъектов взаимодействий и отношений, ситуаций социального взаимодействия и взаимоотношений (табл. 3).

У субъекта, находящегося на низком уровне развития социально-психологической компетентности, ведущими компонентами выступают компетентность в ситуациях социального взаимодействия и поведенческий компонент социально-психологической компетентности. Это предполагает, что субъект ориентируется на имеющиеся у него приемы реагирования и отношения. Отношенченский пласт социально-психологической компетентности целиком определяется предметным: включая неизвестные ситуации и ситуации кризисов и конфликтов. Осознание приемов развивается медленно, типичны низкая вариативность поведения, неумение соотнести имеющиеся шаблоны поведения с особенностями ситуации и субъектов отношения и взаимодействия.

Таблица 1

Уровни и компоненты компетентности

Table 1

Levels and components of competence

Ведущий компонент	Сформированные механизмы компетеностности	Уровень компетентности
поведенческий компонент	приемы	низкий уровень
когнитивный компонент	ТАКТИКИ	средний уровень
ценностный компонент	стратегии	высокий уровень
личностно-духовный компонент	стратегемы	высший уровень

Таблица 2

Уровни и компоненты компетентности

Table 2

Levels and components of competence

Ведущий компонент	Сформированные механизмы компетентности	Уровень компетентности
компетентность в ситуациях	приемы	низкий уровень
компетентность в других	тактики	средний уровень
самокомпетентность	стратегии	высокий уровень
единство миро- и самокомпетентности	стратегемы	высший уровень

Таблица 3

Развитие социально-психологической компетентности

Table 3

The development of socio-psychological competence

Сформированные механизмы компетентности	Характеристика компетентности	Регуляторы компетентности	Уровень компетентности
приемы	вариативность содержания ком- петентности (фрагментарность и лоскутность компетенций)	Ситуация взаимодействия	низкий уровень
тактики	осознанность содержания и процедур (тенденция к релфеоксии опыта и компететности)	Взаимоотношения взаимодействующих	средний уровень
стратегии	дифференцированность шаб- лонов осмысления и поведения	Отношениек себе и миру у субъектов	высокий уровень
стратегемы	единство ценностей, осмысле- ния и поведения (поступок)	Духовный смысл взаимодействия	высший уровень

У субъектов, находящихся на среднем уровне развития социально-психологической компетентности, ведущими компонентами являются компетентность в себе и когнитивный компонент социально-психологической компетентности. Это означает, что его реакции и отношения организуются как тактики социального поведения. Отношенческий и предметный пласты жестко связаны. Суть ситуации, человека – функция отношения к ним и наоборот. Осознание – важная цель, позволяющая дифференцированно использовать имеющиеся знания и умения в ситуациях общения с разными людьми. Гибкость высока, но ее развитие контролируется потребностью осознанного контроля поведения и знаний.

У субъектов, находящихся на высоком уровне развития социально-психологической компетентности, ведущие компоненты – ценностный и компетентность в себе. Его поведение и отношения регулируются стратегически, со стороны отношений субъекта. Отношенческий пласт социально-психологической компетентности важнее предметного. Осознание сочетается со спонтанностью. Вариативность поведения и отношения не ограничены ничем, кроме собственных ценностных установок субъекта (табл. 4).

Кроме того, **важными аспектами ее развития** являются:

- личный опыт и **особенности переработки опыта** о различиях субъектов и ситуаций,
- **сензитивность** субъекта к различиям субъектов и ситуаций взаимодействия и отношений,
- толерантность и принятие различий субъектов и ситуаций взаимодействия и взаимоотношений.

Таблица 4

Определяющие развитие компетентности факторы

Table 4

Factors determining the development of competence

Ведущий модус отношений	Ведущие факторы раз- вития компетентности	Уровни компе- тентности
Толерантность, терпеливость, конкретность (по-	Конфликтная и рутинная	низкий уровень
нимание непонимания и развитие интенции и	компетентность	
способности развиваться)		
Транспарентность, конгруэнтность и аутентич-	Кризисная и повседнев-	средний уро-
ность («расстановка акцентов», расстановка ро-	ная компетентность	вень
лей и рефлексивное структурирование ситуа-		
ции)		
Уважение, сензитивность, эмпатия (исследова-	Компетентность в обще-	высокий уро-
ние процессов и результатов обмена между	нии и деятельности	вень
людьми, человеком и миром)		
Свобода и принятие, любовь (открытость своему	Компетентность во взаи-	высший уро-
и чужому опыту как актуальному отношению	моотношениях и взаи-	вень
любви)	модействиях	

Третья типология компонентов социально-психологической компетентности предполагает выделение компонентов на основе типов социальных ситуаций и сфер взаимодействия и взаимоотношений:

- конфликтной и рутинной социально-психологической компетентности,
- кризисной и повседневной социально-психологической компетентности,
- компетентность в социальных взаимодействиях и компетентность в общении и во взаимоотношениях («предметный и социальный интеллекты»), включая профессионально-деловой и интимно-личностной аспекты социально-психологической компетентности.

Данные аспекты могут быть **охарактеризованы**:

- большей или меньшей степенью
 осознанности.
- большей или меньшей степенью
 сформированности и значимости
- большей или меньшей степенью **соответствия** друг другу (диссонансностью-консонансностью).

Различия в содержании данных **ком- понентов** могут касаться в первую очередь:

- представлением о ситуациях, себе и других людях как более или менее гибких, более или менее изменяющихся,
- представлениями о себе и других людях, ситуациях как более или менее сложных, развитых,
- представлениями о себе, ситуациях и других людях как более или менее гармоничных (табл. 5).

Таблица 5

Сферы компетентности и их содержание

Table 5

Areas of competence and their content

Alleas of competence and men comen				
Ведущая характеристика	Ведущие факторы развития	Уровни		
компетентности	компетентности	компетентности		
Сформированность - несформиро-	Конфликтная и рутинная	низкий уровень		
ванность	компетентность	пизкии уровепь		
Осознанность - несознанность	Кризисная и повседневная	средний уровень		
Ocoshannocis - necoshannocis	компетентность	средпии уровень		
Значимость- незначимость	Компетентность в общении	высокий уровень		
Эпачимость- пезпачимость	и деятельности			
Дифференцированность – транспа-	Компетентность во взаимоотно-	высший уровень		
рентность или нетранспарентность	шениях и взаимодействиях			

Уровни компетентности и ее ведущие измерения

Table 6

Levels of competence and its leading measurements

Уровни	Ведущие измерения компетентности		
компетентности	ведущие измерении компетентности		
Низкий уровень	Затруденное , фрагментарное функционирование и развитие разных		
	компонентов компетентности		
Средний	Осознание возможностей и ограничений разных компонентов,		
уровень	рефлексивная компетентность (метакомпетенции)		
Высокий	Высокий Осознание факторов и функций функционирования и развития различных		
уровень	уровень компонентов (гибкая и многоуровневая)		
Высший	Высший Осознание взаимодействия и соотношения различных компонентов –		
уровень	уровень транспарентности (множественная и целостная компетеность)		

Следующий аспект анализа данных компонентов:

- функционирование и развитие разных компонентов компетентности,
- осознание возможностей и ограничений разных компонентов,
- осознание факторов и функций функционирования и развития различных компонентов, их взаимодействия и соотношения.

Иногда отдельно выделяется компетентность в общении – система знаний, умений и ценностных установок, позволяющих ориентироваться в потенциале другого и своем собственном и в ситуации, где они могут быть реализованы (Жуков, Петровская, 1990; Петровская, 1989, 2007).

Традиционно выделяют три компонента общения и компетентности в общении: когнитивный, эмоционально-оценочный и поведенческий (А.А.Бодалев, Н.Н.Обозов, и другие), но понять и развить собственно личностную, интенциональную сторону общения нельзя вне аксиологического (ценностного) момента (Бодалев, 1995). Личностный

Библиографический список

Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 1997. 237 с.

Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2008. $3675\,\mathrm{c.}$

Анцыферова Л. И. Психологические закономерности развития личности взрослого человека и проблема непрерывного образования // Психологический журнал. 1980. № 2. С. 52–60.

Анцыферова Л.И. Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 2. С. 3–17.

компонент включает ценностные ориентации, смысловые установки и мотивы участников общения, определяет характер общения как способ взаимной ориентации: монологический или диалогический.

Более распространенной является типология компонентов компетентности в общении, основанная на функциональном подходе Г.М.Андреевой (Андреева, 1997, 2008). Традиционный набор коммуникативных универсалий, отражающий сложившиеся в социальной психологии представления о природе общения, сводится, как правило, к следующему: интеграция (объединение), перцепция (восприятие), информация (оповещение), интеракция (взаимодействие).

Соответствующие измерения компетентности в общении (согласно схеме Г.М.Андреевой): перцептивная, коммуникативная и интерактивная компетентность — необходимо дополнить анализом диалогического и монологического модусов общения (табл. 6).

References

Andreeva G.M. Psychology of social cognition. Moscow: Aspect-Press Publ., 1997. 237 p. (In Russ.).

Andreeva G.M. Social Psychology. Moscow: Aspect Press Publ., 2008. 3675 p. (In Russ.).

Antsiferova L.I. Psychological patterns of development of the personality of an adult and the problem of continuing education. *Psychol. Journal.* 1980. v.1. no.2. 1980. Pp. 52–60. (In Russ.).

Antsiferova L.I. Psychology of everyday life: the life world of the personality and the "technology" of its being. Psychological journal. 1993. V. 14. No. 2. Pp. 3–17. (In Russ.).

<u>Арпентьева М.Р. Социально-психологическая компетентность: уровни и компоненты</u> Arpentieva M.R. Socio-psychological competence: levels and components

Арпентьева М.Р. Социально-психологическая компетентность: статьи и эссе / М.Р. Арпентьева, И.В. Карпенкова, Н.П. Ничипоренко. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2016. 650 с.

Базаров Т.Ю. К проблеме инструментария практического социального психолога // Вестник МГУ, сер. 14. Психология. 1997. № 3. С.45–56.

Батурин Н.А., Матвеева Л.Г. Социальный и эмоциональный интеллект: мифы и реальность // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2009. № 42 (175). С. 4–7.

Бобнева М.И. Психологические проблемы социального развития личности // Социальная психология личности / отв. ред. М.И. Бобнева, Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1979. С. 35–63.

Бодалев А.А. Личность и общение. М.: Международная педагогическая академия, 1995. 328 с.

Введение в практическую социальную психологию / Под ред. Ю.М.Жукова, Л.А.Петровской, О.В.Соловьевой. М.: Наука, 1996. 255 с.

Ветошкин А.П., Гончаров С.З. Социальная компетентность как итоговый результат гуманитарного образования // Воспитание духовности: Ценности и традиции. Екатеринбург, 1998. С. 143 –145.

Докторович М.А.(О.) Формування соціальної компетентності старшого підлітка з неповної сім'ї дис... канд. пед. наук. Киев, 2007. 208 с.

Емельянов Ю. Н. Активное социально-психологическое обучение. Л.: ЛГУ, 1985. 166 с.

Жуков Ю.М. Петровская Л. А. Диагностика и развитие компетентности в общении. М.: МГУ, 1990. 104 с. 3еер Э. Ф. Психология профессионального развития / Э. Ф. Зеер, 3-е изд., стер. М.: Академия, 2009. 240 с. Ионин Л.Г. Понимание и экспертиза // Вопросы философии. 1991. № 10. С. 48–58.

Каменская Е.В. Формирование социальной компетентности у курсантов военных вузов // Педагогический журнал. 2017. Том 7. № 2А. С. 96–106.

Коблянская Е.В. Психологические аспекты социальной компетентности: дис. ... канд. психол. наук. СПб.: СПбГУ, 1995. 210 с

Куницына В.Н. Межличностное общение. Учебник для вузов / В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Поголыпа. СПб.: Питер. 2001. 544 с.

Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. СПб.: Питер, 2002. С. 469–474.

Леднёва С.А. Социально-психологическая компетентность будущего специалиста: понятие и методы развития в условиях обучения в вузе // Вестник российского государственного торгово-экономического университета. 2014. № 2(82). С. 126–135.

Лунёва О.В. Основные модели социального интеллекта // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика, 2012. Т. 18, №. 3. С. 44–47.

Мельникова Н.М. Социально-психологическая компетентность старшеклассников в общении: дис. ... канд. психол. наук. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 1992.176 с

Минигалиева М.Р. Социально-психологическая компетентность: интегративная модель // Science in the Arpentieva M.R. Socio-psychological competence: articles and essays. M.P. Arpentieva, I.V. Karpenkova, N.P. Nichiporenko. Kaluga: K.E. Tsiolkovskiy KSU , 2016. 650 p. (In Russ.).

Bazarov T.Yu.. To the problem of tools of a practical social psychologist. Bulletin of Moscow State University, sir. 14. Psychology. 1997. No. 3. Pp. 45–56. (In Russ.)

Baturin N.A., Matveeva L.G. Social and emotional intelligence: myths and reality. *Bulletin of the South Ural State University*. *Series: Psychology*. 2009. No. 42 (175). Pp. 4–7. (In Russ.).

Bobneva M.I. Psychological problems of social development of personality. *Social psychology of personality*. Ed. M.I. Bobneva, E.V. Shorokhov. Moscow: Science, 1979. Pp. 35–63. (In Russ.).

Bodalev A.A. *Personality and communication*. Moscow: International Pedagogical Academy Pul., 1995. 328 p. (In Russ.).

Introduction to practical social psychology. Ed. Yu.M.Zhukova, L.A. Petrovskaya, O.V. Soloveva. Moscow: Science, 1996. 255 p. (In Russ.).

Vetoshkin A.P., Goncharov S.Z. Social competence as the final result of humanitarian education. *Spiritual Education:* Values and Traditions. Ekaterinburg, 1998, pp. 143–145. (In Russ.).

Doktorovich M.A. (O.) Formulation of social competence of the senior child and non-nominal dis ... cand. ped. Of science Kiev, 2007, 208 p.

Yemelyanov Yu. N. Active socio-psychological training. Leningrad: Leningrad State University, 1985, 166 p. (In Russ.)

Zhukov, Yu. M. Petrovskaya L. A. Diagnostics and development of competence in communication. Moscow: Moscow State University, 1990, 104 p. (In Russ.). Zeer E.F. Psychology of Professional Development. Moscow: Academy Publ., 2009, 240 p. (In Russ.).

lonin L.G. *Understanding and expertise*. Questions of philosophy. 1991. No. 10. Pp. 48–58. (In Russ.).

Kamenskaya E.V. Formation of social competence in cadets of military universities. *Pedagogical Journal.* 2017. Vol. 7. No. 2A. Pp. 96–106.

Koblyanskaya E.V. Psychological aspects of social competence: dis. ... Cand. psychol. sciences. Saint-Petersburg: SPbSU, 1995, 210 p. (In Russ.).

Kunitsyna V.N. Interpersonal communication. Textbook for universities. V.N. Kunitsyna, N.V. Kazarinova, V.M. Pogolypa. Saint-Petersburg: Peter Publ., 2001, 544 p. (In Russ).

Kunitsyna V.N., Kazarinova N.V., Pogolsha V.M. Interpersonal communication. Saint-Petersburg: Peter Publ., 2002, pp. 469–474. (In Russ.).

Ledneva S. A. Socio-psychological competence of the future specialist: concept and methods of development in terms of education in high school. *Bulletin of the Russian State University of Trade and Economics*. 2014. No. 2 (82). Pp. 126–135. (In Russ.).

Luneva O.V. The main models of social intelligence. Bulletin of the Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics, 2012, vol. 18, no. 3, pp. 44–47. (In Russ.).

Melnikova N.M. Socio-psychological competence of high school students in communication: Dis. ... Cand. psychol. Sciences. Moscow, Lomonosov MSU, 1992. 176 p. (In Russ.).

Minigalieva M.R. Socio-psychological competence: an integrative model. Science in the modern conference of

Педагогические науки Pedagogical sciences

modern information society II: Proceedings of the Conference 07- 08 november 2013 in New Jersey, Moscow. USA, New Jersey: SPC «Academic», 2013. V.2. P. 346–350.

Отюцкий Г.П. Является ли социальный интеллект интеллектом? // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 5 [Электронный ресурс]. URL: http://human.snauka.ru/2016/05/14964 (дата обращения: 23, 09, 2018).

Петровская Л.А. Общение - компетентность - тренинг. Избранные труды. М.: Смысл, 2007. 387 с.

Петровская Л.А. Компетентность в общении: социально-психологический тренинг. Москва: Издательство Московского университета, 1989. 216 с.

Савенков А.И. Социальный интеллект как проблема психологии одаренности и творчества // Психология: Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 94–101.

Стернберг Р., Форсайт Дж.Б., Хедланд Дж. и др. Практический интеллект. СПб.: Питер, 2002. 265 с.

Ушаков Д.В. Социальный интеллект как вид интеллекта // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Издво «Институт психологии РАН», 2004. С. 11–28.

Хомский Н. Синтаксические структуры. Москва: Новое в лингвистике. Выпуск № 2. 1962. С. 412–527.

Южанинова А.Л. Стилевые особенности межличностного познания и характеристики общения: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л.: ЛГУ, 1988. 22 с.

Cantor N., Kihlstrom J. F. Social intelligence: The cognitive basis of personality. In P. Shaver (Ed.). Self, situations, and social behavior. Beverly Hills, CA: Sage. 1985. P. 15–34. Cantor, N., & Kihlstrom, J.F. Personality and social intelligence. Englewood Cliffs. - N.J.: Prentice-Hall. 1987. 340 p. Cantor, N., Langston, C.A. "Ups and downs" of life tasks in a life transition // L. A. Pervin (Ed.), Goal concept in personality and social psychology / Hillsdale, N.J.: Erlbaum,

Gardner, H. Frames of Mind: The theory of multiple intelligences. - New York: Basic Books. 1983. 420 p.

Goleman D. Social Intelligence: The New Science of Human Relationships. Bantam, 2007. 416 p.

Greenspan, S., Driscoll, J. The role of intelligence in a broad model of personal competence // Contemporary intellectual assessment: Theories, tests and issues / D.P. Flanagan & J.L. Genshaft. New York: Guilford Press, 1997. P. 131–150.

Kosmitzki, C., John, O.P. The implicit use of explicit conceptions of social intelligence. Personality & Individual Differences, 1993. Vol. 15. P. 11–23.

Mischel, W. Toward a cognitive social learning reconceptualization of Personality// Psychological Review, 1973. Vol. 80. Pp. 252–283.

O'Sullivan, M., Guilford, J. P., DeMille, R.The measurement of social intelligence. Reports from the Psychological Laboratory, No. 34. Southern California, Los Angeles: University of Southern California, 1965. 120 p.

Pfingsten U., Hintsch R. Groppentraining sozialer Kompetenzen. Weinheim: Psychologie Verlag Union. 1991. 142 p. 07-08 november 2013 in New Jersey, Moscow. USA, New Jersey: SPC "Academic" Publ., 2013, vol.2, pp. 346–350. (In Russ.).

Otyutsky G.P. Is social intelligence an intelligence? Humanitarian research. 2016. No. 5. Available at: http://human.snauka.ru/2016/05/14964 (accessed 23September 2018). (In Russ.).

Petrovskaya L.A. Communication - competence - training. Selected Works. Moscow: Meaning, 2007. 387 p. (In Russ.).

Petrovskaya, L.A. Competence in communication: sociopsychological training. - Moscow: Moscow University Press Publ., 1989. 216 p. (In Russ.).

Savenkov A.I. Social intelligence as a problem of the psychology of giftedness and creativity. *Psychology:* Journal of the Higher School of Economics. 2005. V. 2. N_2 4. Pp. 94–101. (In Russ.).

Sternberg, R., Forsyth, J. B., Hedland, J., et al. *Practical Intelligence*. St. Petersburg: Peter Publ., 2002, 265 p. (In Russ.).

Ushakov D.V. Social intelligence as a type of intelligence. D.V. Lyusina, D.V. Ushakov (Ed.) Social intelligence: Theory, measurement, research. Moscow: Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences", 2004. Pp. 11–28. (In Russ.)

Chomsky N. Syntactic structures. Moscow: New in linguistics. Issue 2. 1962. Pp. 412–527. (In Russ.)

Yuzhaninova A.L. Style features of interpersonal cognition and characteristics of communication: Author. dis. ... Cand. psychol. sciences. Leningrad (St. Petersburg).: LSU, 1988. 22 p. (In Russ.)

Cantor N., Kihlstrom J. F. Social intelligence: The cognitive basis of personality. In P. Shaver (Ed.). Self, situations, and social behavior. Beverly Hills, CA: Sage. 1985. P. 15–34.

Cantor, N., & Kihlstrom, J.F. Personality and social intelligence. Englewood Cliffs. - N.J.: Prentice-Hall. 1987. 340 p. Cantor, N., Langston, C.A. "Ups and downs" of life tasks in a life transition.ln: L. A. Pervin (Ed.), Goal concept in personality and social psychology. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1989. Pp. 127–168.

Gardner, H. Frames of Mind: The theory of multiple intelligences. - New York: Basic Books. 1983. 420 p.

Goleman D. Social Intelligence: The New Science of Human Relationships. Bantam, 2007. 416 p.

Greenspan, S., Driscoll, J. The role of intelligence in a broad model of personal competence. *In*: D.P. Flanagan & J.L. Genshaft. *Contemporary intellectual assessment: Theories, tests and issues*. New York: Guilford Press, 1997. Pp. 131–150.

Kosmitzki, C., John, O.P. The implicit use of explicit conceptions of social intelligence. *Personality & Individual Differences*, 1993. Vol. 15. Pp. 11–23.

Mischel, W. Toward a cognitive social learning reconceptualization of Personality. *Psychological Review*, 1973. Vol. 80. Pp. 252–283.

O'Sullivan, M., Guilford, J. P., DeMille, R.The measurement of social intelligence. *Reports from the Psychological Laboratory*, No. 34. Southern California, Los Angeles: University of Southern California, 1965. 120 p.

Pfingsten U., Hintsch R. Groppentraining sozialer Kompetenzen. Weinheim: Psychologie Verlag Union. 1991. 142 p.

1989. P. 127-168.

Арпентьева М.Р. Социально-психологическая компетентность: уровни и компоненты Arpentieva M.R. Socio-psychological competence: levels and components

Salopek J.J. Social intelligence // T+D . American Society for Training & Development . Vol. 58(9). 2004. P.17–19. Thorndike, E.L. Intelligence and its use // Harper's Magazine, 1920. Vol. 140. P. 227–235.

Vernon, P.E. Some characteristics of the good judge of personality // Journal of Social Psychology, 1933. No.4. P. 42–45.

Сведения об авторах

Арпентьева Мариям Равильевна, доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естествознания (РАЕ), академик Международной академии естстествознания, ведущий научный сотрудник Гуманитарного института, Югорский государственный университет, 628012, г. Ханты-Мансийск, Ханты-Мансийский Автономный округ – Югра, Российская Федерация, e-mail: mariam rav@mail.ru

Критерии авторства

Арпентьева М.Р. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов Conflict of Interest

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Salopek J.J. Social intelligence. T+D. American Society for Training & Development. Vol. 58(9). 2004. Pp.17–19 Thorndike, E.L. Intelligence and its use. Harper's Magazine, 1920. Vol. 140. Pp. 227–235.

Vernon, P.E. Some characteristics of the good judge of personality. *Journal of Social Psychology*, 1933. №4. Pp. 42–45

Author's Credentials

Mariam R. Arpentieva, grand doctor (Grand PhD) of psychological Sciences, associate professor, corresponding member of the Russian academy of natural sciences (RANS), Academician of the International Academy of Natural History (IANH), leading researcher fellow, Humanitarian Institute, Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Khanty-Mansi Autonomous Area - Yugra, Russian Federation, e-mail: mariam_rav@mail.ru

Criteria for Authorship

Arpentieva M.R. have conducted research, formalized research results and bear responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article УДК 373.23

Исследование готовности педагогов к реализации идей ФГОС дошкольного образования

© А.В. Николаева

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета, г. Нижний Тагил, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматриваются ключевые положения ФГОС ДО, вызывающие у педагогов дошкольного образования сопротивления при их внедрении в практическую деятельность. Инновационный барьер, заключающийся в торможении, сдерживании, блокировании или полном неприятии инновационного введения в виде ФГОС ДО, объясняется личностными психологическими защитами, ориентирующими поведение человека на устойчивость и стабильность. С целью оценки степени понимания, принятия и реализации инновационных идей ФГОС ДО педагогами дошкольных учреждений автором разработана анкета, с помощью которой в дошкольных учреждениях города Нижний Тагил проведено исследование. Описывая результаты анкетирования, автор ссылается не только на положения ФГОС ДО, но и на идеи свободной педагогики, т. к. контент анализ текста современного дошкольного стандарта позволяет утверждать, что в его теоретико-методологической основе лежат идеи свободного воспитания. По итогу исследования автор выделяет ряд идей современного стандарта дошкольного образования, которые вызывают у педагогов наибольшую степень непонимания или непринятия. Среди таких идей: рассмотрение периода дошкольного детства как жизненного этапа, значимого самого по себе, а не как периода, предназначенного для подготовки к школе; приоритетность в развитии компетентностных новообразований и эмоционального интеллекта; поддержка инициативы и самостоятельности детей, предоставление им самостоятельного выбора вида деятельности, следования своим интересам и желаниям; изменение позиции педагога с авторитетного наставника, определяющего траекторию развития ребенка, на позицию старшего товарища, готового на диалог сотрудничества.

Ключевые слова: Федеральный государственный стандарт дошкольного образования, детские сады, дошкольная педагогика

Информация о статье: Дата поступления 13 февраля 2019 г.; дата принятия к печати 27 февраля 2019 г.; дата онлайнразмещения 25 марта 2019 г.

Для цитирования: Николаева А.В. Исследование готовности педагогов к реализации идей ФГОС дошкольного образования // Социальная компетентность. 2019. Том 4. № 1. С. 41–49.

Study of teacher's readiness to implement the FSES preschool education ideas

© Anna V. Nikolaeva

Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Institute, a branch of the Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhny Tagil, Russian Federation

Abstract: The article discusses the key provisions of the Federal State Educational Standards of preschool education causing preschool teachers' resistance when putting them to use. The innovation barrier consisting in braking, deterring, blocking or completely rejecting an innovative introduction in the form of the Federal State Educational Standards of preschool education is explained by personal psychological defenses that direct human behavior towards stability. In order to assess the degree of understanding, adoption and implementation of innovative ideas of the Federal State Educational Standards for pre-school teachers, the author has developed a questionnaire to conduct a survey in preschool institutions of the city of Nizhny Tagil. Describing its results, the author refers not only to the provisions of the Federal State Educational Standards of preschool education, but also to the ideas of free pedagogy, since the content analysis of the modern preschool standard text suggests that the idea of free education lies in its theoretical and methodological basis. According to the results of the research, the author identifies a number of ideas of the modern standard of preschool education, giving rise to teachers' greatest misunderstanding or rejection. Among such ideas there is consideration of the period of preschool childhood as a life stage meaningful in itself but not as a period intended for preparation for school; priority in the development of competence-based innovations and emotional intelligence; support of children's initiative and independence, providing them with an independent choice of the type of activity, following their interests and desires; changing the position of a teacher from an authoritative mentor who determines the trajectory of the child's development to the position of a senior comrade who is ready for a dialogue of cooperation.

Keywords: Federal state standard of preschool education, kindergartens, preschool pedagogy

Article info: Received February 13, 2019; accepted for publication February 27, 2019; available online March 25, 2019.

For citation: Nikolaeva A. V. Study of teacher's readiness to implement the FSES preschool education ideas. Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence. 2019, vol. 4, no. 1, pp. 41–49. (In Russ.).

Модернизация образовательной системы в нашей стране нашла свое выражение в утверждении новых образовательных стандартов, кардинальным образом меняющих вектор развития современной педагогики. Однако, как любое нововведение, Федеральный государственный образовательный стандарт (далее ФГОС) сталкивается с инновационным барьером, являющимся ответной реакцией педагогического сообщества, заключающийся в торможении, сдерживании, блокировании или полном неприятии инновационного введения (Загвязинский, Строкова, 2014. С. 2-22). Такое сопротивление объясняется личностными психологическими защитами, ориентирующими поведение человека, прежде всего, на устойчивость и стабильность. Иначе говоря, при старых условиях действия участников образовательного процесса привычны, во многом основаны на автоматизме, обыденны и удобны, в то время как инновации влекут за собой неизбежные перемены, к которым педагоги, чаще всего, оказываются не готовы (Маракушина, 2011. С. 141).

Е.А. Сиденко выделяет ряд трудностей, с которыми приходится сталкиваться при отказе от сложившейся образовательной практики в пользу инновационной деятельности, связанной с реализацией ФГОС. Во-первых, это упрощенное понимание сущности и технологий реализации подходов, являющихся методологической основой стандарта. Во-вторых, это желание педагога вернуться к прежним привычным, понятным, не раз проверенным способам работы, вместо изучения и апробации инновационных практик. В-третьих, это отсутствие готовруководителей образовательного учреждения к планированию и организации образовательного процесса в соответствии с новыми требованиями. В-четвертых, не со-ОТВЕТСТВИЕ ПРИНЦИПИАЛЬНО НОВОМУ ПОДХОДУ, заложенному в стандарте, сложившейся методики проведения и анализа занятий, а также оценки деятельности педагогического коллектива (Сиденко, 2012. С. 5-6).

Дошкольное образование, являясь первой ступенью в системе российского

образования, также столкнулось с инновационным барьером и всеми вытекающими трудностями, связанными с внедрением Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования.

После утверждения ФГОС ДО в январе 2014 года в дошкольных учреждениях произошли значительные изменения: составлены новые образовательные программы, внесены коррективы в соответствующую документацию, закуплены новые методические пособия, педагогами пройдены курсы повышения квалификации, преобразована развивающая среда в группах детского сада и т. д. Однако, несмотря на все изменения, говорить о реализации требований стандарта еще рано, т. к. существует ряд трудностей, стоящих на пути развивающейся инновационной системы.

Во многом они связаны с принятием новых педагогических идеалов и ценностей, пониманием механизмов реализации технологий в практической деятельности, а главное, готовностью педагогов менять не только способы работы, но и себя как личность.

Нами была разработана анкета для сотрудников дошкольных учреждений для оценки степени понимания, принятия и реализации некоторых идей стандарта, а также выявления трудностей, связанных с его внедрением. В анкетировании приняли участие 79 педагогов, работающих в разных муниципальных бюджетных дошкольных образовательных учреждениях города Нижнего Тагила.

Описывая результаты анкетирования, мы будем ссылаться не только на положения ФГОС ДО, но и на идеи свободной педагогики, т. к. контент анализа текста современного дошкольного стандарта позволяет утверждать, что в его теоретико-методологической основе лежат идеи свободного воспитания (Николаева, 2018. С. 250–259).

Так, одним из основополагающих принципов современного стандарта и педагогического течения свободное воспитание является идея поддержки разнообразия

детства, сохранение его уникальности и самоценности как важного этапа в общем развитии человека. Детство рассматривается как период жизни «значимый сам по себе, без всяких условий; значимый тем, что происходит с ребенком сейчас, а не тем, что является подготовкой к следующему периоду» (ФГОС ДО, 2013). Соответственно, «на детский сад следует смотреть не как на подготовку к школе, а как на такое воспитательное учреждение, которое дает возможность детям изжить детство в пределах того возраста, который охватывается детским садом, во всей полноте его жизненных запросов и свойственных ему задач и стремлений» (Князев, 2015. С. 108).

В связи с этим, в одном из вопросов анкеты педагогам предуагалось распределить в порядке значимости задачи, стоящие перед дошкольным учреждением. Ответ, отражающий подход современного Стандарта «Детство ради детства» (Кудрявцева, Гулидова, 2015. С. 7), дающий детям возможность свободного выбора игровой и творческой деятельности посчитали приоритетным 65 % опрошенных. 30 % педагогов наиболее важной задачей, стоящей перед детским СОДОМ, ВИДЯТ ЛИЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ ВОСПИТОНников, связанные с умением удерживать внимание на интересующем объекте, проявлением творческой активности, способности конструктивно взаимодействовать со СВЕРСТНИКАМИ И Т. Д.

Несмотря на то, что в соответствии с принятой разработчиками стандарта идеологией, дошкольное детство является самощенным этапом, некоторым педагогам сложно отказаться от восприятия детского сада как места, предназначенного подготовить детей к школе. Поэтому 5 % респондентов считают наиболее важным научить детей тому, что называют «знаниевым компонентом».

Необходимо отметить, что современный подход к дошкольному образованию не отвергает идею подготовки ребенка к школе, он лишь меняет первоочередную значимость и вектор развития такой подготовки. Традиционно считалось, что первокласснику, идущему в общеобразовательную школу, в детском саду необходимо освоить счет в пределах 20, написание пе-

чатных буквы, чтение по слогам и т. д. При современном подходе ребенок на этапе завершения дошкольного образования должен владеть не суммой знаний, а ключевыми компетенциями и умениями, отраженными в целевых ориентирах ФГОС ДО.

В связи с этим, нами были подобраны показатели развития детей 6-7 лет (Будже, Докукина, Никитина, 2014) (табл. 1), часть из которых отражает умения дошкольника в традиционном понимании «познавательное развитие» (ответы в левом столбике: A, Б1, В1, Г, Д, Е1, Ж1, 31, И1, К1, Л, М). Вторая часть вариантов соответствует новому подходу, ориентированному на значимость компетентностных новообразований, развитие эмоционального интеллекта и игру как ведущую детскую деятельность (правый столбик таблицы: A1, Б, В, Г1, <u>A</u>1, Е, Ж, З, И, К, А1, М1). Не умоляя значимости всех достижений ребенка, педагогам предлагалось из двух предложенных вариантов выбрать тот, который они считают наиболее важным. Ниже приведена таблица с процентным указанием выбранных ответов.

Несмотря на то, что большая часть педагогов делает выбор в пользу ответов, отражающий современный подход, около 20 % воспитателей все еще остаются верны традиционным взглядам в отношении качеств и навыков, которыми может обладать ребенок, выпускающийся из детского сада. Необходимо отметить, что чаще всего ответы, отражающие традиционное восприятие подготовки детей в стенах детского сада, выбирают люди старше 45 лет.

Второе положение, объединяющее свободную педагогику и современный до-ШКОЛЬНЫЙ СТАНДАРТ - САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ, ДЕЯтельностное освоение мира детьми, когда им предоставляются свободный выбор деятельности и возможность следовать своим собственным интересам. ФГОС ДО закрепляет данное положение в пунктах 3.2.1 «поддержка инициативы и самостоятельности детей в специфических для них видах деятельности» (ФГОС ДО, 2013) и 3.3.1 «предоставление возможности выбора материалов, видов активности, участников совместной деятельности и общения» (ФГОС ДО, 2013). Образовательное пространство детского сада должно не только обеспечивать

Таблица Table

	_	1	lable
A 1 %	Ребенок умеет считать до 10 и дальше (количественный и порядковый счет в пределах 20)	A1 99 %	Ребенок может оценить свои воз- можности в играх и старается без обиды воспринимать проигрыш
Б1 18 %	Ребенок знает герб, флаг, Гимн России, называет главный город страны, имеет представление о родном крае, его достопримечательностях	Б 82 %	Ребенок способен самостоятельно выбрать или придумать разнообразные сюжеты игр
B1 39 %	Ребенок способен составить по плану и образцу рассказ о предмете, по сюжетной картине, набору картин с фабульным развитием действия	B 61 %	Ребенок умеет высказать несогла- сие в социально приемлемой форме
Γ 25%	Ребенок знает состав чисел первого десятка. Соотносит цифру (0-9) и количество предметов	Г1 75 %	Ребенок может отстаивать свою по- зицию в совместной деятельности
Д 28 %	Ребенок может выразительно читать стихи, пересказывать отрывки из произведений	Δ1 72 %	Ребенок делится с педагогом и детьми разнообразными впечатлениями.
E1 8 %	Ребенок может составлять и решать задачи в одно действие на сложение и вычитание	E 92 %	Ребенок может сам (или с помо- щью взрослого) оценить свои по- ступки и поступки сверстников
Ж1 17 %	Ребенок употребляет в речи синонимы, антонимы, сложные предложения разных видов	Ж 83 %	Ребенок способен эмоционально откликаться на переживания персонажей сказок, историй, мультфильмов, спектаклей
31 14 %	Ребенок различает и называет: отрезок, угол, круг, овал, многоугольник, шар, куб, проводит их сравнение	3 86 %	Ребенок может планировать свою деятельность, отбирать для нее необходимые материалы
И1 23 %	Ребенок может назвать любимые книги, излагает их содержание, в том числе произведения большого объема	И 77 %	Ребенок может моделировать необходимую для игры предметно-игровую среду
K1 20 %	Ребенок может назвать в последовательности слова в предложении, звуки и слоги в словах. Находит в предложении слова с заданным звуком	K 80 %	Ребенок способен разворачивать сюжет игры с минимальным ис-пользованием игрушек
Λ 11 %	Ребенок различает величины: длину (ширину, высоту), объем (вместимость), массу (вес предмета), и знает способы их измерения	٨1	Ребенок способен к установлению устойчивых контактов со сверстни-ками
M 33 %	Ребенок различает виды изобразительного искусства, называет основные изобразительные средства	M1 67 %	Ребенок может находить новую трактовку роли в игровой деятельности и исполнять ее

игровую, познавательную, исследовательскую и творческую активность всех воспитанников, но и предоставлять возможность для их свободного самовыражения (ФГОС ДО, 2013).

Мы предложили педагогам оценить некоторые ситуации и описать свои действия в них. Вот описание одной из них: «В средней группе дети заняты свободной игровой деятельностью. Вы видите, как Ваня и

Костя начали перетаскивать столы и стулья из обеденной зоны, при этом иногда роняя их и создавая соответствующий уровень шума. Разрешите ли Вы продолжить детям это делать?» 35 % опрошенных высказали категоричное мнение, заключающееся в запрете на продолжение такой деятельности, мотивируя это тем, что действия детей травмоопасны, нарушают правила поведения в группе и могут привести к поломке мебели. Несмотря на объективные сложности данной ситуации, 65 % педагогов разрешат вос-ПИТАННИКАМ ПРОДОЛЖИТЬ СВОЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, при этом предложив им помощь и напомнив про безопасность. В своих ответах они ссылаются на необходимость принятия и поддержки детской инициативы и самостоятельности при реализации игрового замысла.

Представители свободного воспитания предлагали выстраивать воспитательнообразовательный процесс «исходя из ребенка», т. е. основываясь на интересах и предпочтениях детей предоставлять им возможность самостоятельно выбирать вид деятельности и заниматься им столько, сколько они сочтут необходимым (Корнетов, 2016. С. 87). Для того, чтобы не задерживать спонтанных самостоятельных проявлений ребенка и не навязывать ему своих задач, педагог должен «принять во внимание, что с рождения ребенок имеет внутри себя мощную движущую силу. Педагогам необходимо распознать внутренние силы ребенка, восхититься ими и служить им; самим же скромно сесть в сторонке с намерением сотрудничаты» (Монтессори, 2005. С. 14).

В данной логике рассуждений мы предложили воспитателям ситуацию: «Вы дали поручение Тане и Лене построить из конструктора дом. Не закончив постройку, Лена переключилась на другую деятельность. Вернете ли Вы Лену к постройке дома?» Ключевыми моментом в данной ситуации является тот факт, что педагог сам определил деятельность девочек и она не заинтересовала надолго одну из них. 53 % опрошенных предпочли вернуть ребенка к постройке дома, используя для объяснения одну и ту же фразу: «Начатое дело необходимо доводить до конца» иначе ребенок вырастет «непоследовательным и безответственным». При таком подходе, во-первых, не учитываются интерес ребенка и его желания, а во-вторых, умение ранжировать какие-либо дела на важные и не важные, значимые и нет и т. д., более востребованно в современном мире чем выполнение любого начатого дела до конца. Несмотря на то, что 47 % воспитателей предоставили лене возможность заниматься той детальностью, которую она самостоятельно выбрала для себя, исходя из своих интересов, некоторые из них сделали оговорку о том, что они все равно попытаются привлечь ее внимание к постройке дома разными способами.

Детский психолог Л.В. Петрановская утверждает, что ребенок, не находясь в стрессовой ситуации, всегда будет развиваться: «Дети созданы природой для того, чтобы учиться – у них постоянно созревают новые отделы мозга, устанавливаются новые нейронные связи. Если вы оставите ребенка одного, то он начнет заниматься познанием мира» (Петрановская, 2019). Для такого развития не нужны специально-организованные занятия, достаточно естественных условий, в которых ребенок будет проявлять свою познавательную активность: исследовать, наблюдать, анализировать, сопоставлять. В современных детских садах идея о таком естественном развитии не столь популярна. Многие педагоги считают, что, в основном, ребенок развивается за счет специальноорганизованных занятий.

Для того чтобы проверить справедливость такого утверждения, мы предложили воспитателям ответить на вопрос: «Можете ли Вы не провести заранее запланированное занятие с детьми? Если да, то в каком случае и как часто?» 39 % дали категоричный отрицательный ответ, т. к. считают организованные занятия одним из самых важных моментов для развития ребенка в детском саду. 44 % воспитателей могут перенести занятия на другое время по организационнобытовым причинам, таким как объектовые тренировки, осмотр детей специалистами, запланированные праздники и т. д. 17 % могут перенести занятие или отменить его в редком случае по причинам, связанным с детьми: «воспитанники заняты игрой», «не хотят заниматься в силу разных обстоятельств», «увлечены другой деятельностью».

Для оценки значимости, которую современные воспитатели придают специ-

ально организованной образовательной деятельности, мы предложили им рассмотреть ситуацию: «По расписанию занятие на развитие математических представлений, но дети заинтересовались первым снегом, который пошел на улице. Отмените ли вы занятие и пойдете на улицу?» 86 % опрошенных ответили на данный вопрос отрицательно, при этом 58 % из них указали причины, так или иначе связанные с режимом дня, существующем в учреждении: «нельзя нарушать режимные моменты», «надо всегда придерживаться плана», «нельзя проводить занятия не по сетке занятий». 43 % педагогов связали свой отказ с позицией администрации учреждения, которая настаивает на проведении всех занятий в соответствии с составленным расписанием. На наш взгляд, такой подход не оставляет ребенку возможности проявить интерес и любопытство к реальному миру, осуществить рефлексию по поводу собственных желаний.

Ответы на вышеописанные ситуации позволяют говорить о том, что часть педагогов все еще не готова «избавиться от ложного чувства собственного превосходства» (Валеев, 2007. С. 57). Вместо того, чтобы предоставить ребенку возможность самому определять траекторию своего развития «взрослые, считая себя совершенными, всеми силами стремятся привить детям свои идеи, мысли, передать им свои знания, понятия о добре, зле, справедливости» (Астафьева, 2016. С. 46).

Признавая индивидуальность каждого ребенка, его уникальность и неповторимое своеобразия ФГОС ДО говорит о необходимости выстраивать с ними диалог сотрудничества и равноправных отношений, как с полноценным участником образовательных отношений (ФГОС ДО, 2013). Поэтому один из вопросов анкеты был следующим: «Во время проведения образовательной деятельности по математике в подготовительной группе Тимоша поделился своей новостью о том, что ему подарили собаку. Дети бурно отреагировали на эту информацию и потеряли интерес к занятию. Сделаете ли Вы замечание ребенку?» Отметим, что в дошкольном стандарте декларируется запрет на «все формы физического и психического насилия» (ФГОС ДО, 2013) и «обеспечение эмоционального благополучия, уважительного отношения к каждому ребенку, его чувствам и потребностям» (ФГОС ДО, 2013). 23 % опрошенных сказали, что сделают замечание мальчику, аргумен-ТИРУЯ СВОЮ ПОЗИЦИЮ ТЕМ, ЧТО В ПОДГОТОВИТЕЛЬной группе дети не должны говорить о постороннем на занятии, тем самым отнимая «драгоценное время». Большая часть воспитателей (77 %) считает, что чувства ребенка и возможность свободно выражать свои мысли очень ценны, поэтому они не будут делать замечание. Отметим некоторые комментарии по этому поводу: «если сделать замечание, ребенок может замкнуться в себе и больше не захочет делиться своими переживаниями», «важно поддерживать де-ТЕЙ И ДАВАТЬ ИМ ПРАВО ВЫСКАЗАТЬСЯ», «ДЛЯ РЕбенка эмоционально значим этот момент». Не видя в такой ситуации повода для замечания, педагоги утверждают, что можно выслушать ребенка, порадоваться за него и восстановить интерес детей, включив новость Тимоши в контекст занятия, сохранив поставленную задачу.

Один из принципов, на котором строится педагогика свободного воспитания природосообразность. Он требует от педагога глубокого знания детской психики, понимания интересов и запросов детей конкретного возраста. В дошкольном стандарте такой принцип значится как «возрастная адекватность дошкольного образования, т. е. соответствие условий, требований, методов возрасту и особенностям развития» (ФГОС ДО, 2013). Несмотря на необходимость выстраивать образовательный процесс в соответствии с возрастом, не все личные достижения воспитанников, соответствующие их возрастной норме, считаются значимыми.

Для примера рассмотрим такую ситуацию: «Вам надо выбрать две творческие работы от подготовительной группы на городской детский конкурс. Какие работы вы выберите?». Отметим, что рисунки под буквами «Б» и «Г» дети в возрасте 6 – 7 лет не смогут нарисовать в силу своих возрастных возможностей. Рисунок под буквой «В» нарисован ребенком самостоятельно, под

 $\langle\!\langle A \rangle\!\rangle$ $\langle\!\langle B \rangle\!\rangle$ $\langle\!\langle B \rangle\!\rangle$

буквой «А» – при незначительной помощи взрослого.

Учитывая принципы возрастной адекватности дошкольного образования, восприятия ребенка как полноценного участника образовательных отношений, поддержки инициативы и самостоятельности детей в специфических для них видах деятельности, с одной стороны, и предназначение конкурса, раскрыть возможности детей именно подготовительной группы, с другой стороны, необходимо отправить работы под буквами «А» и «В».

Ответы педагогов распределились следующим образом. На первом месте по количеству выборов рисунок «А» (75 %), на втором рисунок «Г» (60 %), на третьем рисунок «В» (34 %) и последнее место рисунок «Б» (31 %). Как мы видим, многие педагоги могут отправить на конкурс работы, которые реально дети не рисовали. Свой выбор воспитатели объясняют тем, что детские творческие учреждения, проводящие соответствующие конкурсы, охотно принимают работы, не соответствующие заявленному возрасту и чаще всего отдают им призовые места.

Таким образом, ФГОС ДО, как любое новообразование, неизбежно сталкивается с инновационным барьером, один из аспектов которого заключается в понимании, принятии и реализации педагогическим сообществом некоторых идей стандарта. Среди таких идей можно выделить следующие:

- рассмотрение периода детства

как жизненного этапа, значимого самого по себе. Соответственно, восприятие детского сада как учреждения, в котором ребенок проживает данный этап жизни в свободной игровой и творческой деятельности, а как учреждения, первоочередной задачей которого является подготовка детей к обучению в школе;

- подготовка к школьному обучению в стенах детского сада заключается не в передаче суммы знаний ребенку, а в создании условий, в которых у ребенка формируются компетентностные новообразования и эмоциональный интеллект;
- поддержка инициативы и самостоятельности детей, заключающаяся в предоставлении ребенку возможности для самовыражения, самостоятельного выбора вида деятельности, следования своим интересам и желаниям;
- основное развитие дошкольника происходит не во время специально-организованной образовательной деятельности, а в естественных условиях, позволяющих ему проявлять свою познавательную активность;
- изменение позиции педагога с авторитетного наставника, определяющего траекторию развития ребенка, на позицию старшего товарища, готового на диалог сотрудничества;
- уважительное отношение к ребенку и его интересам, взаимодействие с ним в соответствии с его возрастом, признание значимости результатов его труда.

Библиографический список

Астафьева Е.Н. Восхождение к ребенку в теории свободного воспитания С.Н. Дурылина // Историко-педагогический журнал. 2016. № 3. С. 38–53.

Валеев А.А. Нравственное воспитание детей в условиях педагогики свободы // Воспитание школьников. 2007. \mathbb{N}_2 6. С. 57–59.

Загвязинский В.И. Строкова Т.А. Сопротивление инновациям: сущность, способы профилактики и преодоления // Образование и наука. 2014. № 3. С. 2–22.

Князев Е. Константин Вентцель и «Дом свободного ребенка» // Дошкольное воспитание. 2015. № 8. С. 106-112.

Корнетов Г.Б. К.Н. Вентцель – пророк свободного воспитания // Генезис педагогической мысли и педагогической практики в истории человеческой культуры. М.: ACOV. 2016. С. 80–108.

Людмила Петрановская. О том, как вырастить любознательного ребенка. [Электронный ресурс]. URL.: https://letidor.ru/psihologiya/lyudmila-petranovskaya-o-tom-kak-vyrastit-lyuboznatelnogo-rebenka.htm (дата обращения 2.02.2019).

Маракушина И.Г. Психологические аспекты проблемы сопротивления инновациям в сфере образования // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2011. № 5. С. 141–147.

Методические рекомендации по организации образовательной деятельности дошкольных образовательных организаций в условиях реализации ФГОС ДО. М.: Московский центр качества образования. 2014. 160 с.

Монтессори М. Дом ребенка. Метод научной педагогики. СПб.: Астрель. 2005. 269 с.

Николаева А.В. Идея свободного воспитания как основа современного стандарта дошкольного образования // История педагогической мысли и практики образования в России и мире: монография. М.: ACOY. 2018. С. 250–259.

Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования. Приказ Министерства образования и науки РФ от 17.10.2013 г. № 1155. [Электронный ресурс]. URL.: https://www.w.rg.ru /2013/1125 doshk-standart-dok.html (дата обращения 2.02.2019).

Сиденко Е.А. Основные затруднения учителей при переходе на ФГОС второго поколения // Эксперимент и инновации в школе. 2012. № 2. С. 4-6.

ФГОС ДО в вопросах и ответах: информационно-методическое сопровождение специалистов дошкольного образования. Волгоград: Учитель. 2015. 77 с.

References

Astaf'eva E.N. Approach to the child in S. N. Durylin's theory of free education. Istoriko-pedagogicheskij zhurnal [Historical and pedagogical journal], 2016, no. 3, pp. 38–53. (In.Russ.).

Valeev A.A. Moral education of children in the conditions of the pedagogy of freedom. Vospitanie shkol'nikov [Education of schoolchildren], 2007, no. 6, pp. 57–59. (In.Russ.). Zagvyazinskij V.I. Strokova T.A. Resistance to innovation: the essence, methods of prevention and overcoming]. Obrazovanie i nauka[Education and Science], 2014, no. 3, pp. 2–22. (In.Russ.).

Knyazev E. Konstantin Ventzel and "The House of a free child". Doshkol'noe vospitanie [Preschool education], 2015, no. 8, pp. 106–112. (In.Russ.).

Kornetov G.B. K.N. K.N. Ventzel – the prophet of free education]. [Genesis of pedagogical thought and teaching practice in the history of human culture.]. Moscow: Akademiya sotsial'nogo upravleniya Publ., 2016, pp. 80–108. (In.Russ.).

Lyudmila Petranovskaya. O tom, kak vyrastit' lyuboznatel'nogo rebenka [How to raise an inquisitive child]. Available at: https://letidor.ru/psihologiya/lyudmila-petranovskaya-o-tom-kak-vyrastit-lyuboznatelnogo-

rebenka.htm (accessed 2 February, 2019). (In.Russ.).

Marakushina I.G. Psychological aspects of resistance to innovation in education. Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University], 2011, no. 5, pp. 141–147. (In.Russ.).

Metodicheskie rekomendacii po organizacii obrazovatel'noj deyatel'nosti doshkol'nyh obrazovatel'nyh organizacij v usloviyah realizacii FGOS DO [Guidelines for the organization of educational activities of preschool educational organizations in the context of the implementation of the FSES PE]. Moscow: Moskovskij centr kachestva obrazovaniya Publ., 2014, 160 p. (In.Russ.).

Montessori M. Dom rebenka. Metod nauchnoj pedagogiki [The children's houses. Method of scientific pedagogy]. Sankt-Peterburg: Astrel' Publ., 2005, 269 p. (In.Russ.).

Nikolaeva A.V. The idea of free education as the basis of the modern standard of preschool education. *Istoriya* pedagogicheskoj mysli i praktiki obrazovaniya v Rossii i mire: monografiya [History of pedagogical thought and practice of education in Russia and the world: monograph]. Moscow: Akademiya sotsial'nogo upravleniya Publ., 2018, pp. 250–259. (In.Russ.).

On approval of the federal state educational standard for pre-school education. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of October 17, 2013. No. 1155. Available at: https://www.w.rg.ru/2013/1125 doshk-standart-dok.html (accessed 2 February 2019).

Sidenko E.A. The main difficulties of teachers in the transition to the second generation of the FSES] *EHksperiment i innovacii v shkole* [Experiment and innovation in school], 2012, no. 2, pp. 4–6.

FGOS DO v voprosah i otvetah: informacionnometodicheskoe soprovozhdenie specialistov doshkol'nogo obrazovaniya [FSES PE in questions and answers: information and methodological support for pre-school education specialists]. Volgograd: Uchitel' Publ., 2015, 77 p. (In.Russ.).

Педагогические науки Pedagogical sciences

Сведения об авторе

Николаева Анна Валерьевна, аспирант кафедры педагогики и психологии Нижнетагильского государственного социально-педагогического института, филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета,

e-mail: BAV 21.10.91@mail.ru

Критерии авторства

Николаева А. В. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Author's Credentials

Anna V. Nikolaeva, a Postgraduate Student of Pedagogy and Psychology Department, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute, branch of the Russian State Vocational Pedagogical University, e-mail: BAV_21.10.91@mail.ru

Criteria for Authorship

Nikolaeva A.V. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article УДК 378.148

Медиакомпетентность: свобода подключения и отключения

© А.С. Тимощук

Владимирский государственный университет, г. Владимир, Российская Федерация

Аннотация: Растущая роль медиа актуализировала такие социальные понятия и аттракторы как событийность, включённость, информационный повод, доступность, открытость, скорость распространения информации, которые стали социокультурными векторами общества, а также рычагами экономики. Формирование медиакомпетентности – это непростой целевой ориентир, который состоит из многих задач: технической оснащённости, специальных SMM умений (продвижения товаров и услуг в социальной медиа среде), знания терминологии, управления коммуникациями, контент-менеджмента, работы с разными интерфейсами, владения навыками медиа анализа, реализации ключевых показателей (КРІ). Одним из важных компонентов медиакомпетентности выступает медиа этика, нравственный кодекс всех участников коммуникативной среды, где есть не только свобода подключения и распространения, но и свобода отключения и нераспространения; защита безопасности, деловой репутации, конфиденциальности. Формулируемая проблема носит теоретический и прикладной характер. Её теоретический аспект можно сформулировать символически так: куда не достают электромагнитные волны тотальной прозрачности? Где заканчивается личная свобода доступа к информации и коммуникации и начинается общественный интерес защиты от персональных электронных устройств? Прикладные аспекты проблемы – это столкновение свободы личности на информацию, права человека на приватность и корпоративные требования безопасности. Новизна изучения медиакомпетентности заключается в эмерджентном характере самого феномена, разворачивающегося на стыке пользовательской квалификации в области современных коммуникационных платформ, коммуникативных навыков, организации труда и делового общения. Результаты: 1) сформулирована проблема прозрачности субъекта в цифровой экономике, 2) названы причины ограничения использования персональных электронных устройств, 3) отражается специфика отношения образовательных организаций к гаджетам.

Ключевые слова: медиакультура, медиаобразование, медиаведение, МИГ, МИ-грамотность, информатизация, медийность, информационная безопасность, поколение NEXT, информационное общество

Информация о статье: Дата поступления 23 января 2019 г.; дата принятия к печати 22 февраля 2019 г.; дата онлайнразмещения 25 марта 2019 г.

Для цитирования: Тимощук А.С. Медиакомпетентность: свобода подключения и отключения // Социальная компетентность. 2019. Том 4. № 1. С. 50–58.

Media competence: freedom of connection and disconnection

© Alexey S. Timoschuk

Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation

Abstract: The increasing role of media keeps up to date such social concepts and attractors as eventivity, inclusiveness, newsbreak, accessibility, openness, speed with which information is distributed that have become sociocultural vectors of society, as well as levers for economy. To form media competence is a difficult target, which consists of many tasks: technical equipment, special SMM skills (promotion of goods and services in the social media environment), knowledge of terminology, communication management, content management, work with different interfaces, media analysis skills, implementation of key performance indicators (KPI). One of the important components of media competence is media ethics, the moral code of all participants in the communicative environment, where there is not only freedom to connect and distribute, but also freedom to disconnect and stop proliferation of information; security, business reputation protecting and privacy protection. The problem formulated is both theoretical and applied. Its theoretical aspect can be formulated symbolically as follows: where do electromagnetic waves of total transparency not reach? Where does personal freedom of access to information and communication end and where does public interest in protection from personal electronic devices begin? The applied aspects of the problem are confrontation of the individual's freedom of information, the individual's right to privacy and corporate security requirements. The novelty of media competence study lies in the emergent nature of the phenomenon itself, which is at the intersection of user qualification in the field of modern communication platforms, communication skills, work organization and business communication. Results: 1) the problem of the subject's transparency in the digital economy is formulated, 2) the reasons for limiting the use of personal electronic devices are specified, 3) the specifics of educational organizations attitude to gadgets is reflected.

Keywords: media culture, media education, media studies, MIG, MI literacy, informatization, media content, information security, generation NEXT, information society

Article info: Received January 23, 2019; accepted for publication February 22, 2019; available online March 25, 2019.

For citation: Tymoshchuk A.S. Media Competence: Freedom of connection and disconnection. Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence. 2019, vol. 4, no. 1, pp. 50–58. (In Russ.).

Цефализация и рационализация человека сопровождает его путь от мифа к логосу. Казалось бы, в информационную эпоху мы должны видеть меньше иррационального, ибо сон разума рождает химер. Поразительно, что дигитальные технологии генерируют и тиражируют иррациональное ещё с большей силой, чем сарафанное радио, порождая дегенеративную зависимость от коммуникаторов и медиа среды. Интернет – это не только спасение для постиндустриального человечества, но и паутина великих иллюзий и соблазнов. Для того, чтобы эффективно пользоваться этим инструментом, человек должен быть социально успешен, свободен, образован, обладать самоцензурой.

Специфика нашего времени – ревизия идеологических макронарраций (Lyotard J.-F. 1979). Отныне социальные кластеры стремятся сохранять свою целостность через микронаррации социальных медиа. Суть микронарраций всё та же – это социальная мифология, легитимизирующая различные системные общественные скрепы. В дополнение к традиционной, харизматической и рациональной легитимности пришёл особый вид коммуникативной легитимности, соединяющей в себе черты конвенционализма и коммуникативного действия (Хабермас). В образовательной среде информационного общества ставится вопрос о том, что преподаватель должен быть тьютором, наставником обучающегося, его шерпой в цифровой экономике. Использование дигитальных инструментов и технологий начинает играть ключевую роль в образовании в целом и в дистанционном, в частности В число компетенций современного педагога неизбежно будут включены и медиа компетенции. Не владея такими технологиями, как офисные программы, системы для обмена сообщениями; методики подготовки и подачи статьи для РИНЦ, ВАК, СКО-ПУС, проверки на антиплагиат, вряд ли сегодня можно считаться успешным преподавателем вуза.

Новое направление педагогической деятельности – формирование современ-

ных компетенций благополучного и результативного человека. Составляющими эффективности сегодня выступают медийно-информационная грамотность, финансовая грамотность, коммуникативная компетентность, навыки поддержания здоровья и тонуса в условиях интенсивного трудового ритма.

Вся наша жизнь сегодня вписана в цивилизационный темп догоняющей модернизации. Медийность, информационный бум, Интернет вещей и скорость оказывают сильное и не всегда положительное воздействие на сознание и поведение молодёжи, порой порождая неадекватное восприятие реальности, злоупотребление электронными устройствами (Тимощук. 2018: 462–474).

Педагогу нужно быть не только хорошим предметником. Сегодня необходимо быть на голову выше обучающихся в информационно-коммуникационных технологиях, разбираться в социальной философии и политологии, чтобы развивать навыки критического восприятия информации, способности противостоять напору масс медиа. Из-за отставания педагогического процесса от текучего модерна развиваются настроения «образование ничего не даёт», «вышка бесполезна», «высшее образование только для корочки», «всему можно научиться в Интернете». Разрыв имеет место именно из-за медиа-коммуникативного непрофессионализма, отсталости в миропонимании. Несмотря на то, что образовательная среда породила Интернет, он стал сегодня феноменом. затмившим своего создателя. Научить интерпретировать и структурировать информацию, принимать ответственные решения в нестандартных и неопредёленных ситуациях, уверенно выступать перед целевой аудиторией, генерировать новые значения и смыслы, распространять знания; развивать адекватное понимание мира в целом, дать навыки личностного роста, наставить в стратегической коммуникации и самодисциплине, стать школой критического мышления, воспитать нравственного потребителя и созидателя – всё это тернистые сверх задачи перед современным образованием. Особую значимость в новой медиа среде приобретают классические дисциплины – формальная логика, риторика, философия. Они учат строить порядок мысли, передавать информацию и обнаруживать смыслы в многослойной социальной реальности.

Оренбургский государственный педагогический университет, который провёл 30-31 октября 2018 года Всероссийскую научно-практическую конференцию «Медийно-информационная грамотность современного педагога», продвигает новый термин «медийно-информационная грамотность (МИГ, МИ-грамотность) (Скибина, 2018), связывая качество жизни именно с владением подобными компетенциями. Выделяя в качестве особых медиаторов учителей и преподавателей, организаторы закрепляют за педагогами ответственность за подготовку молодежи к профессиональной деятельности и реализации своих информационных прав и возможностей в насыщенной медиасреде, считая их проводниками в мир информации, которые способны обеспечить это вхождение максимально грамотно и безопасно. Несомненно, эти высокие ожидания могут быть достигнуты только при условии собственного соответствия новым профессиональным требованиям. Фактически, речь идёт о формировании новой концепции грамотности XXI в., где учитель становится экспертом в области политики построения общественных знаний и фасилитатором процесса потребления информации.

Планетарный уровень интеграции экономики, политики, религии, морали, права, образования, науки и социальных практик – это концепция ноосферизма Вернадского-Субетто, где имеет место конвергенция индивидуальных и коллективных жизненных миров. Сборка концепции медиаобразования происходит на принципах субъектности и объективности, креативности и умного потребления, единства в многообразии, критичности и открытости. При этом медийность, открытость в медиа среде дополняются способностью к бракетированию информационного мира, переходу во внутренний режим и работу с такими ин-

струментами личностного роста как самонаблюдение, самоанализ, самоотчёт, самооценка, самоконтроль, самовнушение, эмапатция, моделирование. Наряду со свободой подключения, должна быть и самоцензура отключения.

Текучая современность в отличие от классики, как твёрдой, устойчивой культуры, СКЛАДЫВАЕТСЯ ИЗ ИНДИВИДУАЦИИ, КАЛЕЙДОСКОпического мышления, прозрачности тела и сознания через дигитализацию, насыщенности информацией. Индивидуация становится лично-общественной проективностью и сопровождается секулярным пересмотром классических констант: религия, пол, семья. Формирование институтов гражданского общества сопровождается пролиферирующей индивидуацией, процессом расслоения, Ценностно-смыслового эксфолиацией плана возможностей, доминантой полифуркации над бифуркацией (Тимощук, 2018. С. 109-115). Индивидуация это нелинейная антропология. Она означает становление номадического коллективного субъекта, который обнаруживает себя в молниеносных ситуациях одномоментного выбора одинаковых габитусов, рассыпающихся в следующее мгновение. Ваимодей-СТВИЕ ЖИЗНЕННЫХ МИРОВ ПРИВОДИТ К УМНОЖЕнию автономных смысловых горизонтов. Эти умвельты суть сложные конструкции, опосредованные современными медиа и ключевыми фигурами нарративизации медиасреды.

Информатизация общества - это неоднозначный процесс, дающий самые разные как положительные, так и негативные результаты для общества. Благотворный эффект глобальной коммуникации и оперативного доступа к знаниям хорошо описан. Рассмотрим, почему сегодня образовательные организации устанавливают рамки использования мобильных коммуникаторов для обучающихся. Эта тема особенно важна в связи с тем, что они часто жалуются запрет использования мобильных на устройств с выходом в Интернет, усматривая в этом ограничение своего права на информацию. Студенты особенно любят пускаться в рассуждения, что в российском законодательстве нет прямых указаний на запрет пользования мобильными телефонами и другими подобными устройствами.

Здесь будет сформулирована идея, что регулирование использования гаджетов не является покушением на личную свободу и приведены примеры, почему это порой необходимо. Такого рода разъяснительную работу с личным составом нужно проводить постоянно, излагая концепцию сложного технологического общества, где свобода личности дополняется корпоративной необходимостью. Почему же сегодня встречаются такие руководители в некоторых организациях, которые выпускают приказы о запрете пользования мобильными девайсами?

Вето на мобильные устройства преимущественно можно встретить в режимных организациях, на автозаправках, нефтехимических заводах, на предприятиях с не-Прерывными производственными линиями, в салонах самолётов, а также в некоторых медицинских и образовательных учреждениях. Где-то это обусловлено исключением генераций помех и воздействий на электронное оборудование; какие-то руководители стремятся не допустить нарушения рабочего процесса; кто-то мотивирует своё решение защитой интересов корпорации, предотвращением нарушения трудовой дисциплины. Часто ограничение использования персональных электронных устройств практикуется в органах госбезопасности, армии, является признаком мощной и авторитетной организации, элитной школы. Минобороны последовательно ужесточает требования к пользованию мобильными устрой-СТВАМИ ДЛЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ЗАПРЕЩАЯ КАмерофоны, не разрешая пользоваться со-ЦИАЛЬНЫМИ СЕТЯМИ И ВЫКЛАДЫВАТЬ ЛИЧНУЮ ИНформацию и фото, ограничивая пользования мобильной связью до звонков в выходные под присмотром офицера, возбраняя пользоваться социальными сетями после демобилизации в течение 5 лет.

Побудительные причины образовательных организаций особенные. Самое главное, звонки, сообщения и Интернет-контент отвлекают учеников от прямых обязанностей. Социально-психологические аспекты зависимости молодёжи от виртуальной среды вызывают тревогу у педагогов и психологов. Психика молодого человека находится в процессе формирования. Привлекательное сочетание реального и вообра-

жаемого содержания может стать серьёзной проблемой для недоразвитой нервной системы и вызвать смещение ценностей, вытеснение обязанностей, поведенческие зависимости (Лысак, 2017. С. 206–208). Аддиктивный механизм сложен и индивидуален, но естественное административное решение — это депривация переменного состава организации от модных девайсов.

Функции Интернета весьма разнообразны, он может давать информацию, а также развлекать. Разграничение между двумя функциями составляет трудность для образовательной организации. Чтобы избежать споров, в каких целях использовался мобильный телефон, его проще запретить.

Вторая мотивировка, характерная для школьных (и дошкольных) образовательных организаций: кража / потеря / порча мобильных устройств несовершеннолетних провоцируют конфликты в образовательной организации. Запрет в данном случае не исключает возможность урона, если устройство не сдаётся на проходной, но снижает риск материальных потерь и других неблагоприятных последствий.

И, наконец, в ряде образовательных организаций, главным образом, высшего образования, в процессе обучения осуществляется допуск к секретным документам, что также накладывает ограничения на пользование персональными электронными устройствами.

Разберём примеры из современной практики, которые помогут преподавателям взвешенно аргументировать обоснованность ограничения.

Школы давно сталкиваются с проблемой ограничения мобильной связи и имеют обширный опыт в данном вопросе. Для успешной работы школьников во время занятий необходимы тишина и внимание, которые нарушают мобильные устройства.

Первые спонтанные и самочинные попытки педагогов защитить процесс обучения и отобрать у школьника силой телефон и отдать его после занятия, или удерживать до прихода родителей, признаются не законными. Здесь нет корыстного мотива, однако, есть риск наступления неблагоприятных последствий со стороны родителей в случае неумышленной поломки телефона.

Основной цивилизованной формой

воздействия остаётся моральное воздействие: учеников, когда просят отключить устройства или перевести на беззвучный режим. Классный руководитель может проинформировать родителей об использовании детьми сотовых телефонов, рассказать об исследованиях влияния на здоровье растущего организма мобильных устройств.

Этот способ не всегда действенный. поэтому отдельные образовательные организации идут по пути выработки положения школы и выпуска специального приказа ее директора, где прописывают требования по отключению звука на мобильных телефонах при входе в школу и полном отключении на время занятия. Администрация школы может лимитировать виды устройств. Например, разрешить приносить только простые телефоны без Интернет-модуля, фото- и видеокамеры. Обучающийся может только принять звонок / смс и ответить. В этом случае иные коммуникаторы, а именно: смартфоны, айфоны и планшеты будут под запретом.

Отдельную сложность представляют «умные часы» и «смарт браслеты», наручные устройства с повышенной функциональностью. Они способны собирать информацию с помощью внешних или встроенных сенсоров, выполнять функции голосового коммуникатора, удалённого слежения, прослушивания звука в окружении. Спорный аспект использования таких устройств в образовательных институтах - это сбор личной информации других лиц без их ведома, что затрагивает их законные интересы и может быть оспорено в судебном порядке. При определённом апгрейде такие часы могу быть дополнены идеальной парой для списывания на экзамене - очками со скрытой видеокамерой и передатчиком. Поэтому использование смарт браслетов на экзамене запрещается.

Рособрнадзор с 2018 г. объявил правила допуска в помещение для сдачи экзамена: перед тем как войти в класс и получить билет, ученику предстоит пройти через рамку металлоискателя. Помимо традиционных шпаргалок, не допускаются все пер-

сональные устройства, которые могут повлиять на самостоятельность ответов: смартфоны (мобильные телефоны), smart-часы (часофоны), поддерживающие IOS, Android или Windows-приложения; любые коммуникаторы; калькуляторы с функциями программирования, хранения массивов данных и их передачи по беспроводной связи; портативные переводчики; фотоаппараты; мп3-плееры; планшеты. Объявлены санкции: «Изъятие любого из вышеперечисленных предметов влечет за собой оформление протокола. Ученик, попавшийся на таком проступке, тут же удаляется из аудитории, а результаты его экзамена аннулируются. Кроме того, нарушитель лишается возможности пересдавать ЕГЭ в текущем году»1.

Комиссии по ЕГЭ обладают большими ресурсами и полномочиями, нежели школы в их повседневной практике, где проконтролировать, соблюдают ли учащиеся требование по ограничению пользования индивидуальными смарт-устройствами, трудно. Для установки арочного металлодетектора школе необходимо получить санитарно-эпидемиологическое заключение о его безопасности и обучить персонал, что реализуемо, вероятно, только в крупных федеральных центрах.

Педагог / административный персонал не имеют полномочий по совершению такого процессуального действия как обыск или принудительное обследование тела, одежды и сопутствующих вещей в целях отыскания и изъятия определённых предметов. Процедура досмотра внешне похожа на обыск, разница лишь в производстве. Обыск проводится в рамках уголовного про-Цесса по уголовному делу, а досмотр - в рамках производства по делам об административных правонарушениях. В целях ограничения использования персональных смарт девайсов сотрудники образовательной организации не имеют право проводить ни обыск, ни досмотр.

Отдельные случаи составляют обучающиеся с особым статусом – военнослужащие в расположении учебной части, курсанты. В отношении их, на основании нор-

¹Изменения и обновления в ЕГЭ 2018 года [Электронный ресурс] Changes and updates in the UNE 2018

[Electronic resource]. tur/act.99/index.php

http://www.edu.ru/abi-

мативных правовых актов, регламентирующих прохождение службы, могут быть применены меры обеспечения производства по материалам о дисциплинарном проступке, включающие личный досмотр, досмотр вещей, изъятие вещей и документов.

Помимо административного смотра и уголовного обыска, существуют особые процедуры в рамках гражданских взаимоотношений: предполетный и послеполетный досмотры², доступ в здание вокзала, метро³. Процедуры проводятся в целях обеспечения целевой деятельности и осуществляются добровольно, в отличие от административных и уголовных производств. У сотрудников организации нет права проводить личный досмотр, однако они также не могут предоставить специфическую услугу В СЛУЧАЕ ОТКАЗА ОТ ПРОХОЖДЕНИЯ ((ГРАЖДАНского досмотра», который заключается в бесконтактной проверке субъекта специфических общественных отношений.

Правопорядок в период проведения ЕГЭ обеспечивают сотрудники полиции. Они проверяют всех участников ЕГЭ с помощью специального оборудования с целью выявления запрещенных предметов. При сдаче ЕГЭ школьники проходят через металлоискатель. Если последний срабатывает, учащемуся предлагается достать металлический предмет и пройти снова. Полицейские могут осуществлять досмотр ручным металлоискателем поверх одежды. Если обучающийся отказывается от процедур, он не допускается к сдаче экзамена. Таким образом, здесь также действует схема гражданского контракта - принимай условия или не пользуйся.

Подобную схему социального соглашения реализуют также те школы, которые заключают с родителями договор об условиях обучения в школе, одно из положений которого заключается в том, что ученик обязан сдавать мобильное устройство перед началом занятий. В этом случае школа несет материальную ответственность за его сохранность и обязана оборудовать места для хранения ценных вещей.

Менее обременительный устав означает выбор умеренной модели, когда ответственность за сохранность гаджета лежит только на его владельце (родителях, законных представителях владельца). Ограниче-НИЯ В ЭТОМ СЛУЧОЕ НОСЯТ, В ОСНОВНОМ, ДЕКЛОративный характер, а возможности по административному воздействию, минимальны. После отказа пользователя выпол-ПОЛЬЗОВАНИЯ мобильным **УСЛОВИЯ** устройством, делается запись о замечании в дневнике обучающегося, он вызывается для беседы с куратором, ставятся в известность родители. За неоднократное нарушение, оформленное докладной на имя директора, проводится разъяснительная беседа с обучающимися в присутствии родителей. При повторных фактах нарушения, ученик предоставляет объяснительную записку, ему объявляется выговор, а мобильное устройство передается на ответственное хранение в канцелярию, а затем родителям обучающегося; проводится собеседование с администрацией школы. Самое большое наказание в этой пермиссивной модели, это запрет ношения сотового телефона на весь учебный год, накладываемый комиссией по урегулированию споров между участниками образовательных отношений4.

Высшие учебные заведения пользуются такими же правовыми инструментами, что и школы, а именно, локальными актами. Проблема ограничения пользования обучающихся персональными мобильными устройствами особенно актуальна для ведомственных вузов МВД, МО, МЧС, ФСБ, ФСИН.

Руководители стремятся исключить нарушения режима секретности, защитить репутацию учреждения, предотвратить использование средств связи для нарушения служебной дисциплины. Существенно, что у

Decree of the President of the Russian Federation of 31.03.2010 No. 403 "On the creation of an integrated system for ensuring security in transport".

²Федеральный закон «Воздушный кодекс Российской Федерации» от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.08.2018)

Federal Law "Air Code of the Russian Federation" dated 03.19.1997 No. 60-Ф3 (as amended on 03.08.2018) (as amended. And ext., Entered into force on August 14, 2018) ³Указ президента Российской Федерации от 31.03.2010 № 403 «О создании комплексной системы обеспечения безопасности на транспорте».

⁴Положение об использовании сотовых телефонов и других средств коммуникации в МОУ СОШ № 46 г. Тверь [Электронный ресурс]. www.school.tver.ru Guidelines for the use of mobile phones and other means of communication in secondary school No. 46, Tver [Electronic resource].

командного состава есть право по внутреннему уставу досматривать личные вещи и изымать их, например, ноутбук или смартфон.

Мобильные устройства, с учётом их современных возможностей, служат угрозой сохранности государственной тайны и сведений, содержащих эту тайну. В связи с этим использование персональных смарт устройств на территории мест прохождения военной службы, в ведомственных вузах подвергается рестрикции.

Накоплена судебная практика в отношении курсантов ведомственных вузов, где ответчиком выступает образовательная организация, истцом – отчисленный обучающийся, а в деле фигурируют действия, связанные с использованием мобильного устройства.

Октябрьский суд г. Белгорода признал правомерным отчисление из института и увольнение истца из органов внутренних дел в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника ОВД, а именно - размещение в социальных сетях информации с использованием нецензурных выражений и изображений, нарушающих нормы морали. Обоснованными признаны доводы представителей ответчика, что указанные действия истца создают условия для формирования негативного образа сотрудника органов внутренних дел. В рассмотренных судом материалах имелось фото, содержащее прямую негативную оценку группы лиц по признакам национальности и происхождения⁵.

В 2014 г. уволенный курсант А. стремился оспорить в судебном порядке приказ об отчислении из института как несоответствующий тяжести совершенного дисциплинарного проступка. А. снял на камеру телефона и выложил в социальную сеть действия, оскорбляющее честь и достоинство другого курсанта. В рамках проведённой служебной проверки действия А. были признаны как противоречащие служебной и профессиональной этике сотрудника уго-

ловно-исполнительной системы, которые заключались в распространения оскорбляющей информации в отношении другого сотрудника общедоступным способом, что нанесло ущерб авторитету учреждения уголовно-исполнительной системы.

Фрунзенский суд г. Владимира отказался признать приказ об отчислении из института незаконным, согласившись с тем, что по результатам служебной проверки имелись основания для привлечения сотрудника к дисциплинарной ответственности. При этом право выбора конкретного вида дисциплинарной ответственности отнесено к полномочиям начальника института, а служебная проверка признана произведённой с учетом обстоятельств дисциплинарного проступка и личности сотрудника6.

Изучив практику, хочу сказать, что суды редко принимают решения в пользу отчисленных обучающихся, которые обращаются с иском о восстановлении, т. к. дисциплинарное взыскание накладывается после тщательной комплексной служебной проверки, для проведения которой у образовательной организации есть все ресурсы.

Перейдём к заключению. В исследовании были обозначены как сложившиеся тенденции, так и актуальные проблемы регулирования использования мобильных устройств в образовательных организациях. Произведена оценка данной темы как неоднозначной, мало разработанной, открытой для юридических новелл и технологических решений.

Итак, руководство образовательных организаций вправе устанавливать требования по отношению к использованию персональных гаджетов в служебной деятельности через издание нормативно-правовых актов. Организация выпускает локальный акт, где прописывает само распоряжение, особенности действия приказа, ответственного за исполнение. После того, как все участники юридического соглашения ознакомлены с локальным актом под роспись, они несут в

source].

 $^{^{5}}$ Решение по Делу № 2- 2129-2013г. от 30 мая 2013 г. [Электронный pecypc]. http://sudact.ru/regular/doc/vCqxFju4KhoO/

Decision on Case No. 2- 2129-2013. dated May 30, 2013[Electronic resource].

⁶Решение № M-97/2014 2-374/14 2-374/2014~M-97/2014 2-374/2014 от 24 марта 2014 г. [Электронный ресурс]. http://sudact.ru/regular/doc/q9WWQssD9F5r/ Decision No. M-97/2014 2-374 / 14 2-374 / 2014 ~ M-97/2014 2-374 / 2014 dated March 24, 2014 [Electronic re-

дальнейшем ответственность за его исполнение. В случае нарушения, руководитель имеет право на дисциплинарное наказание провинившегося, начиная от замечания и до увольнения, в случае неоднократного пренебрежения приказом.

Сотрудник организации / обучающийся добровольно принимают на себя обязательства по выполнению соответствующего приказа, временно отчуждая долю личной свободы для получения иных социальных благ в виде образования, карьерного роста и последующего материального достатка.

Можно прогнозировать рост корпоративного тренда в отношении защиты деловой репутации организации. Вероятно, в будущем от сотрудника будут требовать не только лояльности в неиспользовании камерофонов, но и ограничивать его активность в социальных сетях.

В свою очередь, можно дать перспективную оценку, что в условиях усиления конкурентной борьбы, в будущем финансово-правовые возможности образовательных организаций будут расширены и они смогут пользоваться глушителем радиочастот, привлекать специальный персонал для обыска абитуриентов, активно использовать металлодетекторы. На каждое технически

Библиографический список

Лысак И.В. Компьютерная и интернет-зависимость: эволюция подходов к исследованию проблемы // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 4 (65). С. 206–208.

Скибина О.М. Медийно-информационная грамотность современного педагога. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Оренбург: ОГПУ, 2018. С. 358, 312, 406.

Тимощук А.С. Клиповое мышление как феномен социотехнической среды // Тенденции и перспективы развития социотехнической среды: материалы IV международной научно-практической конференции, Москва, 13 декабря 2018 г. / отв. ред. Сурат И.Л. М.: Изд-во СГУ, 2018. С. 462–474.

Тимощук А.С. Мемориальные войны и пролиферирующая самоиндивидуация // Проблемы региональной и глобальной безопасности в современном мире: материалы междунар. науч.-практ. конф. преподавателей и студентов. Владимир: Изд-во Шерлок-пресс, 2018. С. 109–115.

Lyotard J.-F. La condition postmoderne. Rapport sur le savoir. Paris: Les éditions de minuit, 1979. 108 p.

продвинутое решение со временем приходит административная резолюция. Средства подавления связи тоже совершенствуются. Если сейчас джаммеры имеют ограничения по точечному глушению сигналов, то в будущем этот вопрос техники может быть решён и образовательные организации получат больше возможностей для их использования.

Справедливым следует также признать нарекание со стороны обучающихся, что в случае ограничения пользования мобильными устройствами, образовательная организация обязана обеспечить доступ к Интернету для целей обучения. Особенно остро этот вопрос стоит в юридических ведомственных вузах, где обучающимся нужен доступ к новеллам юриспруденции и юридической практике. Возможность использовать глобальные информационные ре-СУРСЫ ЯВЛЯЕТСЯ СЕГОДНЯ ОДНИМ ИЗ ПРИЗНОКОВ технической оснащённости образовательного процесса. Поэтому компромиссное разрешение спора между свободой и ограничением мобильных устройств может заключаться в предоставлении доступа к образовательным ресурсам самой организацией. Будем исходить не из логики дихотомии «или смартфон – или вуз», а из логики дополнения – «и высшее образование и техническое перевооружение».

References

Lysak I.V. Computer and Internet addiction: an evolution of approaches to the problem research. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education], 2017, no. 4 (65), pp. 206–208. (In Russ.).

Skibina O.M. Media and information literacy of the modern teacher. Proceedings of All-Russian scientific-practical conference. Orenburg: OGPU Publ., 2018, pp. 358, 312, 406. (In Russ.)

Timoshchuk A.S. Clip thinking as a phenomenon of sociotechnical environment. Tendentsii i perspektivy razvitiya sotsiotekhnicheskoi sredy: materialy IV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 13 dekabrya 2018 g.). Moscow: SGU Publ., 2018, pp. 462–474. (In Russ.). Timoshchuk A.S. Memorial war and proliferating self individuation. Issues of regional and global security in the modern world: proceedings of the international scientific practical conference of teachers and students. Vladimir: Sherlok-press Publ., 2018, pp. 109–115. (In Russ.)

Lyotard J.-F. La condition postmoderne. Rapport sur le savoir. Paris: Les éditions de minuit, 1979. 108 p.

Педагогические науки Pedagogical sciences

Сведения об авторе

Тимощук Алексей Станиславович, доктор философских наук, профессор кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, доцент, г. Владимир, Российская Федерация, e-mail: a@timos.elcom.ru

Критерии авторства

Тимощук А.С. провёл исследование, оформил научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Author's Credentials

Alexey S. Timoschuk, Dr. Sci. (Philosophy), Professor of Philosophy and Religious Studies Department at Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs, Associate Professor, Vladimir, Russian Federation, e-mail: a@timos.elcom.ru

Criteria for Authorship

Timoschuk A.S. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article $У\Delta K$ 316.77

Текст патента как социокультурный феномен

© П.И. Болдаков

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация: В статье предпринимается попытка представить текст патента как плодотворный объект для исследований в социокультурном контексте. Для достижения цели работы – теоретического описания текста патента как социокультурного феномена – применялись социокультурный подход и культурный трансфер. В современном коммуникативном пространстве информационного общества наука как общественное явление и один из способов познания мира понимается как социокультурный феномен. Изменение парадигмы восприятия науки породило новое восприятие документа. Сегодня он понимается как источник социальной информации. Коммуникативное пространство выявляет социокультурную природу документа. Знакомство с культурой происходит посредством документа, в котором зафиксированы культурные реалии. Принадлежность документа к артефактам культуры, в том числе технологической, придает ему статус социокультурного феномена, существующего в обществе и выполняющего ряд функций: информационную, когнитивную, ориентационную, культурологическую. Освоение мира посредством научнотехнического прогресса, результаты этой деятельности в виде какого-либо технического артефакта, а также социальный эффект, вызванный научно-техническим открытием, автор рассматривает в контексте социокультурного подхода. В этой связи текст патента, обладая характерной спецификой, содержит все признаки социокультурного феномена: его возникновение связано с деятельностью человека созидающего, его действие направлено на развитие общества и человека и обусловливает смену социокультурной среды. Сама суть текста патента обусловлена имманентной человеку потребностью познавать и совершенствовать создаваемую им окружающую действительность.

Ключевые слова: патент, социокультурный феномен, культурный трансфер, документ, социокультурный подход

Информация о статье: Дата поступления 14 февраля 2019 г.; дата принятия к печати 27 февраля 2019 г.; дата онлайнразмещения 25 марта 2019 г.

Для цитирования: Болдаков П.И. Текст патента как социокультурный феномен // Социальная компетентность. 2019. Том 4. № 1. С. 59–64.

Text of the patent as a sociocultural phenomenon

© Pavel I. Boldakov

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The article attempts to present the text of the patent as an object for sociocultural researches. To achieve the goal of the study – the theoretical description of the text of patent as a sociocultural phenomenon, sociocultural approach and cultural transfer were used. In modern communicative space of information society, the science as the public phenomenon and one of the ways of the world cognition is considered as a sociocultural phenomenon. Change of a paradigm of perception of science has generated new perception of the document. Currently, the document is understood as a source of social information. The communicative space reveals the sociocultural nature of the document. Understanding of the culture occurs through a document, which contains cultural realities. A document belongs to culture artifacts, including technological culture that gives it the status of the sociocultural phenomenon existing in society and performing a number of functions: information, cognitive, orientation, cultural. The author examines familiarization with the world through scientific and technical progress, obtaining results of this activity in the form of any technical artifact and the social effect caused by scientific and technical discoveries in the context of sociocultural approach. The text of patent having special characteristics contains all signs of a sociocultural phenomenon: its emergence is connected with human creating activity, its action is aimed at the development of society and a person and causes change of the sociocultural environment. The essence of the text of the patent is determined by the human immanent desire to investigate and to improve the created by them surrounding reality.

Keywords: patent, sociocultural phenomenon, cultural transfer, document, sociocultural approach

Article info: Received February 14, 2019; accepted for publication February 27, 2019; available online March 25, 2019.

For citation: Boldakov P.I. Text of the patent as a sociocultural phenomenon. Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence. 2019, vol. 4, no. 1, pp. 59–64. (In Russ.).

Наука является одним из важнейших социальных институтов в современном мире. По мнению Т.П. Мальковой, изучение

науки как социального и культурного института является запросом современного общества, поскольку «наука – условие рацио-

нального управления социумом» (Малькова, 2015. С. 106). Объединяя более 15 тыс. научных дисциплин, современная наука занимает в социуме устойчивое место и формирует образ будущего состояния мира, общества и человека. Исследователь определяет науку как «сложно структурированный социокультурный феномен, сформировавшийся в результате эмпирико-теоретической и прагматико-инновационной деятельности человечества, целью которой является выработка системы объективных знаний и законов действительности, необходимых для усовершенствования действительности и адаптации к ней человека» (Там же. С.106). Таким образом, наука, как общественное явление и один из способов познания мира, понимается как социокультурный феномен. Следовательно, освоение мира посредством научно-технического гресса, а именно, освоение посредством изобретений, результаты этой деятельности в виде какого-либо технического артефакта и социальный эффект, вызванный научно-техническим открытием также можно отнести к объекту и предмету исследования в социокультурной сфере. Как известно, право на изобретение юридически закрепляется получением соответствующего документа патента.

Современное понимание роли и значения документа значительно расширилось. В коммуникативном пространстве информационного общества документ – это не только некий бюрократический акт. Сего-ДНЯ ДОКУМЕНТ ПОНИМАЕТСЯ КАК ИСТОЧНИК «COциальной информации, зафиксированной на материальном носителе созданным человеком способом в стабильной знаковой форме с целью передачи этой информации в пространстве и во времени (Лукина, 2010. С. 7). Коммуникативное пространство выявляет социокультурную природу документа. Знакомство с культурой происходит посредством документа, в котором зафиксированы культурные реалии. Принадлежность документа к артефактам культуры, в том числе технологической культуры, придает ему статус социокультурного феномена, бытующего в обществе и выполняющего ряд функций: информационную, когнитивную, ориентационную, культурологическую (Лукина, 2010. С. 7). Следовательно, патент, понимаемый как документ технологической культуры, также обладает признаками социокультурного артефакта.

В работе нас интересует «патент» не только как сугубо юридический «охранный документ, удостоверяющий исключительное право, авторство и приоритет изобретения, полезной модели, промышленного образца либо селекционного достижения», но и прежде всего, как «открытое письмо» от лат. patens – открытый, ясный, очевидный от полного наименования – litterae patentes (Википедия: патент, 2019). Мы будем понимать «патент» как текст, то есть структурированное лексико-грамматическое, стилистическое, семантическое единство, содержание которого направлено на вербальную репрезентацию какого-либо научно-технического открытия, изобретения. осмысление патента позволит нам оперировать данным феноменом в культурологическом ключе. Следовательно, патент может быть понят не только как юридический и технический документ, но и как носитель социально-культурной информации. В более широком понимании текст патента представляет собой глобальный текст с признаками интертекстуальности, который может дополняться учеными в разное время и в разных пространствах, например, в случаях усовершенствования каких-либо ранее запатентованных изобретений. Таким образом, возникает метатекст, описывающий изобретение и его модификации. Несмотря на такую уникальность, текст патента не рассматривался в социокультурном контексте как часть культуры.

Цель нашей работы – теоретическое описание текста патента как социокультурного феномена.

Методологически мы будем опираться на социокультурный подход, который заключается в «попытке рассмотрения общества как единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека» и оперирует тремя принципами: 1. Принцип homo activus, согласно которому человек является био-социо-культурным существом, осознающим, что его поступки взаимосвязаны с поступками других людей. 2. Принцип эволюции, означающий способность системы к развитию. 3. Принцип антропосоциентального взаимо-

действия, определяющий движущие силы эволюции общества и роль homo activus в этом процессе [Академик, 2019].

Другим методом, используемым в нашей работе, будет сравнительно молодой культурологический подход – культурный трансфер. Этот метод обусловлен тем, что современная культурологическая наука находится в поисках, требующих новых подходов к исследованию феноменов в культуре как национальной, так и интернациональной. Тенденцией становится уход от статического описания явлений культуры, факта констатации их нахождения в данной культуре, с одной стороны, и попытки описания процессов перехода культурных феноменов из одной культуры в другую, исследование динамики переноса.

Андреас Аккерман объясняет использование метода культурного трансфера в горизонтальной и вертикальной ПЛОСКОСТЯХ. Горизонтальный культурный трансфер происходит в физическом линейном пространстве и осуществляет передачу знаний сквозь культурные и языковые границы. При вертикальном культурном трансфере перенос ((культурных техник)) происходит между социальными группами (Цит. по: Wikipedia: Kulturtransfer, 2019). Под термином «культурные техники» понимают «концепты для решения проблем в различных жизненных ситуациях» (Wikipedia: Kulturtechnik, 2019). Таким образом, текст патента в некоторой степени реализует функцию «сакрального культурного знания», то есть привносит в реальность технологии (приемы, способы и т.п.) для решения насущных проблем.

Г.И. Фазылзянова, исследуя текст как культурный феномен, предлагает собственное осмысление культуры, основанное на положениях, что культура принадлежит к миру текстов и живет внутри этого мира. По мнению исследователя, в культуре находится область самосозидания человека, поэтому решение проблемы культуры содержится в ответе на вопрос: «Возможно ли изменение в мире ..., возвышение человека над самим собой?». Тексты являются материальным воплощением культуры, но она «выходит за пределы совокупности или даже системы текстов и растворяется в социуме» (Фазылзянова, 2011). Следовательно, текст

патента может быть присущ культуре, так как описанные в патентной документации изобретения направлены на совершенствование окружающей действительности. Социально-культурная интенция, заложенная в тексте патента, понятом как вербализированный результат инновационной деятельности человека, направлена на преобразование мира, общества и человека. В итоге вслед за обогащением культуры происходит самопознание человека. Таким образом, текст патента положительно отвечает на вопрос культуры об изменениях не только в мире, но и в человеческой жизни (социальной и духовной).

Изобретения способствуют всесторонним изменениям в жизни общества и человека. Одновременно с этим процессом изобретатель содействует созданию новой картины мира. Как показывают примеры из истории, сугубо технические или естественно-научные открытия серьезнейшим образом влияли на развитие социума не только в техническом или научно-фундаментальном плане, но и в нравственном и моральном аспектах, находили свое «второе применение» в утилитарно-бытовых, социальных отношениях.

Публикация книги Ч. Дарвина «Происхождение видов» (1859) перевернула в обществе представления о возникновении человека. Э. Фромм утверждал, что идея эволюционного развития стала ядром целой системы ценностных ориентаций (Фромм, 1994).

Известный пример об открытиях в начале XX века А. Эйнштейном специальной теории относительности (1905), а позднее общей теории относительности (1915–1916 гг.), имевших успех не только в узких научных кругах, но широкий общественный резонанс. Влияние теории относительности на изменение парадигмы нравственных отношений в обществе трудно переоценить. Принцип «все относительно», совпавший с эпохой модернизма в искусстве, превратился в один из лозунгов нового периода и в модное мировозрение, формирующее новое общество и межличностные отношения.

Наблюдая над историей создания двигателя внутреннего сгорания (Википедия: история создания двигателей внутреннего

сгорания, 2019), мы отмечаем факт получения каждым инженером патента на свое изобретение. Французский инженер Филипп Лебон (1799, 1801) взял патенты на изобретение светильного газа и газового двигателя соответственно. Бельгийский механик Жан Этьен Ленуар запатентовал двигатель внутреннего сгорания (1860) (двигатель Ленуара). Немецкий изобретатель Николаус Отто в результате серии открытий взял патент (1877) на свое наиболее важное техническое изобретение – двигатель с четырехтактным циклом. Немецкие инженеры Готтлиб Даймлер, Вильгельм Майбах разработали (1885) легкий бензиновый карбюраторный двигатель. Венгерский изобретатель Донат Банки взял патент (1893) на карбюратор с жиклёром. Немецкий инженер Рудольф Дизель сконструировал двигатель внутреннего сгорания (1897) с принципиально иной системой воспламенения топлива. Это открытие привело к созданию экономичного двигателя, ставшего очень востребованным в промышленности. Русский инженер Р.А. Корейво построил и получил патент (1908) на усовершенствованный дизельный двигатель, который нашел применение на теплоходах.

Немецкие инженеры Готтлиб Даймлер (1885) и Карл Бенц (1886) спроектировали и изготовили первые самодвижущиеся повозки на бензиновом двигателе, что в будущем привело к серийному производству автомобилей.

Не касаясь юридической процедуры получения прав на изобретение, заметим, что вслед за созданием принципа, механизма или устройства (непосредственным инновационным техническим решением) следовал процесс вербализации технического открытия, то есть составление текста патентной документации.

В нашем кратком обзоре истории создания двигателя внутреннего сгорания мы намеренно выделили интернационализм изобретательских работ, подчеркнув тем самым горизонтальный план культурного трансфера текстов патентной документации. И.П. Лагутина, используя подход культурного трансфера в литературоведении, пишет о влиянии одного литературного текста на другие: «...включенный в чужой культурный контекст, этот текст, с одной сто-

роны, получает новый смысл, обрастает новыми ассоциациями и приобретает новые функции, а с другой – каким-то образом меняет новую культуру...» (Лагутина, 2008. С. 3). Следовательно, анализируя хронологию и географию создания двигателя внутреннего сгорания, его эволюцию в форме получения патентов на изобретение, можно установить, что текст патента, попадая в другую иноязычную социальную культурную среду, получал новое (научно-техническое) осмысление и генерировал запрос на преобразосоциально-культурной среды вание форме технического применения новых разработок в повседневной жизни. Вместе с горизонтальным уровнем КУЛЬТУРНОГО трансфера текстов патентной документации, мы отметим вертикальный план. Он проявляется в форме общественного резонанса от перемен, в форме изменения парадигмы социально-бытовых отношений между людьми разных общественных слоев.

В качестве иллюстрации, демонстрирующей кардинальное влияние технических изобретений, например, таких как создание двигателя внутреннего сгорания и затем автомобиля, на изменение социально-культурной среды общества, мы приведем отрывок из эссе американского писателя Ф. Скотта Фицджеральда «Отзвуки века джаза»: «Первое имевшее общественные последствия открытие этого рода вызвало сенсацию, хотя само явление было не новым. Еще году в 1915-м избавившиеся от каждодневной опеки молодые люди из маленьких городов осознали, что тот самый автомобиль, который на шестнадцатилетние подарили Биллу, чтобы он "чувствовал себя самостоятельным", дает возможность в любую минуту уединиться, отъехав куда-нибудь подальше. Поначалу ласки в автомобилях даже при столь благоприятных условиях казались чемто отчаянно рискованным, но скоро стало ясно, что "все так делают", - и прощай, древняя заповедь! Уже к 1917 году в любом номере "Йель рекорд" или "Принстон тайгер" можно было прочитать рассказы о таком приятном и ни к чему не обязывающем времяпрепровождении.

Но ласки более смелые пока что могли себе позволить только отпрыски семей побогаче – среди менее обеспеченной

молодежи вплоть до конца войны еще держались старые понятия, и за поцелуем должно было последовать предложение, в чем не раз с грустью убеждались молодые офицеры, занесенные судьбой в незнакомые города. И только в 1920 году покровы упали окончательно; век джаза вступил в свои права» (Фицджеральд, 2019).

Писатель говорит о метаморфозах, происшедших в обществе после изобретения автомобиля. Молодые люди смогли успешно применить техническую новинку для развития межличностных отношений. Новое поколение своими действиями сделало старомодной древнюю заповедь, а на ее место выдвинуло новое мировоззрение века джаза. Ф. Скотт Фицджеральд говорит о падении моральных и нравственных принципов среди молодых и о зарождении сексуальной революции в обществе. Следует заметить, что коренные перемены в обществе были вызваны не бытийными событиями, например, войной, сменой политического режима, эпидемией и т. п. Общество стало

другим вследствие научно-технического прогресса. Не надо забывать о том, что техническую эволюцию сопровождает документальное оформление изобретений: составление текста патента. Следовательно, он, выполняя свою когнитивную и социокультурную функцию, обусловил возможность социальных изменений.

В результате вышесказанного, мы делаем выводы о том, что, во-первых, текст патента может служить плодотворным объектом для исследований в социокультурном контексте. Во-вторых, обладая характерной спецификой, он содержит все признаки социокультурного феномена: его возникновение связано с деятельностью человека созидающего, его действие направлено на развитие общества и человека и обусловливает смену социокультурной среды. Сама суть текста патента детерминирована имманентной человеку потребностью познавать и совершенствовать создаваемую им окружающую действительность.

Библиографический список

Академик. Социокультурный подход. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/16328791 (дата обращения 4.02.2019).

Википедия, свободная энциклопедия. История создания двигателей внутреннего сгорания. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения 9.02.2019).

Википедия, свободная энциклопедия. Патент. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения 4.02.2019).

Лагутина И.Н. Россия и Германия на перекрестке культур: Культурный трансфер в системе русско-немецких литературных взаимодействий конца XVIII – первой трети XX века. М.: Наука. 2008. 342 с.

Лукина Н.П. Социокультурная роль документа в коммуникативном пространстве информационного общества // Документ как социокультурный феномен: сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Томск: Томский государственный университет. 2010. 624 с.

Малькова Т.П. Наука как социокультурный феномен: плюрализм моделей и источников развития // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы

References

Akademik. Sociokul'turnyj podhod [Sociocultural approach] [Thu stepper strip motor]. Available at: https: dic. academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1632879 (accessed 4 February 2019).

Vikipedija, svobodnaja jenciklopedija. Istorija sozdanija dvigatelej vnutrennego sgoranija [The history of the creation of internal combustion engines]. [Thu stepper strip motor]. Available at: https: wikipedia.org/wik (accessed 9 February 2019).

Vikipedija, svobodnaja jenciklopedija. *Patent* [Patent]. [Thu stepper strip motor]. Available at: https: wikipedia.org/wiki (accessed 9 February 2019).

Lagutina I.N. Rossija i Germanija na perekrestke kul'tur: Kul'turnyj transfer v sisteme russko-nemeckih literaturnyh vzaimodejstvij konca XVIII – pervoj treti HH veka. [Russia and Germany at the crossroads of cultures: cultural transfer in the system of Russian-German literary interactions of the end of the XVIII - the first third of the XX century] Moscow: Nauka Publ., 2008, 342 p. (In Russ.).

Lukina N.P. Social and cultural role of the document in the communicative space of the information society. Dokument kak sociokul'turnyj fenomen: sbornik materialov IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarod-nym uchastiem. [Document as a sociocultural phenomenon: a collection of materials of the IV All-Russian scientific and practical conference with international participation] Tomsk: Tomskij gosudarstvennyj universitet: Nauka Publ., 2010, 624 p. (In Russ.).

Mal'kova T.P. Nauka kak sociokul'turnyj fenomen: pljuralizm modelej i istochnikov razvitija [Science as a sociocultural phenomenon: pluralism of models and sources of development] Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridi-

<u>Болдаков П.И. Текст патента как социокультурный феномен</u> Boldakov P.I. Text of the patent as a sociocultural phenomenon

теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (54). Ч. І. С. 106–110. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gramota.net/materials/3/2015/4-1/27.html (дата обращения 4.02.2019).

Фазылзянова Г.И. Текст как культурный феномен. [Электронный ресурс]. URL: // https: cyberleninka.ru/article/n/tekst-kak-kulturnyy-fenomen (дата обращения 4.02.2019).

Фицджеральд Ф. Скотт. Отзвуки века джаза. [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/INPROZ/FITSDZHERALD/jazz_age.txt (дата обращения 7.02.2019).

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика. 1994. 447 с.

Ackermann Andreas. Das Eigene und das Fremde: Hybridität, Vielfalt und Kulturtransfers // Friedrich Jaeger; Jörn Rüsen (Hrsg.): Handbuch der Kulturwissenschaften. 3 Bde., Stuttgart / Weimar 2004, Bd. 3, s. 138–154. [Thu stepper strip motor]. Available at https://de.wikipedia.org/wiki/Kulturtransfer (accessed 1.02.2019).

Wikipedia. Die freie Enzyklopädie. [Thu stepper strip motor]. Available at https://de.wikipedia.org/wiki/Kulturtechnik (accessed 3.02.2019).

Сведения об авторах

Болдаков Павел Иннокентьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей №2 Института лингвистики и межкультурной коммуникации ИРНИТУ, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: pavelboldakow@yandex.ru

Критерии авторства

Болдаков П.И. провел исследование, оформил научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

cheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice]. Tambov: Gramota. Publ, 2015, no.4, (54), part. I, pp. 106–110. [Thu stepper strip motor]. Available at: http://www.gramota.net/materials/3/2015/4-1/27.html (accessed 4 February 2019).

Fazylzjanova G.I. Tekst kak kul'turnyj fenomen [Text as a cultural phenomenon]. [Thu stepper strip motor]. Available at: https: cyberleninka.ru/article/n/tekst-kak-kulturnyy-fenomen (accessed 4 February 2019).

Ficdzheral'd F. Skott. Otzvuki veka dzhaza [Echoes of the Jazz Age]. [Thu stepper strip motor]. Available at: http://lib.ru/INPROZ/FITSDZHERALD/jazz_age.txt (accessed 7 February 2019).

Fromm Je. Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti. [The anatomy of human destructiveness] Moscow, Respublika, Publ, 1994, 447 p. (In Russ.).

Ackermann Andreas. Das Eigene und das Fremde: Hybridität, Vielfalt und Kulturtrans-fers . Friedrich Jaeger; Jörn Rüsen (Hrsg.): Handbuch der Kulturwissenschaften. 3 Bde., Stuttgart / Weimar 2004, Bd. 3, pp. 138–154. [Thu stepper strip motor]. Available at: https://de.wikipedia.org/wiki/Kulturtransfer (accessed 1 February 2019).

Wikipedia. Die freie Enzyklopädie. [Thu stepper strip motor]. Available at: https://de.wikipedia.org/wiki/Kulturtechnik (accessed 3 February 2019).

Author's Credentials

Pavel I. Boldakov, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of Foreign Language Department № 2 for Engineering Fields of Study, Institute of Linguistics and Cross-cultural Communication, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: pavelboldakow@yandex.ru

Criteria for Authorship

Boldakov P.I. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article $Y\Delta K$ 316.7

Церковно-приходские попечительства как структурная единица благотворительной деятельности локальных сообществ города

© Н.И. Гаврилова

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматриваются основные характеристики и направления деятельности церковно-приходских попечительств Иркутска второй половины XIX в. Подчеркнута значимость осмысления в современных условиях возрождения светской и религиозной благотворительности, накопленного попечительствами опыта реализации филантропических инициатив и практик самоорганизации локальных сообществ города. В статье доказывается, что церковноприходские попечительства явились одними из наиболее доступных социальных механизмов формирования опыта оказания социальной помощи, развития гражданской активности среди широких слоев населения Иркутска. Раскрыта нормативно-правовая база деятельности церковно-приходских попечительств, возникших в 1864 г. Представлены статистические показатели динамики открытия церковно-приходских попечительств Иркутска на протяжении второй половины XIX в., проведено сравнение с аналогичными общероссийскими показателями. На основе ежегодных отчетов о состоянии Иркутской епархии и отчетов деятельности отдельных попечительств Иркутска проанализирован социальный состав церковно-приходских попечительств, мотивационные установки деятельности инициативных групп прихожан при открытии попечительств. Выявлено, что доминирующее положение в деятельности попечительств принадлежало мещанству, представителям средних и низших слоев чиновничества, зажиточным лицам из среды цеховых, казачества и крестьянства, лишенных возможности иного воздействия на общественную жизнь города. Проанализированы периоды подъема и спада активности деятельности попечительств, выявлены основные факторы, влияющие на интенсивность их функционирования. Значительное внимание в статье уделено основным направлениям деятельности попечительств. Сбор пожертвований, ремонт и благоустройство церкви, оказание пособий беднейшим жителям прихода и причту выделены в качестве доминирующих сфер работы попечительств. Подробно рассмотрен опыт организации и деятельности школ грамотности, созданных по инициативе церковно-приходских попечительств в отдельных приходах Иркутска. Проанализированы тенденции деятельности попечительств Иркутска на рубеже XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: благотворительность, Иркутск, приходское попечительство, локальные сообщества города, социальная самоорганизация, церковь, церковный приход

Информация о статье: Дата поступления 24 февраля 2019 г.; дата принятия к печати 5 марта 2019 г.; дата онлайнразмещения 25 марта 2019 г.

Для цитирования: Гаврилова Н.И. Церковно-приходские попечительства как структурная единица благотворительной деятельности локальных сообществ города // Социальная компетентность. 2019. Т. 4. № 1. С. 65–71.

The parish trusteeship as structural unit of charity of city local communities

© Natalva I. Gavrilova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The article discusses the main characteristics and activities of the parish trusteeship of Irkutsk in the second half of the XIX century. It stresses the importance of understanding in modern conditions of the revival of secular and religious charity, accumulated experience in implementing philanthropic initiatives and practices of self-organization of local communities of the city. The article proves that the parish trusteeship was one of the most accessible social mechanisms to shape the experience of providing social assistance and to develop civic engagement of broad layers of Irkutsk population. The legal framework of the parish trusteeship activities in 1864 is shown. The statistical indicators of the dynamics of the opening of the parish trusteeships of Irkutsk during the second half of the XIX century are presented, and a comparison is made with similar national indicators. On the basis of annual reports on the state of the Irkutsk diocese and reports on the activities of some Irkutsk trusteeships, the author analyzed the social composition of parish trusteeships and the motivational attitudes of the initiative groups of parishioners when opening trusteeship.

It was revealed that the dominant position in the trusteeship activities belonged to petty bourgeoisie, representatives of middle and lower layers of bureaucracy, wealthy people from the craftspeople, Cossacks and peasantry deprived of the opportunity to influence in a different way on the public life of the city. The periods of rise and fall in the activity of trusteeship are analyzed, and the main factors affecting the intensity of their functioning are identified. Great attention in the article is paid to the main areas of trusteeship. The collection of donations, the repair and improvement of the church, the provision of benefits to the poorest parish residents and clergy are highlighted as the dominant areas of trusteeship. The experience

Гаврилова Н.И. Церковно-приходские попечительства как структурная единица благотворительной ... Gavrilova N. I. The parish trusteeship as structural unit of charity of city local communities

of the organization and activities of schools of literacy, created on the initiative of parish trusteeships in some parishes of lrkutsk, is considered in detail. The trends of the trusteeship activities are examined at the turn of the XIX - early XX centuries.

Keywords: charity, Irkutsk, parish trusteeship, local communities of city, social self-organization, church, local parish.

Article info: Received February 24, 2019; accepted for publication March 5, 2019; available online March 25, 2019.

For citation: Gavrilova N. I. The parish trusteeship as structural unit of charity of city local communities. Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence. 2019, vol. 4, no. 1, pp. 65–71. (In Russ.).

Важной составляющей исторической памяти иркутян, требующей серьезного осмысления и популяризации, выступает накопленный Иркутском богатейший опыт частной и общественной благотворительной деятельности. Ее возрождение в современных условиях обуславливает необходимость формирования и развития у горожан системы общественного признания благотворительности, повышения осведомленности о филантропическом секторе.

Стимулирующее воздействие на развитие современной культуры благотворительности в городе, на содержание соответствующих стратегий действия отдельных личностей, социальных групп и организаций, укрепление культурной идентичности иркутян способно оказать создание позитивного образа развития иркутской благотворительности в XIX – начале XX вв. Важное значение принадлежит и критическому восприятию накопленного иркутянами опыта в сфере благотворительных инициатив.

В позднеимперской России благотворительность выступала одной из сфер гражданской деятельности, инструментом практического взаимодействия общества и государства, интереснейшим механизмом выражения разнообразных общественных настроений. Она стала «одним из способов самоорганизации и самоидентификации прогрессивных слоев русского общества. Филантропическая деятельность являлась одной из немногих разрешенных властями и потому весьма значимой сферой социальной практики и общественной самодеятельности в пореформенный период» (Ульянова, 2007. С. 100).

Основными направлениями социальной коммуникации в области благотворительности выступали: сфера местного самоуправления, благотворительные организации, массовые благотворительные акции различного уровня, попечительные советы, церковно-приходские попечительства,

ориентированные, в целом, на «удовлетворение местных нужд» в области культуры, просвещения и изучения края, борьбу с бедностью, решение ряда вопросов городского хозяйства.

Среди выделенных сегментов благотворительности определенная специфика отличала церковно-приходские попечительства. Возникшие в недрах одной из самых древних и консервативных социальных конструкций, построенные на принципах выборности и добровольности, они реализовывали православную идею милосердия. Вместе с тем их учреждение в 1864 г. пришлось на период заметного обновления традиционных представлений о содержании и средствах благотворительности, восприятия благотворительности в контексте идеи общественного служения. С функциональной же точки зрения именно церковно-приходские попечительства как ни один другой структурный сегмент благотворительности (применительно ко второй половине XIX в.) отвечали принципам децентрализации и индивидуализации помощи. Они выступали социальной моделью, способной актуализировать локальные сообщества города в качестве Самодеятельных инициативных единиц в сфере гражданской активности. Как отмечает Г.Н. Ульянова, церковно-приходские попечительства явились «одной из основных областей социальной коммуникации, где ярко вызревала и проявляла себя гражданская идентичность», став к началу XX в. «наиболее массовыми из благотворительных учреждений» (Ульянова, 2007. С. 103, 119).

Возникшие согласно Положению 1864 г. церковно-приходские попечительства ставили целью «попечение о благоустройстве и благосостоянии приходской церкви и причта в хозяйственном отношении, устройство первоначального обучения детей и благотворительные действия в приделах прихода» (Положение, 1864. С. 239). Состав попечительства выбирался на общем собра-

нии прихода из лиц, «отличающихся благочестием и преданностью вере»; местные священнослужители и церковные старосты являлись непременными членами. Председателю попечительства, избираемому большинством голосов, присваивалось звание попечителя прихода. Епархиальному архиерею подавались сведения о числе выборных членов попечительства, о сроке их службы, времени и порядке занятий, определяемых попечительством. По вопросам, превышающим права или в «сомнительных» случаях, попечительство должно было также обращаться к епархиальному архиерею. Подчеркивалось, что «приходское попечительство никак нельзя приравнивать к город-СКИМ ИЛИ СЕЛЬСКИМ СХОДОМ, Т. К. В ПОПЕЧИтельстве будут заседать лица более сочувствующие церкви и ее служителям, чем те, которые в большинстве собирались на мирские сходки» (Несколько слов, 1865. С. 562).

Основными задачами церковно-приходских попечительств, помимо забот о содержании здания храма и церковного причта, являлось «изыскание средств для учреждения в приходе школы, больницы, богадельни, приюта и других благотворительных заведений, устройство и заведывание коими лежит также на обязанности попечительств... вообще об оказании бедным людям прихода, в необходимых случаях возможных пособий, также о погребении неимущих умерших...» (Положение, 1864. С. 240). Как уже отмечалось в литературе, «Положение, регламентирующее благотворительную деятельность попечительств, опиралось на понимание того, что приходское попечительство всегда близко стоящее к просителю, имеет возможность собрать более точные сведения о личности просителя и его истинном положении» (Ульянова, 2005. С. 227). Важной предпосылкой для развития гражданской самодеятельности внутри попечительств стало условие отчетности их членов исключительно перед общим собранием прихожан.

С 1 января 1865 г. Государственный Совет разрешил приступить к открытию приходских попечительств. Большинство их в городах Иркутской губернии было создано в течение ближайших лет после выхода «Положения». Уже к концу 1865 г. не менее 28 %

церковных приходов Иркутска и 26,3 % приходов городов Иркутской губернии имели попечительства, что составляло даже более высокий процент в сравнении с общероссийскими данными. Согласно общероссийской статистике, в 1868 г. попечительства действовали только в 20 % церковных приходов (5327 из 28785) (Ульянова, 2005. С. 227).

Как правило, инициатива организации попечительства исходила от приход-СКОГО СВЯЩЕННИКА, ЗНАКОМИВШЕГО ПРИХОЖАН с «Положением» и разъяснявшим «необходимость скорейшего их открытия». Типичным в этом отношении стало учреждение попечительств в Троицком, Прокопьевском, Сретенском приходах Иркутска. Деятельность СВЯЩЕННИКА МОГЛА ПОДКРЕПЛЯТЬСЯ ИНИЦИАТИвой прихожан. Так, на имя священника Прокопьевской церкви одним из прихожан, титулярным советником А. Черниговским, было подано заявление о «желании разделять труды и попечение предполагаемого попечительства» (Шергин, 1865. С. 88). В открытии Борисо-Глебского попечительства главенствующее значение сыграла инициатива члена Совета Главного управления Восточной Сибири Б.А. Милютина, являвшегося также директором Иркутского губернского тюремного комитета (Борисо-Глебская церковь находилась при тюремном замке). На предварительном собрании почетнейших горожан (10 человек) в присутствии клира, церковного старосты и Б.А. Милютина были оговорены условия деятельности будущего попечительства, его состав, составлен список прихожан (42 человека), которые должны были утвердить предложенную программу. Непременным условием ставился выбор председателя попечительства из числа членов тюремного комитета. При вмешательстве епархиального начальства было открыто попечительство при Верхоленском Воскресенском соборе, прихожане которого оттягивали это событие до 1894 года.

Учредительство новых общественных объединений всколыхнуло внутриприходскую жизнь. Число задействованных в работе церковно-приходских попечительств оказалось значительным: в среднем избиралось 13–15 человек, в отдельных случаях – до 30.

Важно подчеркнуть, что приходские попечительства стали ареной деятельности

прихожан среднего достатка. Главенствующее положение в их деятельности принадлежало среднему и низшему чиновничеству, мещанству, наиболее зажиточным лицам из среды цеховых, казачества, крестьян-СТВО, ЛИШЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТИ ИНОГО ВОЗДЕЙствия на общественные процессы. Купечество, имея более действенные рычаги влияния на городские дела, занимая в том же приходе лидирующее положение, не часто добивалось должности. Исключение составляли случаи подчеркнутого внимания властей к приходскому попечительству. В Верхоленске подобная ситуация обусловила вхождение в состав попечительства значительного числа должностных лиц (волостных старшин, сельских старост обществ, входящих в состав прихода, различных чиновников).

Уникальным оказалось восприятие попечительства прихожанами Киренского Спасского собора. В его учреждении женщинами города была найдена возможность расширить рамки своего участия в общественной жизни. Выборы состоялись в 1868 году. В состав попечительства вошли супруга доктора, жена одного из местных чиновников и четверо жен киренских купцов. В целом, женщины составили 17% от общего числа членов созданного общества (Гаврилова, 2010. С. 29–31).

Однако значительная доля приходских общин городов Иркутской губернии восприняла новшества весьма апатично и «за отсутствием надобности» ограничила ЧИСЛЕННОСТЬ СВОИХ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВ СВЯЩЕННОслужителями и церковными старостами, в отдельных случаях – избранием приходского попечителя. Так, прихожане Сретенской церкви Иркутска в качестве приходского попечителя на первый год избрали отставного губернского секретаря С.И. Московского, «а прочих же членов... не нашли нужным по малому приходу избрать, а оставили это до времени, когда будет настоять действительная в них нужда» (Приходское попечительство, 1865. С. 167).

Наивысшей активностью были отмечены первые годы существования попечительств. Работа сосредотачивалась вокруг сбора пожертвований на создание капитала, служащего главным условием функционирования попечительств; ремонта и

благоустройства церквей; оказания пособий причту и беднейшим жителям прихода, другие благотворительные начинания.

Согласно общероссийским данным, до 75 % бюджета попечительств по империи направлялось на поддержание и благоустройство церквей, около 6 % средств расходовалось на поддержание причта, 17-20 % шло на содержание благотворительных учреждений в приходах и церковно-приходские школы (Ульянова, 2005. С. 228-229). Имеющаяся в нашем распоряжении информация позволяет представить данные лишь по отдельным приходам Иркутска. Так, в период наиболее оживленной деятельности Троицкого попечительства (одного из самых инициативных церковно-приходских попечительств Иркутска) около 52 % жертвуемых средств расходовалось на содержание, ремонт и украшение церкви, 28 % средств шло в пользу причта, около 20 % – на иные благотворительные начинания (содержание школы, погребение бедных прихожан, раздачу пособий и др.).

Пожалуй самым ярким проявлением деятельности церковно-приходских попечительств Иркутска стала организация школ грамотности для детей в Борисо-Глебском («Ломоносовская школа») и Троицком приходах. В создании последней активная роль принадлежала нескольким мещанам и купцам, передавшим безвозмездно квартиру с условием обеспечения ее отоплением. Одной из главных причин открытия школы учредители называли «отдаленное положение своего прихода от городских училищ». В школу принимались дети обоего пола от 7 до 10 лет. Причем дети прихожан Троицкого прихода обучались бесплатно, дети из дру-ГИХ ПРИХОДОВ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ВНОСИТЬ «УСЛОВную плату». Занятия по 4 часа каждый день, без каникул вел причетник Троицкой церкви П. Каблуков, в обязанности которого входило научить детей читать, писать буквы и цифры, передать им знания главных молитв и основ церковного пения.

Инициатива Троицкого церковноприходского попечительства оказалась востребованной не только жителями этого прихода, но и соседних. В течение первого года функционирования школы ее посещали дети из Архангельского, Прокопьевского, Глазковского и Воскресенского приходов. Всего же в течение 1866–1872 гг. в школе занималось от 15 до 48 детей в год.

В середине 1870-х – начале 1880-х гг. активность церковно-приходских попечительств заметно падает. Снизилось число членов, ограничиваясь лишь «непременными», что, по сути, означало ликвидацию общественного выборного органа прихожан. Известны случаи полного прекращения деятельности попечительства. Так, после выезда из Иркутска Б.А. Милютина и выхода из прихода О.П. Катышевцева Борисо-Глебское попечительство было закрыто. Лишь в 1885 году оно возобновило свою работу.

Сфера деятельности попечительств сужается до обеспечения платы сторожам, мелких исправлений церкви, выдачи пособия причту, погребения беднейших жителей прихода. Были закрыты школы грамотности. В отчетах епархиального начальства середины 1870–1880-х гг. отмечалась слабая активность прихожан при открытии попечительств, необходимость внешних стимулов для их стабильного функционирования, отсутствие заинтересованности в их деятельности, т. к. «быть членом попечительства многие считают такой же повинностью, как прочие общественные службы»¹.

В 1875 году архиепископом Вениамином были расширены права приходских попечительств за счет предоставления им контроля над церковным хозяйством, что ранее входило в компетенцию почетнейших прихожан². Нам, к сожалению, не известно – последовала ли прямая реакция попечительств на это распоряжение или нет, однако, в целом, данная мера не привела к заметным изменениям: сетования на бездействие приходских обществ встречаются в епархиальных отчетах и в последующие годы.

Одной из наиболее стабильных сфер деятельности попечительств являлось формирование и приращение приходского капитала. Главное внимание прихожане уделяли «благолепию храмов». Причины крылись не столько в инициативе попе-

чительств, сколько в широко распространенной традиции щедрых пожертвований на церкви, тем более – на приходские. Определенное внимание уделялось прихожанами приходским школам. Весьма скромное место отводилось заботе о причте: доля средств на эту статью в ряде отчетов значительно уступала всем иным, хотя единичные акции помощи причту имели место, главным образом, за счет пожертвований со стороны прихожан. Так, в конце XIX начале XX вв. в Спасском, Преображенском, Прокопьевском приходах Иркутска силами прихожан были отстроены дома или квартиры для причта.

К концу XIX в. многие церковно-приходские попечительства в городах Иркутской губернии существовали лишь формально, что соотносится и с данными по ряду других российских провинциальных и столичных городов. Так, в 1889 г. в Москве насчитывалось только 42 церковно-приходских попечительств, т. е. не более чем при одной шестой всех московских приходских церквей (Ульянова, 2005. С. 232).

Некоторое оживление их деятельности наблюдалось во второй половине 1880-х гг. в связи с организацией по инициативе Иркутского благотворительного общества и духовенства приходских попечительств о бедных в рамках приходов, призванных выявлять нуждавшихся и оказывать им финансовую помощь. В начале 1890-х гг. такие комитеты существовали во всех 14 приходах Иркутска. В Успенском, Преображенском и Знаменском при активном участии женщин были открыты даже небольшие приюты для бедных. Каждое из созданных приходских попечительств смогло охватить своей деятельностью около 20 человек, а выдаваемые пособия составляли от 3 до 18 рублей.

Следует отметить, что «в начале 1880-х гг. вопрос об использовании для целей общественной благотворительности церковноприходских попечительств был поставлен и в Московской городской думе. В конце 1886 г. московский митрополит распорядился о по-

¹ Отчет о состоянии Иркутской епархии за 1887 год // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1181. Л. 160б.

Report on the status of Irkutsk diocese for 1887 // Russian State Historical Archive, F. 796. Op. 442, D. 1181, L. 160b.

² Отчет о состоянии Иркутской епархии за 1875 год // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 628. Л. 120б.

Report on the status of Irkutsk diocese for 1875 // Russian State Historical Archive, F. 796. Op. 442. D. 628. L. 120b.

всеместном учреждении в Москве приходских попечительств. Однако и эти шаги руководства существенно не повлияли на широкое развитие благотворительной помощи внутри приходов» (Ульянова, 2005. С. 232).

Как и в Москве, в Иркутске уже через несколько лет после их открытия местное духовенство констатировало спад активности обществ, апатичность, незначительность жертвуемых прихожанами средств (Виноградов, 1886. С. 521). Горожанами попечительства о бедных воспринимались в качестве разновидности благотворительного общества, с присущими ему особенностями деятельности.

Вновь к задаче активизации низовых территориальных структур благотворительности обратились в начале 1890-х гг. В 1893 году архиепископ Тихон поднял вопрос о создании новых приходских попечительств, организация которых оживила бы работу Иркутского благотворительного общества (Официальная часть, 1893. С. 2). Данная инициатива, вероятно, могла быть подсказана общественной практикой создания участковых попечительств о бедных под эгидой муниципальных органов начала 1890-х гг. Городские попечительства о бедных были призваны помогать беднейшим жителям внутри городских районов (зафиксировано в Положении Комитета Министров от 29 января 1893 г.) (Ульянова, 2007. С. 115).

Библиографический список

Виноградов А.А. Речь в общем собрании благотворительного общества кафедрального протоиерея Виноградова // Иркутские епархиальные ведомости. 1886. № 48, 29 ноября. С. 521.

Гаврилова Н.И. Особенности развития благотворительности в малых городах Иркутской губернии во второй половине XIX в. // Сибирский город XVIII – начала XX веков: сборник статей. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010. Вып. VII. С. 24–36.

Несколько слов о приходских попечительствах // Иркутские епархиальные ведомости. 1865. № 42, 20 октября. С. 562.

Официальная часть // Восточное обозрение. 1893. № 53, 21 ноября. С. 2.

Официальная часть // Иркутские епархиальные ведомости. 1864. № 47, 21 ноября. С. 260.

Положение о приходских попечительствах при православных церквях // Иркутские епархиальные ведомости. 1864. № 44, 31 октября. С. 239–248.

Приходское попечительство при Сретенской церкви г.

В целом, церковно-приходские попечительства в городах Иркутской губернии развивали те же формы благотворительной деятельности и учреждений помощи, что и на общероссийском уровне. Согласно общероссийским статистическим данным, «основными типами благотворительных заведений, содержащихся церковно-приходскими попечительствами, были: богадельни ДЛЯ ОДИНОКИХ ПОЖИЛЫХ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН своего прихода, приюты для осиротевших детей, общежития для учащихся. Ряд попечительств содержал небольшие бесплатные столовые, где кормились от 5 до 15 человек. Нуждавшимся также оказывалась помощь в виде небольших денежных пособий» (Ульянова, 2005. С. 235). Из перечисленных направлений помощи церковно-приходскими попечительствами городов Иркутской губернии акцент был сделан на содержании приютов для бедных, открытии школ грамотности, выдаче пособий нуждающимся.

Таким образом, являясь одной из институционализированных форм благотворительной деятельности, церковно-приходские попечительства стали наиболее доступным механизмом приобретения опыта гражданской самодеятельности для средних слоев населения Иркутска, способствовали формированию потребности решать проблемы бедных внутри местных сообществ города.

References

Vinogradov A.A. [The speech of the cathedral archpriest Vinogradov at the conference of the benevolent association. Irkutskie eparkhial'nye vedomosti[Irkutsk diocesan bulletin], 1886, no. 48, 29 November, p. 521. (In.Russ.). Gavrilova N.I. Features of the development of charity in small cities of the likutek province in the second half of the

small cities of the Irkutsk province in the second half of the nineteenth century. Sibirskii gorod XVIII – nachala KhKh vekov: sbornik statei [Siberian city XVIII - early XX centuries: a collection of articles], Irkutsk: Ottisk Publ., 2010, Iss VII, pp. 24–36. (In.Russ.).

A few words about parish trusteeship. Irkutskie eparkhial'nye vedomosti [Irkutsk diocesan bulletin], 1865, no. 42, 20 October, p. 562. (In.Russ.).

The official part. Vostochnoe obozrenie [The Eastern Review], 1893, no. 53, 21 November, p. 2. (In.Russ.).

The official part. Irkutskie eparkhial'nye vedomosti [Irkutsk diocesan bulletin],1864, no. 47, 21 November, p. 260. (In.Russ.).

Regulations on parish trusteeships under Orthodox churches. Irkutskie eparkhial'nye vedomosti [Irkutsk diocesan bulletin], 1864, no. 44, 31 Octobe, pp. 239–248. (In.Russ.).

Parish trusteeship at the Sretenskaya church of Irkutsk. Ir-

<u>Социологические науки</u> Sociological sciences

Иркутска // Иркутские епархиальные ведомости. 1865. № 25, 19 июня. С. 167.

Ульянова Г.Н. Благотворительная деятельность в Российской империи как реализация идеи «гражданской сферы» // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX начало XX века. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. С. 100–124.

Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи, XIX—начало XX века. М.: Наука, 2005. 403 с.

Шергин Г. Священник Прокопьевской церкви г. Иркутска. Об открытии попечительства // Иркутские епархиальные ведомости. 1865. № 14, 3 апреля. С. 88.

Сведения об авторах

Гаврилова Наталья Игоревна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и психологии ИР-НИТУ, e-mail: nig2312@yandex.ru

Критерии авторства

Гаврилова Н.И. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

kutskie eparkhial'nye vedomosti [Irkutsk diocesan bulletin], 1865, no. 25, 19 June, p. 167. (In.Russ.).

Ul'yanova G.N. Charity in the Russian empire as a realization of the idea of a "civil sphere". Grazhdanskaya identichnost' i sfera grazhdanskoi deyatel'nosti v Rossiiskoi imperii. Vtoraya polovina KhIKh– nachalo KhKh veka [Civil identity and the sphere of civil activity in the Russian empire. The second half of the nineteenth and early twentieth centuries] Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2007, pp. 100–124.

Ul'yanova G.N. Blagotvoritel'nost' v Rossiiskoi imperii, KhlKh–nachalo KhKh veka [Charity in the Russian Empire, the nineteenth and early twentieth century]. Moscow: Nauka Publ, 2005, 403 p.

Shergin G. The priest of the Prokopevsk church in Irkutsk. On the opening of trusteeship. Irkutskie eparkhial'nye vedomosti [Irkutsk diocesan bulletin], 1865, no. 14, 3 April, p. 88. (In.Russ.).

Author's Credentials

Natalya I. Gavrilova, Cand. Sci. (History), Associate Professor of Sociology and Psychology De-partment, e-mail: nig2312@yandex.ru

Criteria for Authorship

Gavrilova N.I. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for pla-giarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article $Y\Delta K$ 331.5

Стажировка выпускников средних профессиональных и высших учебных заведений как направление реализации активной политики занятости (на примере Иркутской области)

© Е.Г. Копалкина

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация: Данная статья раскрывает эффективность реализации ведомственной целевой программы «Организация стажировок выпускников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в целях приобретения ими опыта работы в Иркутской области» за период с 2014 по 2018 г.г., основными критериями которой являются количество выпускников, направленных на стажировки в целях приобретения ими опыта работы, и доля трудоустроившихся из числа прошедших по месту прохождения стажировки. Данная программа направлена на выпускников, которые не могли найти работу и не трудились в течение одного года с момента окончания обучения в средних профессиональных и высших учебных заведениях. Подчеркивается, что важнейшими причинами недостаточного уровня трудоустройства среди выпускников являются, помимо отсутствия практического опыта и низкой заработной платы, также неразвитость института наставничества, отсутствие отлаженной системной работы с молодыми специалистами и механизма для профессиональной и социальной адаптации, закрепления их в трудовых коллективах. Рост уровня безработицы среди выпускников также зависит от их низкого уровня информированности о состоянии рынка труда и проводимых центрами занятости мероприятиями. Обосновывается вывод о том, что стажировки во время учебы в образовательных организациях и по направлению центров занятости не должны рассматриваться отдельно, более того, организация стажировок должна таким образом построена, чтобы они были вплетены в процесс обучения с младших курсов и финансироваться не отдельно средствами вуза, предприятий и регионального бюджета, а совместными усилиями. Повышению уровня конкурентоспособности и профессиональной мобильности выпускников, как показывает опыт различных вузов и предприятий, способствует также создание интегрированных площадок – базовых кафедр, образовательных центров на предприятиях, организаций зарубежных стажировок, и не только студентов, но и преподавателей, а также изменение самого подхода к стажировке, которая должна быть самостоятельной частью учебного плана, а не являться составляющей производственной практики.

Ключевые слова: выпускники, трудоустройство, стажировка, Иркутская область, субсидии, ведомственная целевая программа

Информация о статье: Дата поступления 24 февраля 2019 г.; дата принятия к печати 5 марта 2019 г.; дата онлайнразмещения 25 марта 2019 г.

Для цитирования: Копалкина Е.Г. Стажировка выпускников средних профессиональных и высших учебных заведений как направление реализации активной политики занятости (на примере Иркутской области) // Социальная компетентность. 2019. Т. 4. № 1. С. 72–79.

Traineeship of specialized secondary and higher educational institutions' graduates as implementation of active employment policy (the case of Irkutsk region)

© Evgenia G. Kopalkina

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: This article examines the effectiveness of the implementation of the departmental special-purpose programme «Organization of internships for graduates of educational organizations to acquire work experience in Irkutsk region» over the period from 2014 to 2018. Its main criteria are the number of graduates sent for internships in order to acquire work experience, and the share of those who were employed at the place of internship. This program is for graduates who could not find job and did not work for one year after graduation from secondary vocational and higher educational institutions. It is emphasized that in addition to the lack of practical experience and low wages the most important reasons for the lack of employment among graduates are also the underdevelopment of the institution of mentoring, the lack of well-organized systemic work with young professionals, as well as the mechanism for their professional and social adaptation, retaining them in work teams. The growth of the unemployment rate among graduates also depends on their low level of awareness of the state of the labor market and the measures taken by the employment centers. It justifies the conclusion that internships during studies in educational institutions and in the direction of employment centers should not be considered separately. Moreover, the organization of internships should be designed in such a way as to be included into the learning process from freshman classes and they should not be financed collectively by the university, enterprises and the regional budget. As

Копалкина Е.Г. Стажировка выпускников средних профессиональных и высших учебных заведений ... Kopalkina E.G. Traineeship of specialized secondary and higher educational institutions' graduates ...

shown by the experience of various universities and enterprises, the growth of competitiveness and professional mobility of graduates also contributes to the creation of integrated sites - basic departments, educational centers in enterprises, organizing foreign internships both for students and teachers, as well as changing the approach to internships which should be an independent part of the curriculum, and not be part of on-the-job training.

Keywords: graduates, employment, internship, Irkutsk region, subsidies, departmental special-purpose programme

Article info: Received February 24, 2019; accepted for publication March 5, 2019; available online March 25, 2019.

For citation: Kopalkina E.G. Traineeship of specialized secondary and higher educational institutions' graduates as implementation of active employment policy (the case of Irkutsk region). Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence. 2019, vol. 4, no. 1, pp. 72–79. (In Russ.).

На современном рынке труда выобразовательных организаций высшего и среднего профессионального образования являются наименее конкурентоспособной, но наиболее перспективной социальной группой. Обзор сайта «Портал мониторинга выпускников» (сайт Портала мониторинга трудоустройства выпускников Министерства образования и науки РФ), представленный в работе А.В. Быкова, А.В. Ванчикова позволяет сделать вывод о том, что «около 35 % выпускников очной формы обучения испытывают определенные трудности» в трудоустройстве (Быков, 2017. С. 75). Подчеркивая, что качество подготовки специалистов определяется степенью востребованности выпускников на рынке труда именно в первый год после окончания образовательной организации, исследователи отмечают, что помимо отсутствия практического опыта, и нежелания работодателей вкладывать средства в стажировки, предпочитая выпускникам работников с уже имеющимся профессиональным опытом, важнейшими причинами недостаточного уровня трудоустройства среди выпускников являются низкая заработная плата, отсутствие отлаженной системной работы с молодыми специалистами, неразвитость института наставничества, отсутствие механизма для профессиональной и социальной адаптации молодых специалистов, закрепления их в трудовых коллективах (Быков, 2017. С. 78). В этой связи примечателен опыт управления адаптацией студентов в период прохождения ими стажировок в период летней производственной практики в ОАО «Тюменьпромстройпроект», описанный в работе А.Ю. Тимофеевой. Начинается первое вхождение в организацию студентами посредством Welcome-тренинга, ОСНОВНЫМ содержанием которого является показ фильма «об истории и становлении предприятия, его

традициях, о коллективе, о структуре организации, знакомство с целями и миссией организации, основными принципами поведения, стилем одежды и ценностями коллектива, а также место молодого специалиста и его роль (род деятельности) для организации (важность, необходимость, ожидания)» (Тимофеева, 2016. С. 60). Заканчивается стажировка коллегиальным решением вопроса, кто из стажеров будет в дальнейшем трудоустроен. Не последнюю роль в этом играет та оценка, которую получает стажер от наставника при заполнении просматриваемой руководителями анкеты обратной связи.

Другой основной причиной низкого уровня трудоустройства выпускников образовательных организаций в современных условиях является их низкий уровень информированности о состоянии рынка труда и проводимых центрами занятости мероприятиями. Например, в ходе проведения социологического исследования в г. Томске выяснилось, что «о программе стажировок для выпускников вузов на предприятиях и организациях города знает лишь малая доля опрошенных (20,3 %), более половины респондентов не знают о проведении данной программы (60,2 %)» (Печенкина, 2016. С. 264). Помимо организации стажировок Центр занятости населения г. Томска и Томского района в рамках социальной работы по трудоустройству выпускников высших учебных заведений реализует также ярмарки вакансий учебных и рабочих мест, программы по самозанятости и психологической поддержки безработных граждан. Такая ситуация складывается не только в Томске, но и в других регионах нашей страны. В целях повышения уровня информированности студентов, будущих выпускников образовательных организаций, о мероприятиях Центра занятости населения, в том числе и о стажировках, исследователи Т.И. Печенкина, М.В. Колосова,

Е.В. Петров, Т.А. Александрова признают действенными такие интерактивные формы взаимодействия, как встречи, дискуссии, диалоги во время проведения консультационных бесед и семинаров, а также лекций по вопросам трудового законодательства. В процессе учебы в вузе, с целью привлечения студентов к участию в стажировках, необходимо использовать как Центр содействия трудоустройству выпускников и студентов (ЦСТВиС) Амурского государственного университета (АмГУ) такие технологии, как «погружение стажера в профессию, рекрутинг, event-рекрутинг, HR-брендинг» (Шкиль, 2016. С. 117).

Стажировка выпускников средних профессиональных и высших учебных заведений является важнейшим направлением реализации активной политики занятости в Иркутской области с 2013 года с принятием Приказа министерства труда и занятости Иркутской области от 23 октября 2013 года № 62-мпр «Об утверждении ведомственной целевой программы «Организация стажи-

ровок выпускников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в целях приобретения ими опыта работы в Иркутской области» в 2014–2020 годах». Основными критериями эффективности данного направления были выделены:

- количество выпускников, направленных на стажировки в целях приобретения ими опыта работы (в том числе с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья);
- доля выпускников, трудоустроившихся после завершения стажировки по месту прохождения стажировки или в других организациях.

На рис. 1 представлена информация об общем количестве тех выпускников, которые прошли стажировку в период с 2014 по 2018 гг., наиболейшее их количество было в 2017 году (343 чел.), наименьшее в 2015 году (244 чел.), среди которых количество выпускников среднего профессионального образования и выпускников вузов отличается небольшой разницей 2.

Рис. 1. Количество выпускников, которые прошли по направлению центров занятости Иркутской области стажировку в период с 2014 по 2018 годы
Fig. 1. The number of graduates who undertook internship over the period from 2014 to 2018 by the assignment of the employment centers of Irkutsk region

Ministry of Labor and Employment of Irkutsk Region).

¹Информация представлена на основе отчетов деятельности министерства труда и занятости Иркутской области с 2014 по 2018 г.г. (Отчеты о деятельности Министерства труда и занятости Иркутской области). The data are presented on the basis of reports from the activities of the Ministry of Labor and Employment of Irkutsk Region from 2014 to 2018 (Reports on the activities of the

²В отчетах за 2017-2018 г.г. не представлена отдельно информация о выпускниках среднего профессионального образования и отдельно о выпускниках вузов. In the reports for 2017-2018, information on graduates of secondary vocational education and on university graduates are not presented separately.

В соответствии с Положением о предоставлении субсидий из областного бюджета в целях возмещения затрат (части затрат) на оплату труда выпускников и выплат работникам за наставничество, утвержденного постановлением Правительства Иркутской области от 15 января 2016 г. № 26-пп, субсидии представлялись:

- на оплату труда выпускников в размере не более одного установленного законодательством Российской Федерации минимального размера оплаты труда;

на выплаты работникам за наставничество в размере не более одной второй

установленного законодательством Российской Федерации минимального размера оплаты труда;

– на уплату страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование за одного выпускника (работника) в месяц.

За 2014 год фактическое освоение средств областного бюджета составило 10232,8 тыс. руб., за 2015 год – 8158,1 тыс. руб., за 2016 год – 11252,8 тыс. руб., за 2017 год – 11891,2 тыс. руб., за 2018 год – 10204,23 тыс. руб. (рис. 2).

Рис. 2. Объем областных средств, покрывающих расходы на прохождение стажировки выпускниками Иркутской области в период с 2014 по 2018 годы Fig. 2. The amount of regional funds covering the costs of internships for graduates of Irkutsk region over the period from 2014 to 2018

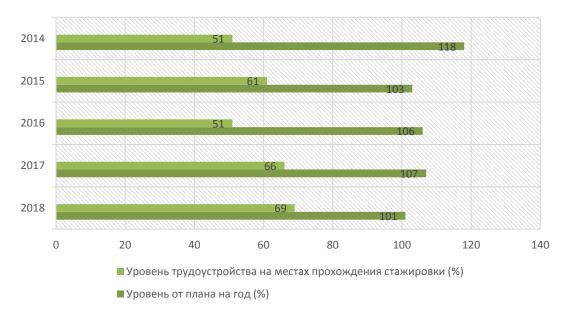

Рис. 3. Уровень трудоустройства выпускников, прошедших стажировку по направлению центров занятости Иркутской области на местах стажировки в период с 2014 по 2018 г.г.

Fig. 3. The level of employment of graduates undertaken an internship by the assignment of the employment centers of Irkutsk region on the internship sites over the period from 2014 to 2018

Важнейшим целевым показателем эффективности Программы является доля трудоустроенных выпускников на местах прохождения стажировки. На рис. 3 видно, что в период с 2014 по 2018 г.г. не менее 51 % от общего количества выпускников, завершивших стажировки, были трудоустроены, самый высокий процент (69 %) – в 2018 году.

Таким образом, стажировка представляет собой временную работу (на срок не более 3 месяцев) для выпускников, которые не могли найти работу и не работали в течение одного года с момента окончания обучения в средних профессиональных и высших учебных заведениях. Стажировка организуется непосредственно на предприятии под руководством опытного наставника. Основной целью организации стажировок по направлению центров занятости Иркутской области является формирование и закрепление в практической трудовой деятельности теоретических знаний, умений и навыков выпускника, приобретения профессиональных и организаторских качеств, выполнения профессиональных обязанностей. Прохождение стажировок выпускниками представляет собой эффективную технологию, направленную не только на снижение уровня безработицы, но прежде всего на ее предупреждение и профилактику (Урбанаева, 2016. С. 56).

Опыт реализации прохождения стажировок выпускниками в Иркутской области, как направления активной политики занятости, безусловно, не является единственным в России. Например, в Алтайском крае реализуется в рамках целевой программы «Дополнительные меры по снижению напряженности на рынке труда Алтайского края» программа «Стажировка выпускников учреждений профессионального образования» (Болховитина, 2015. С. 95). Мы согласны с исследователями Е.Н. Болховитиной, Г.Е. Родиной, Ю.В. Угаровой, что стажировки во время учебы в образовательных организациях и по направлению центров занятости не должны рассматриваться отдельно, более того, организация стажировок должна быть построена таким образом, чтобы они были вплетены в процесс обучения с младших курсов и финансироваться не отдельно средствами вуза, предприятий и регионального

бюджета, а совместными усилиями. Как показывает опыт организации стажировок на примере данных по стажировкам в различных подразделениях одной из крупных иностранных компаний, представленной в работе А.А. Шукенбаевой, стажировки не по направлению центров занятости отличаются большим оттоком стажеров, особенно после пяти недель работы. В результате «анализа факторов, которые могут оказать влияние на успешное прохождение стажировки молодым специалистом, были построены модели бинарного выбора (логистическая регрессионная модель) и пропорциональных рисков (регрессия Кокса), которые выявили зависимость успешного прохождения стажировок от наличия высшего образования, обучения в вузе, входящим в топ-5 вузов, с которыми, в основном, работает компания, соответствия полученной или получаемой функционалу отдела» (Шукенбаева, 2016. C. 65).

Представляется интересным положительный опыт совместного сотрудничества кафедры «Автоматизация, транспортные и информационные системы» Дзержинского политехнического института Нижегородского государственного технического университета имени Р.Е. Алексеева (ДПИ НПУ) и компании «MERA», описанный в работе исследователя Л.Ю. Вадовой, важнейшим результатом которого является создание в 2014 году базовой кафедры, специализированное помещение, оборудованное современной компьютерной техникой, для которой выделила сама компания. В составе кафедры работают преподавателями специалисты компании «MERA», которые проводят авторские учебные занятия, мастерклассы, привлекают студентов к выполнению заданий по конкретным проектам компании (Вадова, 2016. С. 314). Схожий подход к организации стажировок мы обнаруживаем в работе Г.Е. Родиной, В.А. Любицкой. Они пишут о необходимости создания интегрированных площадок - образовательных центров на предприятиях - в условиях нарушенной системы взаимодействия «вуз-работодательгосударство», «Образовательный центр создается в целях развития педагогического процесса и привлечения к преподаванию исследователей и специалистов, которые

обладают достаточным практическим опытом по направлению профессиональной деятельности» (Родина, 2015. С. 463).

Для повышения конкурентоспособности и профессиональной мобильности выпускников (особенно высших учебных заведений) большую роль играют стажировки не только на российских предприятиях, но и учебные зарубежные стажировки. Увлекательно описывается опыт обучения студентов кафедры «Промышленное и гражданское строительство» во время стажировок в 2013 году в Брненском техническом университете (Чехия). Обучение, включающее изучение предметов «Устойчивое строительство», «Структурная и промышленная геодезия», «Современные строительные материалы», «Информационные технологии», стало возможным программе Европейского союза «Непрерывное образование» Learning Programme) и некоммерческой программе по обмену студентами и преподавателями «Эразмус Мундус» (Erasmus Mundus), а также заключенному между университетами договору в 2009 году. Как справедливо отмечают исследователи В.П. Грахов, Ю.Г. Кислякова, «новые знания, позволяющие сравнивать строительные отрасли разных стран, очень важны для студентов, но не менее важными являются и сам опыт обучения в европейском университете, и общение со студентами других стран, знакомство с их культурой и историей» (Грахов, 2015. C. 92).

Повышению качества образования и развитию профессиональной компетентности будущих специалистов способствует не только стажировка студентов, но и преподавателей. Важнейшим результатом многолетнего опыта международного сотрудничества Волгоградского государственного социально-педагогического университета (ВГСПУ) с китайскими вузами (в частности, Чаньчунского университета) стала реализация совместной образовательной программы по схеме ((2+2)), предусматривающая выдачу двойных дипломов, и одобренная министерствами образования Китая и России (Терещенко, 2016. С. 39). Схема «(2+2)» распространяется не только на программы бакалавриата, но благодаря их развитию и эффективности и на программы магистратуры. Более того, в программах магистратуры используется схема «2+2» также и в том, что для написания магистерской диссертации используется система двойного научного руководства, один руководитель из числа преподавателей ВГСПУ, второй – со стороны ТУИЯ. Согласно условиям российско-китайского сотрудничества, «треть всех дисциплин учебного плана должны вести преподаватели из России» (Терещенко, 2016. С. 40). Организация долгосрочных стажировок студентов и преподавателей ВГСПУ повышает конкурентоспособность вуза в мировом образовательном пространстве. Такие эффективные формы взаимодействия и сотрудничества соответствуют потребностям современного рынка труда и запросам работодателей.

Другой подход к рассмотрению проблемы организации стажировок мы находим в работе исследователей А.А. Дудук, С.И. Юргель, А.В. Свиридова, которые пишут о том, что «стажировка на уровне получения высшего образования должна быть самостоятельной частью учебного плана и не яв-ЛЯТЬСЯ составляющей производственной практики, так как данные виды учебной деятельности предполагают выполнение разных задач, а выпускные работы должны решать конкретные производственные задачи с непосредственным внедрением в производство» (Дудук, 2018. С. 236). Анализируя образовательные нормативные документы нового поколения, исследователи отмечают, что только на базе магистратуры возможно применить их предложение, а не на базе бакалавриата (по причине большого объема учебной нагрузки).

В заключение можно сделать вывод о том, что несмотря на достаточную эффективность реализации ведомственной целевой программы «Организация стажировок выпускников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в целях приобретения ими опыта работы в Иркутской области» в 2014-2020 годах», для достижения эффективного трудоустройства выпускников в регионе возможно только при последовательном взаимодействии региональных государственного управления, учреждений, работающих в сферах труда и занятости, вузов, предприятий и организаций региона.

Библиографический список

Болховитина Е.Н., Родина Г.Е., Угарова Ю.В. Организация стажировок студентов как форма взаимодействия работодателя, выпускника и вуза в системе трудоустройства // Вестник алтайской науки. 2015. № 1 (23). С. 95–98.

Быков А.В., Ванчиков А.В. Организация стажировок – путь к трудоустройству выпускников университета // Сборник статей международной научно-методической конференции «Роль преподавателя в современном вузе». 2017. С. 74–79.

Вадова Л.Ю. Система взаимодействия вуза и работодателей в подготовке будущих специалистов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 2–5. С. 311–315.

Грахов В.П., Кислякова Ю.Г. Из опыта зарубежной стажировки студентов инженерностроительного факультета ИЖГТУ в техническом университете г. Брно // Образование и наука. 2015. № 2 (121). С. 86–93.

Дудук А.А., Юргель С.И., Свиридов А.В. Стажировка как элемент повышения компетентности выпускников. // В сборнике: Перспективы развития высшей школы. 2018. С. 234–236.

Отчеты о деятельности Министерства труда и занятости Иркутской области. URL.: [Электронный ресурс]. URL.: https://irkzan.ru/content/отчеты_о_деятельности_министерства (дата обращения 07.02.2019 г.).

Печенкина Т.И., Колосова М.В., Петров Е.В., Александрова Т.А. Технологии социальной работы по трудоустройству выпускников вузов (по опыту деятельности центра занятости населения г. Томска и Томского района) // Наука, образование, общество. 2016. № 1 (7). С. 257–268.

Портал мониторинга трудоустройства выпускников Министерства образования и науки РФ. [Электронный ресурс]. URL.: http://vo.graduate.edu.ru/#/?year=2015&year_monitoring=2016 (дата обращения 07.02.2019 г.).

Родина Г.Е., Любицкая В.А. Интерактивное взаимодействие с работодателем как современная технология решения проблем с трудоустройством выпускников в регионе // Вестник алтайской науки. 2015. № 3–4 (25–26). С. 462–465.

Терещенко Т.М., Правдикова А.В. Опыт внедрения и реализации совместных российско-китайских образовательных программ // Педагогическое образование в России. 2016. № 10. С. 38–42.

Тимофеева А.Ю. Некоторые аспекты трудоустройства выпускников технических вузов // Материалы международной научно-практической конференции «Социально-трудовые отношения и управление человеческими ресурсами на современном этапе». 2016. С. 53–61.

References

Bolkhovitina E.N., Rodina G.E., Ugarova Yu.V. Organization of internships for students as a form of interaction between the employer, graduate and university in the employment system. Vestnik altaiskoi nauki [Altai Science Bulletin], 2015, no. 1 (23), pp. 95–98. (In Russ.).

Bykov A.V., Vanchikov A.V. Organization of internships the path to the employment of university graduates. Sbornik statei mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii «Rol' prepodavatelya v sovremennom vuze» [Collection of articles of the international scientific and methodological conference «The role of the teacher in a modern university»], 2017, pp. 74–79. (In Russ.).

Vadova L.Yu. The system of interaction of the university and employers in the future specialiststraining. Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovanii. [International Journal of Applied and Fundamental Research], 2016, no. 2–5. pp. 311–315.

Grakhov V.P., Kislyakova Yu.G. From the experience of foreign internships for students of engineering faculty at IHSTU at the Technical University of Brno]. *Obrazovanie i nauka*[Education and Science], 2015, no. 2 (121), pp. 86–93. (In Russ.).

Duduk A.A., Yurgel' S.I., Sviridov A.V. Internship as an element of improving graduates' competence. V sbornike: Perspektivy razvitiya vysshei shkoly[In edited volume: Prospects for the development of higher education], 2018, pp. 234–236. (In Russ.).

Otchety o deyatel'nosti Ministerstva truda i zanyatosti Irkutskoi oblasti [Reports on the activities of the Ministry of Labor and Employment of Irkutsk Region]. Available at: https://irkzan.ru/content/otchety_o_deyatel'nosti_ministerstva (accessed 07 February 2019). (In Russ.).

Pechenkina T.I., Kolosova M.V., Petrov E.V., Aleksandrova T.A. Technologies of social work for the employment of higher educational institutions graduates (based on the experience of the employment center of Tomsk and Tomsk region). Nauka, obrazovanie, obshchestvo [Science, education, society], 2016, no. 1 (7), pp. 257–268. (In Russ.).

Portal monitoringa trudoustroistva vypusknikov Ministerstva obrazovaniya i nauki RF [Portal of monitoring the employment of graduates of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation]. Available at: http://vo.graduate.edu.ru/#/?year=2015&year_monitoring=2016 (accessed 07 Februaru 2019). (In Russ.).

Rodina G.E., Lyubitskaya V.A. Interaction with the employer as a modern technology to solve employment problems of graduates in the region. *Vestnik altaiskoi nauki* [Bulletin of Altai science], 2015, no. 3–4 (25–26), pp. 462–465. (In Russ.).

Tereshchenko T.M., Pravdikova A.V. Experience of introduction and implementation of joint Russian-Chinese educational programs. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii [Pedagogical education in Russia]*, 2016, no. 10, pp. 38–42.

Timofeeva A.Yu. Some aspects of employment of technical universities graduates. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sotsial'no-trudovye otnosheniya i upravlenie chelovecheskimi resursami na sovremennom etape» [Proceedings of the international scientific-practical conference «Social and labor relations and human resource management at the present stage»], 2016, pp. 53–61. (In Russ.).

Копалкина Е.Г. Стажировка выпускников средних профессиональных и высших учебных заведений ... Kopalkina E.G. Traineeship of specialized secondary and higher educational institutions' graduates ...

Урбанаева Е.Г. Технологии профилактики безработицы // Аксиома: актуальные аспекты гуманитарных наук. 2016. Т. 1. № 1–1 (1). С. 54–57.

Шкиль О.С., Осинцева В.С. Специфика стажировок для студентов в условиях компетентностного подхода // Материалы Российской национальной научной конференции с международным участием «Современные проблемы науки». 2017. С. 115–117.

Шукенбаева А.А. Напряженность на рынке труда молодежи: тенденции и методы регулирования // Теория и практика общественного развития. 2016. № 7. С. 60–66.

Сведения об авторах

Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и психологии ИРНИТУ, e-mail: kopalkina2017@list.ru

Критерии авторства

Копалкина Е.Г. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Urbanaeva E.G. Unemployment prevention technologies. Aksioma: aktual'nye aspekty gumanitarnykh nauk [Axiom: topical aspects of the humanities], 2016, vol. 1, no. 1–1 (1), pp. 54–57. (In Russ.).

Shkil' O.S., Osintseva V.S. The specifics of internships for students in a competence-based approach. Materialy Rossiskoi natsional'noi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Sovremennye problemy nauki» [Materials of Russin national scientific conference with international participation «Modern problems of science»], 2017, pp. 115–117. (In Russ.).

Shukenbaeva A.A. Napryazhennost' na rynke truda molodezhi: tendentsii i metody regulirovaniya [Tensions in the youth labor market: trends and methods of regulation] Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development], 2016, no. 7, pp. 60–66. (In Russ.).

Author's Credentials

Evgenia G. Kopalkina, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor of Sociology and Psychology Department in INRTU, e-mail: kopalkina2017@list.ru

Criteria for Authorship

Kopalkina E.G. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article $Y\Delta K$ 316

Молодежь Приангарья: западный дрейф 2000-х

© Е.Н. Струк

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Российская Федерация, г. Иркутск

Аннотация: В ряде сибирских регионов сложилась серьезная ситуация с миграцией населения в другие районы России. Данная тенденция наблюдается с конца 80-х годов ХХ в. Приангарье перестает прирастать молодежью, которая является самым активным проводником любых изменений. Не малую роль в демографическом уроне области играют и спад рождаемости, и плохая экология, но и миграционный отток вносит серьезный вклад в уменьшение количества молодежи в регионе. Чем это грозит области, к каким последствиям может привести?

В статье рассматривается эволюция миграционных потоков в Иркутской области, характеризуется взаимосвязь между миграционными процессами и социально-экономическим положением региона. Анализируются различные факторы и аспекты миграции.

В работе отмечается, что в современном мире идет борьба за трудовые ресурсы, в первую очередь, за молодежь, которая своим трудом должна будет способствовать развитию территорий. При этом имеет качественное образование, повышенный уровень потребностей и высокую мобильность.

На основе анализа различных источников (теоретические исследования миграции молодежи, статистические данные, социологические исследования) указывается, что миграционные процессы влияют на характер социально-экономического положения Иркутской области, возможности развития ее экономики, эффективность функционирования человеческого капитала.

В статье проанализированы причины молодежной миграции, выделены регионы, привлекательные с точки зрения мигрирующего населения из Иркутской области. Отмечено, что миграция носит центростремительный характер, при котором молодежь стремиться переехать в город мегаполис – Москву, города миллионеры: Санкт-Петербург, Красноярск, Новосибирск. В пределах области самым желанным для переселения является г. Иркутск.

В итоге исследования выдвинуты предложения по улучшению миграционного климата и увеличения притока молодежи.

Ключевые слова: молодежь, Приангарье, молодежь Иркутской области, миграция, «западный дрейф»

Информация о статье: Дата поступления 22 февраля 2019 г.; дата принятия к печати 4 марта 2019 г.; дата онлайнразмещения 25 марта 2019 г.

Для цитирования: Струк Е.Н. Молодежь Приангарья: западный дрейф 2000-х // Социальная компетентность. 2019. Том 4. № 1. С. 80–86.

Young people of Angara region: western drift in 2000s

© Elena N. Struk

Irkutsk National Research Technical University, Russian Federation, Irkutsk

Abstract: A number of Siberian regions faced a serious situation with regard to migration of residents to other regions of Russia. This trend has been observed since the late 80s of the 20th century. In Angara region the youth population that is the most active agents of changes decreases. Not only decline in fertility and pollution affect the demographic loss of the region, but also the migration outflow contributes to reducing the number of young people in the region. How does this threaten the area, what consequences can it cause?

The article discusses the evolution of migration flows in Irkutsk region, characterizes the relationship between migration processes and the socio-economic situation of the region. Various factors and aspects of migration are analyzed. The author notes that in the modern world there is a struggle for labor resources, primarily for young people, who should contribute to the development of territories and who have a sound academic background, the higher level of requirements and high mobility.

Based on the analysis of various sources (theoretical studies of youth migration, statistical data, sociological studies), it is indicated that migration processes influence the nature of the socio-economic situation of Irkutsk region, the possibilities for the development of its economy, and the efficiency of human resource in Angara region.

The article analyzes the causes of youth migration, identifies regions that are attractive from the point of view of the migrant population from Irkutsk region. It is noted that the migration in Angara region is of a centripetal character, in which young people strive to move to a metropolitan city - Moscow, cities with a million-plus population: St. Petersburg, Krasnoyarsk, Novosibirsk.In the region, the most desirable for resettlement place is the regional center of Irkutsk.

As a result, the research puts forward proposals to improve the migration climate in Irkutsk region to increase the influx of young people.

Keywords: youth, Angara region, youth of Irkutsk region, migration, "western drift"

Article details: Received February 22, 2019; accepted for publication March 4, 2019; available online March 25, 2019.

For citation: Struk E.N. Young people of Angara region: western drift in 2000s. Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 80–86. (In Russ.).

Даже беглого взгляда на карту мира достаточно, чтобы увидеть - Россия по-прежнему остается самой большой по территории страной. При этом ее географическое положение не равномерно. Большая часть территории принадлежит Азиатскому региону (земли Сибирского и Дальневосточного округов составляют 66,4 % территории страны). Население распределяется также не равномерно. В Сибирском и Дальневосточном федеральных округах на 01.01.2019 г. проживало всего около 17,3 % населения страны, в 2008 году – 19 %. Для примера – население Москвы и Московской области на 01.01.2019 г. составляло 13,6 % населения страны, а на 01.01.2008 г. – 11,7 %. При этом социально-экономический рейтинг Сибирских регионов падает (кроме газо- и нефтедобывающих регионов – Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ, Тюменская область). Иркутская область в рейтинге социально-экономического развития за 2017 год заняла 29 место, против 23 в 2016 году¹. В докладе «Социальное партнерство. Его роль и значение в социально-экономическом развитии региона» президент Союза «Торгово-промышленная палата Восточной Сибири», председатель комиссии по региональному и экономическому развитию Общественной палаты Иркутской области Алексей Соболь, который был сделан 5 марта 2019 года на итоговом заседании Конгресса национальных и общественных организаций Иркутской области отмечено, что «в рейтинге российских регионов по качеству жизни за 2017 год, по данным агентства «РИА Рейтинг», Приангарье находится на 69 месте среди 85 субъектов (позиция за 2016 год была такой же). В

частности, ежегодно в Иркутской области снижается численность населения. За 17 последних лет население региона сократилась почти на 240 тысяч человек. При этом необходимо отметить, что в большей степени Приангарье покидают лица молодого и трудоспособного возраста, как следствие, их численность в Иркутской области за семь прошедших лет сократилась на 163 тысячи человек. Уровень реальной безработицы остается одним из самых высоких среди сибирских регионов - он составил 9 % по состоянию на ноябрь 2017 г., что оказалось выше среднего значения по СФО почти на 2 пункта (70-е место по России). По показателю смертности населения в трудоспособном возрасте регион находится на 82-м месте среди всех субъектов РФ и на 80-м месте – по ожидаемой продолжительности жизни. Иркутская область является одним из «лидеров» по доле населения с доходами ниже прожиточного минимума, занимая 76ю позицию в рейтинге регионов РФ за 2017 г. Начиная с 2012 г., доля бедного населения в Приангарье ежегодно возрастала, и сегодня каждый пятый житель региона не может обеспечить даже минимально установленный уровень потребления». Остро чувствуя все социально-экономические неполадки в региональной системе Иркутской области, молодежь переезжает в более благополучные регионы или в места, с растущими рейтингами (что является показателем развития, а значит увеличение количества рабочих мест, роста благополучия населения).

При этом глобальное перемещение населения является мировой тенденцией, международных мигрантов в настоящее время больше, чем когда-либо. «В 2016 году

¹ РИА РЕЙТИНГ. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2017 года. [Электронный ресурс]. URL.: http://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html (дата обращения: 01.03.2019). RIA RATING. Rating of the socio-economic status of the subjects of the Russian Federation at the end of 2017. [Electronic resource]. URL: http://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html (access date: 01/03/2019).

² Социально-экономическое развитие региона – в центре внимания общественности Иркутской области: Законодательное собрание Иркутской области. [Электронный ресурс]. URL.: http://www.irk.gov.ru/events/news/detail.php?ID=19457 (дата обращения: 01.03.2019). The socio-economic development of the region in the center of public attention in Irkutsk Region: Legislative Assembly of Irkutsk Region. [Electronic resource]. URL: http://www.irk.gov.ru/events/ news/detail.php?ID=19457 (access date: 03/01/2019).

по всему миру были вынуждены переместиться более 65,5 миллиона человек, в числе которых около 22,5 миллиона беженцев, 40,3 миллиона внутренне перемещенных лиц и 2,8 миллиона людей, ищущих убежища»3. В 1995 году в мире насчитывалось 1,03 млрд, лиц в возрасте от 15-24 лет (18 % населения земли). В 2018 году – 1,8 млрд⁴. 258 миллионов международных мигрантов около 11 процентов из них были моложе 24 лет в 2017 году⁵. Связано это с тем, что в эпоху построения глобального мира миграция играет ключевую роль, а «перемещение людей - это краеугольный камень всеобщего устойчивого развития. Международные и внутригосударственные перемещения людей в города способствуют их росту и созданию очень диверсифицированных населенных пунктов, способных содействовать взаимопониманию культур и стимулировать развитие. Перемещение может быть вызвано конфликтами, гуманитарными кризисами или обстоятельствами, когда люди считают, что у них ограниченные возможности, или полагают, что их права находятся под угрозой или нарушаются. У людей, которые переезжают из-за нищеты, отсутствия возможностей, а также вследствие конфликтов или кризисов, нередко высокая мотивация: они хотят найти место, где перед ними откроются более светлые перспективы. Именно этим объясняется миграция большого числа молодых людей в города и между городами в поисках лучшего будущего». При этом «существуют общие закономерности внутреннего перемещения в направлении городских районов и из мест с высокой концентрацией сельскохозяйственного труда. Данные переписей населения по 58 странам показывают, что внутренняя миграция отражает автоматическую селекцию в зависимости от образования: лица с более низким уровнем образования чаще переезжают в прилегающие (соседние) районы и остаются в сельской местности, в то время как лица с более высоким уровнем образования мигрируют в более отдаленные районы, где больше возможностей для профессиональной деятельности»⁷.

В современном мире идет борьба за трудовые ресурсы, которые будут способствовать развитию территорий. В первую очередь это молодежь, которая имеет качественное образование, высокий уровень потребностей и желание изменить мир. Она обладает мобильностью, так как чувство привязанности к месту у данной возрастной группы развито меньше, чем у других возрастных категорий населения. При этом молодежь активна и готова к переменам. Не стоит забывать, что в мире сейчас наблюдается самое большое количество молодых людей. В международной классификации ООН, зафиксированной во «Всемирной программе действий в интересах молодежи», к молодежной категории отнесены люди в возрасте от 15 до 24 лет⁸.

В 2010 году на подростков и молодежь в возрасте от 10 до 24 лет приходилось

³ Office of the United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR), Global Trends: Forced Displacement in 2016 (Geneva, 2017) [Электронный ресурс]. URL.: https://undocs.org/ru/E/CN.9/2018/3 (дата обращения: 02.03.2019)

Office of the United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR), Global Trends: Forced Displacement in 2016 (Geneva, 2017) [Electronic resource]. URL: https://undocs.org/ru/E/CN.9/2018/3 (access date: 03/02/2019)

⁴ Всемирная программа действий в интересах молодежи. [Электронный ресурс]. URL.: https://www.ifap.ru/pr/2006/060425ba.pdf (дата обращения: 20.02.2019). World Youth Action Program. [Electronic resource]. URL: https://www.ifap.ru/pr/2006/060425ba.pdf (access date: 02/20/2019).

⁵ Youth and migration: Engaging youth as key partners in migration governance. Сайт ООН [Электронный ресурс]. URL.: https://www.iom.int/idm-2019-youth-and-migration-engaging-youth-key-partners-migration-govern-

ance (дата обращения: 01.03.2019) Youth and migration: Engaging youth as key partners in migration governance. UN site [Electronic resource]. URL .: https://www.iom.int/idm-2019-youth-and-migration-engaging-youth-key-partners-migration-governance (access date: 01.03.2019)

⁶ Комиссия по народонаселению и развитию. Доклад Генерального секретаря. Пятьдесят первая сессия 9–13 апреля 2018 года [Электронный ресурс]. URL: https://undocs.org/ru/E/CN.9/2018/3 (дата обращения: 01.03.2019) Commission on Population and Development. Report of the Secretary General. Fifty-first session, April 9–13, 2018 [Electronic resource]. URL: https://undocs.org/ru/E/CN.9/2018/3 (access date: 03/01/2019) ⁷ Tam жe. Ibid.

⁸ Всемирная программа действий в интересах молодежи. [Электронный ресурс]. URL.: https://www.ifap.ru/pr/2006/060425ba.pdf (дата обращения: 20.02.2019) World Youth Action Program. [Electronic resource]. URL: https://www.ifap.ru/pr/2006/060425ba.pdf (access date: 02/20/2019)

28 процентов мирового населения⁹. Количество молодежи в России по статистике в 2016 году - 31,4 млн. (14-30 лет), что составило 21,5 % от общего населения. По данным 2017 года, в России проживают 29,4 млн. молодых людей. Это 20 % от общего населения страны. По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области численность постоянного населения области на 01.01.2018 г. – 2 404,2 тыс. человек, а на 01.01.2008 г. она составляла 2 507,6 тыс. человек, на 01.01.1998 г. на территории Приангарья проживало 2767849 человек, из них 706 540 молодых людей, что составляло 25 % от общего числа жителей области. 572870 молодых людей (81,1 %) проживало в городах, 133670 (18,9 %) – на селе 10 .

В Российской Федерации молодесчитают «социально-демографиче-СКУЮ ГРУППУ, ВЫДЕЛЯЕМУЮ НО ОСНОВЕ ВОЗрастных особенностей, социального положения и характеризующаяся специфическими интересами и ценностями. Эта группа включает лиц в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях, определенных нормативными правовыми актами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, – до 35 и более лет, имеющих постоянное место жительства в Российской Федерации или проживающих за рубежом (граждане Российской Федерации и соотечественники)»¹¹. В настоящее время на сайте Палаты молодых парламентариев

Федерального собрания Российской Федерации опубликован проект Закона «О молодежи и государственной молодежной политике в Российской Федерации», в котором предлагается повысить возраст молодежи до 35 лет¹². Данное обстоятельство связано с увеличением общей продолжительности жизни населения и желанием людей принимать участие в работе молодежных организаций (профсоюзов, союзов и объединений молодежи и т. п.) после 30 лет.

Несмотря на развитую инфраструктуру работы с молодежью, созданную в Иркутской области 13, регион продолжает терять свою активную и молодую часть. 40 % мигрантов - молодые люди, из них процент городской молодежи около 80. По данным исследования социологов Иркутского государственного университета, проведенного в 2017 году, 41,4 % молодых людей планируют переезд из региона в течение ближайшего года, из них 36,4 % – за пределы Иркутской области (Гольцова, 2017. С. 103-109). При этом, как и в целом по России, больше всего молодежи теряют города и муниципальные районы, расположенные на большом удалении от региональных центров, для этих же территорий характерна самая негативная динамика численности населения (Мкртчян, 2004. С. 94–104). Довольно большой поток молодых мигрантов, как правило, связан с выездом для получения образования. И если это общемировая тенденция, то серьезной проблемой для Иркутской области являются «образованные невозвращенцы» -

⁹ Как изменился мир за последние 20 лет? [Электронный ресурс]. URL.: https://www.unfpa.org/news/how-has-world-changed-last-20-years (дата обращения: 20.02.2019). How has the world changed in the last 20 years? [Electronic resource]. URL: https://www.unfpa.org/news/how-has-world-changed-last-20-years (access date: 02/20/2019).

¹⁰ Государственный доклад «Молодежь Иркутской области», 2008 г.: Министерство по молодежной политике Иркутской области. [Электронный ресурс]. URL.: https://mmp38.ru/activities/the-report-is-of-great/ (дата обращения: 18.02.2019). State report "Youth of Irkutsk Region", 2008: Ministry of Youth Policy of Irkutsk Region. [Electronic resource]. URL: https://mmp38.ru/activities/the-report-is-of-great/ (access date: 02/18/2019).

¹¹ Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Российская газета. [Электронный ресурс]. URL.: https://rg.ru/2014/12/08/molodej-site-dok.html (дата обращения: 01.03.2019). Fundamentals of the state youth policy of the Russian Federation for the period until 2025

^{//} Rossiyskaya gazeta. [Electronic resource]. URL .: https://rg.ru/2014/12/08/molodej-site-dok.html (access date: 03/01/2019).

¹² Проект Закона "О молодежи и государственной молодежной политике в Российской Федерации" [Электронный ресурс]. URL.: http://пмзсф.рф/proekt-zakona/index.php?sphrase_id=91 (дата обращения: 01.03.2019). Draft Law "On Youth and State Youth Policy in the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: http://пмзсф.рф/proekt-zakona/index.php? Sphrase_id = 91 (access date: 03/01/2019).

¹³ Государственный доклад «Молодежь Иркутской области», 2015, 2016, 2017 гг.: Министерство по молодежной политике Иркутской области. [Электронный ресурс]. URL.: https://mmp38.ru/activities/the-report-is-ofgreat/ (дата обращения 18.02.2019). State report "Youth of the Irkutsk Region", 2015, 2016, 2017: Ministry for Youth Policy of the Irkutsk Region. [Electronic resource]. URL.: https://mmp38.ru/activities/the-report-is-of-great/ (access date: 02/18/2019).

77,8 % выезжающих для получения образования не планируют возвращаться домой, а 12,7 % респондентов затруднились с ответом на данный вопрос. Выезжая на учебу, молодые люди желают закрепиться в Санкт-Петербурге (28,9 %) и Москве (25,9 %), Новосибирске (17 %) и Красноярске (6,7 %) (Гольцова, 2017. С. 103–109).

Территориальная структура, называемого, «западного дрейфа» начала изменяться после 2005 года, когда бурное социально-экономическое развитие Новосибирской области и Красноярского края в 2000-е годы стимулировало отток в эти места жителей Иркутской области. «Небольшой, но стабильный прирост в обмене с дальневосточными регионами сменился к 2007 г. на отрицательное сальдо. Иными словами, растущее отставание Иркутской области от Красноярска и Новосибирска ведет к потерям собственного населения и заметно снижает потенциал миграционного притока из других регионов страны» (Григоричев, 2012. С. 87–97).

Развитие соседних регионов и отставание от них Иркутской области привело к падению миграционного прироста в областном центре – Иркутске, который, обладая развитой образовательной инфраструктурой, привлекал молодежь. Серьезной проблемой областного центра является не развитый рынок труда для выпускников учебных заведений. Анализ сайтов рекрутинговых агентств, работающих на территории Приангарья, показал, что только 10 % вакансий не требуют опыта работы, да и те в сфере обслуживания (официант, продавец, диспетчер такси). При этом московские агентства охотно ведут подбор персонала без опыта работы.

Молодые люди, выразившие желание уехать из региона, среди причин переезда часто называют работу, образование и семейно-брачные планы. Переезд с целью работы планируют 38,8 %, главным мотивом называется возможность самореализации (48,1 %). Этот фактор вышел на первое ме-

сто, на втором месте находится уровень заработной платы (38 %), на третьем - престижность будущей работы (13,9 %). Для получения образования собираются мигрировать 30,6 % (Гольцова, 2017. С. 103-109). Таким образом, Иркутская область оказалась для молодежи малопривлекательным регионом. Можно было бы не переживать за ее судьбу, если бы не переселенческая история, которая длится до сих пор. Наполнение населением области всегда происходило за счет мигрантов, своих демографических ресурсов не хватало. «Крушение государственной социалистической ЭКОНОМИКИ привело к сворачиванию государственно спонсируемых программ переселения и оседания, к кризису и болезненной перестройке той структуры экономики, которая мигрантов принимала и закрепляла. Новых инструментов привлечения населения в Сибирь государство найти не смогло, а для рыночной экономики более выгодным решением оказались временные трудовые мигранты» (Григоричев, 2012. С. 87-97).

До начала 2000-х Иркутская область питалась мигрантами из Бурятии, Якутии, Читинской области, однако в 2010-х, в связи с созданием федеральных университетов в Якутске и Владивостоке, повышением уровня жизни в этих регионах, возможности получения образования и работы в Китае, а также резким уменьшением демографического потенциала малых городов и сельской местности, подпитывающей население областного центра, Иркутск больше не может устойчиво «удерживаты» население. Доля международной миграции так же пошла на убыль и в 2018 году показала отрицательный прирост – 54914. Таким образом, миграционные потоки либо минуют область: жители Дальнего Востока и других регионов в транзитном дрейфе не задерживаются в Приангарье, либо свои жители переезжают на запад страны.

Исследователи из Байкальского государственного университета основными причинами миграции населения из Сибири в последнее десятилетие назвали:

Migration of the population of Irkutsk region according types of migration [Electronic resource]. URL: http://irkutskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/irkutskstat/resources/fb186d804cf22845992ebbde558d66d5/type_migration2018.html (access date: 02.22.2019).

¹⁴ Миграция населения Иркутской области по видам миграции [Электронный ресурс]. URL.: http://irkutskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/irkutskstat/resources/fb186d804cf22845992ebbde558d66d5/type_migration2018.html (дата обращения: 22.02.2019).

- стремление людей к улучшению качества и условий жизни (социальной инфраструктуры);
- поиск трудоустройства в организации с более высокой оплатой труда, на перспективные должности, по специальности;
- потребность в получении и расширении знаний (многие абитуриенты с высокими баллами ЕГЭ едут в Москву и Санкт-Петербург для получения образования);
- ухудшение экологической обстановки в месте проживания;
- необходимость в изменении климатических условий по состоянию своего здоровья или здоровья родственников и близких людей (многие сибиряки стремятся переезжать в регионы, приближенные к Черному или Каспийскому морю);
- объединение с живущими в других регионах родственниками, вступление в брак;
- ухудшение условий трудовой деятельности, развитие конфликтных ситуаций на работе;
- случайные обстоятельства и другие причины (Самаруха, 2018. С. 56–62).
- На наш взгляд, существуют и более существенные причины оттока населения из региона:
- целенаправленная государственная политика стимулирования «западного дрейфа», несмотря на декларативные заявления о поднятии уровня жизни в сибирских регионах и создании здесь новых рабочих мест. Данный тренд связан с сжимающимся предложением рынка труда центральных регионов России. Опыт европейских стран показывает, что рост экономики не происходит при сокращении занятости и повышении производительности труда, «западные модели экономического роста демонстрируют необходимость восполнения дефицита предложения труда, вызванного демографическим спадом. Сохранение западного вектора и центростремительности миграционного движения можно считать устойчивой тенденцией всей перспективы. Этому будет способствовать и наиболее

стремительная естественная убыль трудоспособного населения в Центральном федеральном округе по сравнению с другими округами» (Зайончковская, 2012. С. 3–18). Таким образом, нехватка населения в центральных регионах Российской Федерации будет восполняться за счет жителей других регионов страны;

- введение единых образовательных стандартов, рейтинга вузов, единого государственного экзамена призвано наполнить студентами вузы центра страны. В последние голы происходит обвальное уменьшение числа студентов. Если на начало 2005/2006 учебного года численность обучающихся в вузах по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры на 10 000 человек населения составляла 493 человека, то в 2017/2018 учебном году только 289 человек¹⁵;
- сосредоточение постиндустриальной экономики (экономики знаний) в центральных регионах и крупных городах, в первую очередь, Москве и Санкт-Петербурге, что требует квалифицированных высокообразованных специалистов. Уже сейчас, по данным Росстата, можно увидеть диспропорцию в территориальном распределении по уровню образования населения по регионам (данные 2017 года): в г. Москве имеют высшее образование - 49,1 %, среднее профессиональное – 27 %, в г. Санкт-Петербурге высшее образование у 42,8 %, среднее профессиональное у 25,8 %, в г. Севастополь высшее образование у 43,1 %, среднее профессиональное у 23,8 %, это самый высокий процент занятых с высшим образованием в стране. В Иркутской области высшее образование имеют 29,3 % жителей, среднее профессиональное – 20,5%. В СФО лидирует по числу людей с высшим образованием Новосибирская область 16.

Отток молодежи из Иркутской области уже привел к серьезным последствиям для развития региона:

– уменьшению доли студенческой молодежи, что привело к закрытию части вузов региона, соответственно, потери рабочих мест для наиболее образованной части

¹⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели - 2018 г. http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/ Main.htm (дата обращения: 22.02.2019). Regions of Rus-

sia. Socio-economic indicators - 2018. http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm (access date: 02.22.2019). ¹⁶ Tam жe. Ibid.

населения:

- катастрофическое старение населения, что приводит к росту нагрузки на трудоспособное население и систему здравоохранения;
- снижение научного, творческого, культурного потенциалов области;
- потери темпов формирования постиндустриальной экономики в регионе и окончательному закреплению его как сырьедобывающего на карте страны.

В качестве подведения итогов можно отметить, что руководству региона необхо-

Библиографический список

Гольцова Е.В. Миграционное поведение молодёжи Иркутской области // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 103–109.

Мкртчян Н.В. Западный дрейф внутрироссийской миграции // Отечественные записки. 2004. № 4 (19), С. 94–104. Григоричев К.В. Миграционные процессы в Иркутской области на рубеже XX–XXI вв. / Этномиграционные и этнодемографические процессы на Востоке России в конце XIX начале XXI вв. Иркутск: «Оттиск», 2012. С. 87–97.

Самаруха В. И. Миграционное движение населения регионов Сибири // Известия Байкальского государственного университета. 2018. Т. 28, № 1. С. 56–62.

Зайончковская Ж.А. Федеральные округа на миграционной карте России // Регион: экономика и социология, 2012. № 3. С. 3–18.

Smith D. P., Rerat P., Sage J. (2014) Youth Migration and Spaces of Education. Children's Geographies. Vol. 12. No 1. Pp. 1–8. DOI: 10.1080/14733285.2013.871801.

Cooke T. J., Boyle P. (2011) The Migration of High School Graduates to College. Educational Evaluation and Policy Analysis. Vol. 33. Iss. 2. Pp. 202–213. DOI: 10.3102/0162373711399092.

Сведения об авторе

Струк Елена Николаевна, доктор философских наук, заведующая кафедрой социологии и психологии, email: struken@ex.istu.ru

Критерии авторства

Струк Е.Н. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

- димо: сформировать команду поддержки вузов, всячески лоббировать их интересы на федеральном уровне;
- расширять поддержку малого и среднего бизнеса (особенно в наукоемких отраслях) в регионе, в первую очередь, оградив свой бизнес от произвола федеральных и зарубежных ритейлерских сетей;
- создать льготные условия для бизнеса, принимающего на работу молодых людей, без практического опыта работы;
- активно предоставлять ссуды для покупки молодежью собственного жилья.

References

Goltsova E.V. Migration behavior of young people of the Irkutsk region. Sociological studies, 2017, no. 5, pp. 103–109. (In. Russ.).

Mkrtchyan N.V. Western drift of internal Russian migration. Domestic notes ,2004, no. 4 (19), pp. 94–104. (In. Russ.).

Grigorichev K.V. Migration processes in Irkutsk region at the turn of the XX–XXI centuries. Ethno-migration and ethno-demographic processes in the east of Russia in the late XIX–early XXI centuries. Irkutsk: Reprint Publ., 2012, pp. 87–97

Samarukha V. I. The migration movement. Bulletin of the Baikal State University, 2018, vol. 28, no. 1, pp. 56–62. (In. Russ.).

Zayonchkovskaya J.A. Federal districts on the migration map of Russia. Region: eco-nomics and sociology, 2012, no. 3, pp. 3–18. (In. Russ.).

Smith D. P., Rerat P., Sage J. (2014) Youth Migration and Spaces of Education. Children's Geographies. Vol. 12. No 1. Pp. 1–8. DOI: 10.1080/14733285.2013.871801.

Cooke T. J., Boyle P. (2011) The Migration of High School Graduates to College. Educational Evaluation and Policy Analysis. Vol. 33. lss. 2. Pp. 202–213. DOI: 10.3102/0162373711399092.

Author Credentials

Elena N. Struk, Dr. Sci. (Philosophy), head of Sociology and Psychology Department, email: struken@ex.istu.ru

Criteria for Authorship

Struk E.N. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article УДК 811.511.14:39

Использование и общественная значимость языков коренных народов Югры: социологический аспект

© С.Х. Хакназаров

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы использования и общественной значимости родных языков коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Основная цель исследования заключалась в изучении современного состояния уровня владения родными языками. Также оценке общественной значимости родных языков и определение уровня жизнестойкости в современных условиях. В частности, обобщаются и анализируются результаты социологических исследований, проведенных по данной тематике на территории Нефтеюганского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2018 г. и ранее. Исследования проводились анкетным методом. Анкета содержала 28 вопросов с вариантами ответов. Респондентам нужно было выбрать только те, которые они считали приемлемыми. Результаты мониторинга обработаны в программе для обработки социологической информации «Vortex». В мониторинге участвовали респонденты различных возрастных групп, проживающие в населенных пунктах Ханты-Мансийского района. Образовательный уровень респондентов из числа КМНС достаточно высокий: 63,3 % респондентов имеют среднее профессиональное и высшее образование. Результаты исследования показывают, что абсолютное большинство респондентов Ханты-Мансийского района предпочитают общаться в семье на русском языке. В детстве с респондентами родители общались больше на русском языке. Наблюдается постоянный интерес к родным языкам. Абсолютное большинство респондентов района высказались за сохранения родного языка. Многие продемонстрировали желание выучить родной язык. Большинство респондентов отметили его низкую общественную значимость. Большая часть респондентов указывают, что их родные языки находятся под угрозой исчезновения.

Ключевые слова: родной язык, владение, использование, общественная значимость, коренные народы Севера, респонденты, Ханты-Мансийский район

Информация о статье: Дата поступления 22 февраля 2019 г.; дата принятия к печати 4 марта 2019 г.; дата онлайнразмещения 25 марта 2019 г.

Для цитирования: Хакназаров С.Х. Использование и общественная значимость языков коренных народов Югры: социологический аспект // Социальная компетентность. 2019. Том 4. № 1. С. 87–94.

Use and public significance of languages of the indigenous peoples of Ugra: sociological aspect

Said K. Khaknazarov

Ob-Ugric institute of applied research and development, Khanty-Mansiysk, Russian Federation

Abstract: The article discusses the use and public significance of the native languages of the indigenous small-numbered peoples of the North of the Khanty-Mansiysk autonomous okrug - Ugra. The main objective of the study was to examine the current state of the level of native languages proficiency, to assess the public significance of native languages and determine their level of resilience in the current context. Specifically, the results of sociological studies conducted in Nefteyugansk district of Khanty-Mansiysk autonomous okrug - Ugra in 2018 and before are summarized and analyzed. The questionnaire method was applied. The questionnaire included 28 multiple choice questions; respondents should have selected only those answers that they considered acceptable. The monitoring results were analyzed by the program for processing sociological information "Vortex". The monitoring involved respondents of different age groups living in the settlements of Khanty-Mansiysk district. The level of education of the respondents is quite high: 63.3% of respondents have secondary vocational and higher education. The survey shows that the majority of respondents in Khanty-Mansiysk region prefer the Russian language when communicating with the family. In childhood, the respondents in barrents communicated more in Russian. There is an increasing interest in native languages. The vast majority of respondents in the region spoke in favor of preserving their native language. Most respondents showed a desire to learn their native language; they stated the low social significance of the native language and said that their languages threatened with extinction.

Keywords: native language, possession, use, social significance, indigenous peoples of the North, respondents, Khanty-Mansiysk district

Article info: Received February 22, 2019; accepted for publication March 4, 2019; available online March 25, 2019.

For citation: Khaknazarov S. Kh. Use and public significance of languages of the indigenous peoples of Ugra: sociological aspect. *Sotsial'naya kompetentnost'* = Social Competence. 2019, vol. 4, no. 1, pp. 87–94. (In Russ.).

В любой общественной группе вне Зависимости от свойств и величины язык играет важнейшую роль [Лантух]. Он - самая крепкая связь, соединяющая членов группы, в то же время он – символ и защита языкового коллектива. Язык – это не только охранительный инстинкт народа, он также содержит в себе безграничные потенциальные ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ДУХОВНОГО, КУЛЬТУРНОГО, ЭСтетического, интеллектуального развития и совершенствования. Французский учёный Балли подчёркивает значимость родного языка для развития личности человека и его судьбы в целом, он пишет, что родной язык неотъемлем от нашего мышления, он тесно связан со всей нашей жизнью – личной и общественной, выражает наши радости и СТРАДАНИЯ, СТАНОВИТСЯ ДЛЯ НАС СИМВОЛОМ нашей личности и общества, в котором мы живём. Балли отмечает, что родной язык, употребляемый нами с раннего детства, способен навязать нашему мышлению формы, в подчинении у которых мы будем находиться в течение всей жизни» (цитир. по Λ ahtyx).

В ст. 2. «О государственных гарантиях и равноправия языков народов Российской Федерации» (Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1....) отмечено, что Российская Федерация гарантирует каждому право на использование родного языка, свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества, независимо от его происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, отношения к религии и места проживания.

Также в данном документе отмечено, что равноправие языков народов Российской Федерации охраняется законом. Никто не вправе устанавливать ограничения или привилегии при использовании того или иного языка, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Нормы, устанавливаемые настоящим Законом, распространяются на граждан Российской Федерации, а также на иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории РФ.

Согласно В.А. Кожемякиной, языковая политика, проводимая по отношению к этническим языкам, основывается на пяти основных принципах: 1) нормальное функционирование языка в сфере семейного общения; 2) употребление языка в общественной жизни данной общины; 3) обучение языку предков в школах; 4) расширение границ использования языка путем вовлечения новых сфер общения; 5) обеспечение существования этнических языков при помощи законов и Конституции (Кожемякина, 1994; 2008).

Касаясь возможности сохранения обско-угорских языков и культур в условиях глобализации, Е.А. Пивнева отмечает, что в основе этноязыковых проблем лежат трудности как объективного, так и субъективного характера. Полиэтническая структура населения региона, в которой коренные малочисленные народы составляют меньшинство, причина узкой сферы использования этнических языков в общественной жизни. В СВЯЗИ С ТЕМ, ЧТО ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ НОРОДОВ ПОчти не востребованы в современной социальной среде, они все больше рассматриваются сегодня как средство фиксации и хранения накопленных народом достижений традиционной культуры, следовательно - прерогативой узкого числа специалистов. Чтобы изменить ситуацию в регионе, необходимо создать механизмы использования ЭТИХ ЯЗЫКОВ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И ДЕЛОВОЙ сферах (Пивнева, 2014).

Там же отмечается, что утрачивает свою функциональную роль и этнический язык как отличительный признак народа, поскольку он вытесняется не только из производственной сферы, но из бытового обслуживания.

Общественная значимость родного языка выступает как комплексный показатель восприятия населением его роли в общественной жизни. В него входит степень владения родным языком большинством населения, а в некоторых субъектах страны и эффективность его функционирования как государственного.

Статус языка – результат, сформиро-

вавшийся на основе функций языка, признания ценности его роли. Поэтому, как правило, говорят о высоком статусе языка (не принято говорить о низком статусе языка). Статус и престижность выражают отношение власти через восприятие говорящих людей, а также качество языковой идентичности группы. Поэтому статус обычно находится в зависимости от самооценки говорящих людей на данном языке.

Хотелось бы отметить, что важным институтом социализации является семья. Именно в ней закладываются первые языковые навыки.

В 2017–2018 гг. Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок методом анкетирования проводил мониторинг состояния родных языков на территориях четырех населенных пунктов Ханты-Мансийского района (с. Кышик, д. Согом, д. Шапша, д. Ярки). Мониторинг состояния читательского интереса проводился в 2017 году.

Опрошено 79 респондентов. Все из числа КМНС. Возраст от 17 до 70 лет. Преобладающее большинство респондентов в возрасте от 21 до 60 лет. Данная возрастная категория в поселках, на базе которых проходило исследование, является самой общирной.

В национальном составе жителей населенных пунктов, в которых проводилось исследование, представлены коренные малочисленные народы Севера (ханты, манси, ненцы) Ханты-Мансийского района. По численности среди них доминируют ханты (91,1%), поскольку этот народ исторически населял исследуемый нами район. Манси и ненцы представлены единично.

Большую активность, по сравнению с мужским населением исследуемых поселков, в опросе проявили женщины (мужчины – 33,0 %, женщины – 67,0 %).

Наибольшее количество, принявших участие в опросе, относятся к категории пенсионеров и безработных – 37,9 %, сфере образования, науки и культуры – 19,0 %, служащие – 12,7 %, традиционных ремесел – 10,1 %. Профессиональная занятость респондентов отражает картину рынка труда сельских населенных пунктов Ханты-Мансийского района ХМАО-Югры.

Среди респондентов преобладают люди, получившие среднее специальное (43,0%), среднее (25,3%) и высшее (20,3%) образование.

Преподавание родного языка в школе – одно из условий его сохранения. По данным Департамента образования и молодежной политики ХМАО-Югры, из четырех населённых пунктов, охваченных исследованием, родной (хантыйский) язык преподают только в школах и дошкольных образовательных учреждениях с. Кышик и с. Согом. Язык манси и ненцев в школах Ханты-Мансийского района не преподают.

Родной язык респондентов: хантыйский – 63,3 %, мансийский –5,0 %, ненецкий – 1,3 %, русский и другой – 30,4 %.

Уровень владения родным языком отражает ситуацию, сложившуюся в Ханты-Мансийском районе. В 2018 г. доля владеющих родными языками в среднем по Ханты-Мансийскому району составила 33,3 % (табл. 1). На основании полученных данных приходим к выводу о том, что в Ханты-Мансийском районе языками автохтонных этносов владеют 12,6% респондентов. Понимают язык, но не говорят на нем – 20,5 %. Согласно данным Ю.В. Исламовой, в 2014 г. родным языком владели, так или иначе, 33,1 % респондентов района (Исламова, 2016). Уровень владения родными языками в целом по району, согласно разработанной автором условной шкалы (Хакназаров, 2016. С. 145), оценивался на основании совокупности ответов респондентов по следующим параметрам: 75-100 % (очень высокий); 53-74 % (высокий); 42-52 % (средний); 21-41 % (низкий); 0-20 % (очень низкий). Следовательно, уровень владения родными языками по Ханты-Мансийскому району считается низким (21-24 %).

Основными причинами незнания родного языка, судя по ответам респондентов, являются отсутствие языковой среды (29,3%) и опыта общения на родном языке в детстве (26,7%). Меньше всего опрошенных (14,7%) среди возможных причин выделяют отсутствие преподавания родного языка в школе (табл. 2). Лишь 5,3% респондентов мотивировали незнание родного языка нежеланием знать и изучать родной язык.

Уровень владения родными языками КМНС в Ханты-Мансийском районе Югры, в % (n=78)

Table 1

The level of native languages proficiency of indigenous people in Khanty-Mansiysk district of Ugra, as % (n = 78)

Варианты ответов	Согом	Шапша	Ярки	Кышик	В целом
Свободное владение (умею выражать свои мысли спонтанно, говорю бегло)	3,7	7,1	0,0	23,1	10,3
Самостоятельное владение (понимаю речь других, говорю бегло)	3,7	0,0	9,1	26,9	11,5
Элементарное владение (понимаю речь других и могу использовать простые фразы)	0,0	0,0	0,0	19,2	6,4
Пассивное владение (понимаю речь других, но не разговариваю)	3,7	0,0	0,0	11,5	5,1
Не владею	88,9	92,9	90,9	19,3	66,7

Таблица 2 Распределение ответов на вопрос: «Если не владеете, то почему?», в % (n=75) Table 2

Distribution of answers to the question: "If you are not proficient, why?" as % (n = 75)

Distribution of driswers to the question. If you are not proficient, why: , as /o (ii = 75)					
Варианты ответа	Согом	Шапша	Ярки	Кышик	В целом
Нет языковой среды	40,7	57,1	18,2	4,3	29,3
Не научили в детстве	33,3	35,7	18,2	17,4	26,7
Не преподавали в школе	18,5	21,4	27,3	0,0	14,7
Нет желания	7,4	0,0	0,0	8,7	5,3
Другое	0,0	7,1	18,2	0,0	4,0
Затруднялись ответить	14,8	14,3	36,4	69,6	34,7

Исследование показало, что подавляющее большинство респондентов (82,3 %) предпочитает общаться в семье на русском языке. На локальном уровне ситуация выглядит следующим образом: д. Согом – 96,3 %, д. Шапша – 92,9 %, д. Ярки – 81,8 %, с. Кышик - 64,0 %.

В детстве с респондентами родители общались преимущественно на русском языке – 62,8 %, на родном языке – 19,2 %, на двух языках (родном и русском) – 16,7 %. Родители общались преимущественно на родном языке в Кышике (46,2 %).

Важно отметить, что абсолютное большинство опрошенных (92,3 %) высказались за сохранения родного языка.

На вопрос: «Если да, то, что нужно делать?» 54,5 % респондентов не смогли дать ответа, 18,2 % считают, что родной язык необходимо изучать в школе, 13,6 % респондентов указали, что для сохранения языка необ-

ходимо языковая среда и больше общаться на родном языке.

Отвечая на вопросы анкеты, только 52,6 % респондентов продемонстрировали желание выучить родной язык (хантыйский – 40,8 %, мансийский – 10,5 %, ненецкий – 1,3 %), 47,4 % опрошенных не изъявили желание выучить родной язык (табл. 3).

Нежелание представителей КМНС овладеть языком своей национальности свидетельствует о том, что со временем количество владеющих языками КМНС будет уменьшаться.

Респонденты демонстрируют прагматичный подход к вопросу о желании выучить родной язык. Основной причиной нежелания является отсутствие необходимости изучения. Многие респонденты в беседе отмечают отсутствие мотивации к овладению языками КМНС. Не смогли объяснить причины (86,1%).

Распределение ответов на вопрос: "Есть ли желание выучить родной язык?", в % (n=76)

Table 3

Distribution of answers to the question: "Do you want to learn your native language?", as % (n - 741

		- 70)			
Варианты ответа	Corom	Шапша	ихак	Кышик	в целом
Да	66,7	35,7	45,4	50,0	52,6
Нет	33,0	64,3	54,5	50,0	47,4

Касаясь вопроса передачи языка от поколения к поколению отметим, что большая часть респондентов (43,6 %) хотят, чтобы их дети и внуки говорили и понимали, 34,6 % желают, чтобы их дети и внуки умели читать и писать на своем родном языке. Не видят в этом необходимости лишь 12,7 % респондентов (табл. 4).

Немаловажное значение в поддержании интереса к родным языкам, в желании овладеть хантыйским, мансийским и ненецким языками играют культурно-массовые мероприятия. В целом по Ханты-Мансийскому району исполняют фольклорные произведения на родных языках (на праздниках, фестивалях, при проведения обрядов и др.) – лишь 11,8% респондентов, не могут исполнять – 60,5 %, исполняют произведения фольклора только на русском языке – 21,1 % респондентов (табл. 5).

Хорошо знают песни, сказки, стихи и др. и исполняют их на родных языках в с. Кышик (33,3 %), исполняют только на русском языке больше всего в с. Согом (44,4%).

Затрагивая вопрос общественной значимости родных языков отметим, что она является важным фактором для владения родным языком. Общественная значимость родного языка выступает как комплексный показатель восприятия населением его роли в общественной жизни. Как недостаточно высокую и низкую общественную значимость родного языка оценили 58,2 % респондентов района. Как высокую и достаточно высокую лишь 24,0 % опрошенных (табл. 6).

Таблица 4 Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, желательно или не желательно, чтобы Ваши дети или внуки владели родным языком?», в % (n=78)

Table 4 Distribution of answers to the question: "In your opinion, is it desirable or not desirable that your children or grandchildren speak their native language?", as % (n = 78)

Варианты ответов	Согом	Шапша	Ярки	Кышик	В целом
Желательно, чтобы умели читать и писать	33,3	35,7	18,2	42,3	34,6
Желательно, чтобы умели говорить и понимать	33,3	57,1	45,5	46,2	43,6
Не вижу необходимости	11,1	14,3	18,2	7,7	11,5
Затрудняюсь ответить	22,2	14,3	36,4	7,7	17,9

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Исполняете ли Вы песни, сказки, стихи и прочее на родном языке (на праздниках, различных мероприятиях)?», в% (n=76)

Table 5

Distribution of answers to the question: "Do you perform songs, fairy tales, poems, etc. in your native language (on holidays, during various events)?", as % (n = 76)

Варианты ответа	Согом	Шапша	Ярки	Кышик	В целом
Да	3,7	0,0	0,0	33,3	11,8
Нет	51,9	71,4	100,0	45,8	60,5
Только на русском	44,4	21,4	0,0	4,2	21,1
Затруднялись ответить	0,0	7,1	0,0	16,7	6,6

Как бы вы оценили общественную значимость Вашего родного языка на сегодняшний день? (Выберите один вариант ответа), в % (n=79)

Table 6

How would you rate the social significance of your native language today? (Choose one answer), as % (n = 79)

Варианты ответа	% от числа опрошенных		
Как высокую	13,9		
Как достаточно высокую	10,1		
Как недостаточно высокую	30,4		
Как низкую	27,8		
Затруднялись ответить	17.8		

Говоря об уровне жизнестойкости родных языков заметим, что большинство респондентов (41,8%) осознают, что их родной язык находится под угрозой исчезновения, 20,0% респондентов обеспокоены судьбой родного языка. Лишь 7,6% не видит опасности. Четвертая часть респондентов (24,4%) не смогла оценить жизнестойкость родного языка в современных условиях (табл. 7).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы оценили жизнестойкость Вашего родного языка в современных условиях?», в % (n=79)

Table 7

Distribution of answers to the question:

"How would you rate the viability
of your native language in the current
context?", as % (n = 79)

Comexit, 4070	1
Варианты ответа	% от числа опрошенных
Находится в безопасности	7,6
Положение вызывает опасения	19,0
Находится под угрозой исчезновения	41,8
Находится в серьезной опасности	3,8
Находится в критическом состоянии	8,9
Затрудняюсь ответить	24.3

Мнения респондентов о мерах, принимаемых государством для сохранения и развития родного языка и культуры, разделились. Большая часть опрошенных (47,6 %) считают, что предпринимаемые государством меры не достаточны для сохранения и развития родных языков КМНС. В целом картина выглядит следующим образом:

- безусловно, достаточно 4,2 %;
- скорее достаточно 15,4 %;
- ничего не изменилось 8,4 %;
- недостаточно 47,6 %;
- затруднились с ответом 24,4 %.

Немаловажным остается вопрос о доступности периодических изданий и теле- и радиопередачи на языках КМНС. По результатам опроса выяснили, что не читают газеты и журналы на родном языке 55,7 % респондентов; не имеют такой возможности 16,5 %; регулярно или иногда читают периодические издания на родном языке 25,3 % респондентов (табл. 8). Больше всего (56,0 %) читают (иногда и на регулярном уровне) периодические издания на родном языке респонденты с. Кышика.

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос: «Читаете ли вы газеты и журналы на родном языке?», в % (n=79)

Table 8

Distribution of answers to the question: "Do you read newspapers and magazines in your native language?". as % (n = 79)

nanve language: , as /o (ii //)				
Варианты ответа	% от числа			
варианты ответа	опрошенных			
Читаю регулярно	15,2			
Читаю иногда	10,1			
Не читаю	55,7			
Нет такой возможности	16,5			
Нет данных	8,9			

Смотрят и слушают регулярно и иногда теле- и радиопередачи на родном языке – 51,9 % респондентов. Не смотрят и не слушают теле- и радиопередачи на родном языке – 30,4 %, не имеют такой возможности 10,1 % (табл. 9). Теле- и радиопередачи на родных языках преимущественно смотрят и слушают (иногда и на регулярном уровне) жители следующих населенных пунктов района: Кышик (76,0 %), Согом (55,0 %).

Распределение ответов на вопрос: «Смотрите (слушаете) ли Вы теле-радио передачи на родном языке?» в % (n = 79)

Distribution of answers to the question:
"Do you watch (listen) television
and radio programs in your
native language?" as % (n = 79)

nanve language: a	3 /0 (II = <i>1 1)</i>		
Варианты ответа	% от числа опрошенных		
Смотрю и слушаю регулярно	24,1		
Смотрю и слушаю иногда	27,8		
Не смотрю и не слушаю	30,4		
Нет такой возможности	10,1		
Нет данных	7,6		

Из нескольких вариантов ответов на вопрос, что больше всего сближает со своим народом, наибольшее количество респондентов (62,0 %) выбрали ответ «родная земля, её природа», язык назвали 38,0 %, национальная одежда и пища – 28 %.

Подводя итоги отметим, что результаты опроса по району указывают на неблагополучную ситуацию по владению родными языками представителями КМНС, проживающими на территории района: владеют

Библиографический список

Лантух Н.А. Родной язык как народный педагог и наставник. [Электронный ресурс]. URL: http://www.uapryal.com.ua/wp-content/uploads/2013/02/04_Lantuh.doc (дата обращения: 22.11.2016).

"О языках народов Российской Федерации". Федеральный закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1-Ф3 (ред. от 12.03.2014). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/7d4f737e756645dc3056cac7b854229de806aa7e/ (дата обращения: 22.11.2016).

Кожемякина В.А. Ситуация языков коренных малочисленных народов Севера в условиях глобализации // Социология и общество: пути взаимодействия // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Инс-т социологии РАН, РОС, 2008. С. 69.

Пивнева Е.А. Пути возможности сохранения обскоугорских языков и культур в условиях глобализации: опыт Югры // Труды Карельского научного центра РАН. 2014. Ne 3, C. 58-85.

Исламова Ю.В. Европейская система языковой компетенции в исследовании функционального состоя-

родным языком в той или иной степени лишь 33,3% опрошенных, что в соответствии с разработанной автором условной шкалой оценки уровня владения родными языками является низким.

В качестве основных причин незнания родного языка были обозначены следующее: языковой среды (29,3 %), не научили в детстве (26,7 %), не преподавали в школе (14,7%). Напрямую они не указывают на роль семьи в этом процессе, но косвенно признают (не научили в детстве, нет языковой среды). Подавляющее большинство респондентов (82,3 %) Ханты-Мансийского района (Согом - 96,3 %, Шапша - 92,9 %, Ярки – 81,8 %, Кышик – 64,0 %) предпочитает общаться в семье на русском языке. В детстве с респондентами родители общались больше на русском языке (62,8 %). Только в Кышике родители общались преимущественно на родном языке (46,2 %). Отмечается снижение интереса к навыкам письменной речи. Большая часть респондентов (43,6 %) хотят, чтобы их дети и внуки говорили и понимали, 34,6 % желают, чтобы их дети и внуки умели читать и писать на своем родном языке. По мнению незначительной части респондентов (13,6 %) для сохранения родного языка необходима языковая среда, чтобы больше общаться на родном языке.

References

Lantukh N.A. Rodnoi yazyk kak narodnyi pedagog i nastavnik [Native language as a national teacher and mentor]. Available at: http://www.uapryal.com.ua/wp-content/uploads/2013/02/04_Lantuh.doc (accessed: 22 November 2016).

On the languages of the peoples of the Russian Federation. Federal Law of the Russian Federation dated 10.25.1991 No. 1807-1-FL (as amended on 12.03.2014). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/7d4f737e756645dc3056cac 7b854229de806aa7e/ (accessed: 22 November 2016). Kozhemyakina V.A. The languages of the indigenous peoples of the North in the context of globalization. Sotsiologiya i obshchestvo: puti vzaimodeistviya. Materialy III Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa[Sociology and society: ways of interaction. Proceedings of the III All-Russian Sociological Congress]. Moscow, Institution

Sotsiologii RAN, ROS, 2008, p. 69. (In Russ.). Pivneva E.A. [Ways of preserving the Ob-Ugric languages and cultures in the context of globalization: the experience of Ugra. Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN[Works of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences], 2014, no.3, pp. 58–85. (In Russ.). Islamova Yu.V. The European language competence system in the study of the functional state of languages (as

Хакназаров С.Х. Использование и общественная значимость языков коренных народов Югры: ... Khaknazarov S. Kh. Use and public significance of languages of the indigenous peoples of Ugra: ...

ния языков (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Север России: стратегии и перспективы развития : материалы II Всероссийской науч.-практич. конф. (Сургут, 27 мая 2016 г.). Сургут : ИЦ СурГУ, 2016. Т. I. С. 45–49.

Хакназаров С.Х. Состояние родных языков коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2008–2011 годах. Ханты-Мансийск, 2012. 202 с.

Сведения об авторе

Хакназаров Саид Хамдамович, кандидат геолого-минералогических наук, заведующий отдела социальноэкономического развития и мониторинга Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация; e-mail: S_haknaz@mail.ru

Критерии авторства

Хакназаров С.Х. обработал результаты исследования, оформил научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

in case of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra). Sever Rossii: strategii i perspektivy razvitiya: materialy II Vserossiiskoi nauch.-praktich. konf. (Surgut, 27 maya 2016 g.).[North of Russia: strategies and development prospects: proceedings of the II All-Russian scientific and practical conference] Surgut: ITs Publishing center Surgut State University, 2016, vol.1, pp. 45–49. (In Russ.). Khaknazarov S.Kh. Sostoyanie rodnykh yazykov korennykh malochislennykh narodov Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry v 2008–2011 godakh [The state of the native languages of the indigenous peoples of Khanty-Mansiisk Autonomous Okrug - Ugra in 2008–2011]. Khanty-Mansiisk, Publ., 2012, 202 p. (In Russ.).

Author's Credentials

Said K. Khaknazarov, Cand. Sci. (Geology and Mineralogy), Head of Socio-Economic Development and Monitoring Department in Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development, Khanty-Mansiysk, Russian Federation; e-mail: S_haknaz@mail.ru

Criteria for Authorship

Khaknazarov S.Kh. has processed the results of the study, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Tom 4 №1 **2019**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

сетевое издание №1 2019

Электронный научный журнал зарегистрирован 26.12.2017 (Свидетельство Роскомнадзора о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-72033).

Главный редактор Е.Н. Струк

Редактор Н.Н. Куклина Ответственный за выпуск Е.Г. Копалкина Перевод на английский М.И. Поповой Верстка Н.П. Дзюндзя

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции:

664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83 E-mail: sociacom@mail.ru Тел./факс 8(3952) 405-442

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»